

Игорь Квентор

ДЗЭН-БУДДИСТ Сашка Тарелкин

Игорь Квентор

Дзэн-буддист Сашка Тарелкин

Игорь Квентор

Дзэн-буддист Сашка Тарелкин.

Санкт-Петербург, самиздат, 2004г.

Фантастическая повесть о приключениях простого автослесаря Сашки Тарелкина, случившихся с ним в параллельных мирах, где он оказался в результате увлечения мудрёной восточной практикой Дзэн. Начавшись с обыкновенного любопытства, оно переросло в довольно запутанный клубок удивительных событий, причиной которых послужила одна из древнейших инкарнаций самого Сашки, где он был могущественным колдуном по имени Мокугай, жившим в Японии. Кроме Сашки вы познакомитесь с его коллегами по автосервису, группой колоритных психов из местной дурки, сталкером Степаном и прочими интересными товарищами.

© И. Квентор, 2004 г

ГЛАВА 1.

*На пути его встали высокие дикие травы,
Стремнины и горы, дороги не видно конца,
Силы и дух уже на исходе, а поиски всё же бесплодны,
Лишь среди шелеста трав слышится пенье цикад.*
Гоань Шюань.

Глаза не хотели разлепляться, как бы Сашка не старался. Будто резиновым клеем намазали. Хуже всего было то, что руки и ноги тоже одеревенели и не слушались. Стало трудно дышать. Сашка не на шутку испугался.

« – Что же это такое, а? Вот ведь, проснулся уже давно, а пошевелиться – ну никак не выходит. Может, помер уже? Жалко ведь, молодой ещё».

Паника, словно девятый вал, стремительно нарастала где-то в желудке и неслась вверх. Сначала сдавленно, а потом всё громче и громче из горла донёсся истошный вопль, как показалось – на всю округу.

Сашка выдрал себя из постели, словно из густого киселя и осоловело уставился в стену напротив. Всё тело покрывала липкая испарина и сотрясала мелкая, противная дрожь. Сашка нервно вздохнул, огляделся по сторонам в поисках стоптанных в ноль шлёпанцев. Тапок не было. Он встал босыми ногами на пол, раздумывая, в сортир сходить или для начала воды попить на кухне? Нет, лучше на толчок. Клапан давит всё настойчивей.

На горшке Сашка размышлял о сегодняшнем странном пробуждении. Подобное уже случалось с ним пару-тройку раз и всегда вызывало животный страх. Главное – не было особых причин для подобных заморочек. Эпилепсией Сашка не страдал, башкой сильно ни обо что не бился, ни в детстве, ни после. В свои тридцать с небольшим он мало, чем болел. Так, насморк, простуда, да зуб иногда прихватывало. Съесть мог практически что угодно. Даже в армии, когда весь полк целую ночь не слезал с толчка после ужина с просроченным сливочным маслом, он один, как ни в чём не бывало, преспокойно проспал до утра и сильно удивился, не увидев в казарме ни одного человека. Хотя масла он слопал больше всех, так как был дежурным по столовой и корешился с одним из поваров.

Впервые такое оцепенение напало на него, примерно с месяц назад, когда он здорово устал на работе и рухнул в постель прямо в одежде и ботинках. Проспал аж до обеда следующего дня. Потом не смог сразу вылезти из кровати, хотя и чувствовал, что проснулся. Вначале он даже решил, что случайно запутался в простыне, и его стянуло вроде мумии. Подёргавшись туда сюда, он понял, что на самом деле ни капли не пошевелился. Дышалось как-то тяжело и судорожно.

Замычал что-то неразборчивое, попытался сжать в кулак правую ладонь, и ему это удалось. Но с каким трудом! Словно рука эта была далеко-далеко и не его вовсе, а совершенно чужая. Затем он расшевелил всю руку. Нашупал вторую и тоже расшевелил. А потом, словно приход какой, тело вздрогнуло, и оцепенение прошло без следа. Сашка облегчённо вздохнул, кашлянул пару раз и усмехнулся:

– Блин, больше так вламывать нельзя. Ну её нафиг, эту работу. Эдак ещё отвалится чего-нибудь в организме, хрен починишь потом.

Однако следующие случаи подобного оцепенения становились всё более затяжными, и Сашка всерьёз стал подумывать о визите к врачу. Мало ли что.

Вот и теперь, выпив на кухне кружку кипячёной воды, он устался в окно на раскидистый клён и стал размышлять вслух:

– Если не пойти, то может стать хуже, но может и само пройти. А если пойти и чего-нибудь обнаружат там неизлечимое или, может даже, смертельное, то неизвестно ещё, что хуже.

От такого расклада стало вдруг жалко себя до слёз. Сашка попытался скорчить плаксивую гримасу и пустить слезу, но чего-то не получалось. Не плакал Сашка, наверное, лет с пяти. В юности он этим очень гордился, но, повзрослев, иногда жалел, что разучился сему нехитрому приёму расслабухи. Бабам проще: поревут немного и опять всё пучком. Мужикам приходится всё копить в себе. Потому, видимо, и пьют они чаще. Сашка на дух не переносил спиртное и за всю жизнь выкурил лишь одну сигарету, да и то потом его долго тошнило.

Осмотрев себя в большом зеркале с головы до ног, Сашка не обнаружил каких-либо внешних признаков патологии. Ничего лишнего не прибавилось и ничего не убыло, всё на своих местах. Глаз не мутный, из носа не капает, чуть бледен, но в пределах нормы. Он повертелся и так и эдак. Блин! На спине вроде чирей назревает. Хотя нет, показалось. Видимо кто-то из кровососов грызнул маленько.

По радио бодро балабонил картавый ведущий, предлагая сегодняшнее утро начать с бега тг'уссой и контг'астного душа. Сашка привычно пожелал диктору благополучно сдохнуть, или подавиться своим бесполезным языком. Затем поставил чайник на плиту и плюхнулся на пол.

Отжиматься Сашка любил. Ещё в армии, будучи салагой, он с лёгкостью переплюнул качка сержанта, отжавшись без перерыва двести раз. Сашка был жилистый и худой, поэтому даже не вспотел, а сержант после первой сотни рухнул без сил и долго потом не мог отдышаться. За это Сашке было позволено самому вести утреннюю зарядку, и он гонял своих сослуживцев по-чёрному. Недовольных «перевоспитывал» сам сержант. Но сегодня что-то не чувствовалось радости от упражнений. Коленки предательски дрожали, и во всём организме ощущалось некое странное беспокойство.

Сашка присел на табуретку, прислонился спиной к стене и прикрыл глаза. Круги какие-то мерцают и разлетаются по сторонам. С удивлением Сашка заметил, что голова слегка кружится. Словно после карусели. Круги сменились разноцветными точками и пульсировали в такт дыханию. Это было забавно. Сашка вдруг почувствовал, что куда-то плывёт, и всё тело снова наливается тяжестью и оцепенением. Он в страхе встрепенулся и часто-часто задышал. Фу-у-ух! Вроде отпустило. Что ж за фигня такая, а?

Чайник призывно засвистел, требуя прекратить безобразие и снять скорее с огня. Сашка выключил газ, заварил покрепче кофе и чуть ли не залпом выпил большую кружку. Внутри сразу захорошело. Глючить перестало, но страх остался.

Что-то необычное с ним творилось, а что – не понятно. И ведь не болит нигде. Хорошо ещё, что сегодня выходной и на работу не надо. На всякий случай Сашка смерил температуру. Как у космонавта – 36,6! Хоть сейчас в скафандр и открытый космос покорять, нафиг. Какого хрена?

Сашка стал вспоминать события прошлого дня.

Пятница – короткий день. Отрубив до обеда, все быстренько разбежались. На работе Сашка особенно не усердствовал. Начальство в отпуске, можно и пофилонить. Дома плотно пообедал и, удобно устроившись в кресле, прочитал пару глав из «Практики Дзэн» Кацуки.

Книжку он купил случайно ещё зимой. Как-то шёл с приятелем мимо лотков с литературой и великодушно согласился подождать, пока тот лихорадочно что-то там искал среди мистики и оккультных наук. Внимание Сашки привлекла небольшая книжица с рисунком сидящего в «лотосе» дядьки, у которого на морде было такое умиротворённое выражение, будто он никому ничего не должен и на всё забил основательно.

Само слово «дзэн» было как-то знакомо. То ли это его приятель про что-то похожее говорил, то ли он сам где-то слышал. Почему-то представлялось нечто супер боевое из фильмов про китайских монахов и прочая такая хрень. Захотелось вдруг купить. К тому же стоила книжка недорого.

Приятель как-то равнодушно отнёсся к покупке. Сказал только, что это слишком завёрнутая штука и врубаться в неё запаришься напрочь. Сашка только пожал плечами и решил, что как-нибудь на досуге попробует изучить предмет, а там посмотрим.

Про книжку он благополучно забыл в тот же вечер, увлёкшись футболом по ящику. Нашёл он её лишь через несколько месяцев. И то случайно. Как-то решил сделать генеральную уборку в своей холостяцкой квартире и шваброй вымел книжку из-под дивана. Обтерев пыль, он в недоумении уставился на улыбающегося мужика. Откуда это? Почесав затылок, с трудом вспомнил. Хотел, было, сразу метнуть её в мусорное ведро, но что-то удержало. Уж больно вид у мужика на рисунке был довольный. И с чего бы это его так пёрло?

И вот вчера он с трудом осилил две главы, пытаясь вникнуть в сложные выкладки товарища Кацуки, но пока это плохо получалось. Одно он понял наверняка: крутыми китайскими монахами тут и не пахнет. Пожалуй, лучше бы он купил книжку по карате. Ему давно хотелось изучить что-нибудь боевое, с криками и ломанием кирпичей об голову. Хотя последнее было немного стрёмно. Башка всё же не кувалда. Можно и без мозгов остаться.

Книжка откровенно была скучна и клонила в сон. Но что-то останавливало Сашку каждый раз, когда он порывался выбросить её нафиг. Будто кто-то внутри него подначивал читать дальше, и он читал, зевая до треска за ушами.

Вечером он, как обычно, сидел на балконе и смотрел на звёзды. Сашка любил смотреть в ночное небо и думать. Мысли приходили самые разные: про инопланетян и другие миры, про космические полёты, про невероятные расстояния, которые мерялись не километрами, а световыми годами. Про то, какие люди маленькие в сравнении с такими громадными пространствами, и насколько мелочными выглядят все их проблемы и заморочки.

Порой приходили и вовсе нелепые идеи. Увидев как-то в старом учебнике по физике строение атома, он вдруг подумал, что картинка очень похожа на нашу Солнечную систему: в центре Солнце, а вокруг него носятся планеты электроны.

А что, если наша Земля – это один из таких электронов, а вся вселенная – огромное скопище атомов, которые составляют тело какого-нибудь офигенного великана? Вот сидит он себе на бережку крупнейшей реки и ловит миллиардкilotонную рыбу. И если у него вдруг зачесется в носу, и он чихнёт, то в каком-нибудь уголке вселенной произойдёт полный и бесповоротный катаклизм. Может даже и у нас.

При этих мыслях Сашку всегда пробирала дрожь, как от сквозняка, когда стоишь босиком на кафельном полу в туалете.

Вот, в общем-то, и всё, чем он вчера занимался. Ничего такого, что могло бы спровоцировать странный инцидент. Кофе на ночь много не пил, есть вообще ничего не ел. Может, звёзды как-то повлияли? Какой-нибудь там взрыв сверхновой или что-то подобное.

Но ничего такого он вчера не наблюдал. Хотя говорят, что на самом деле мы видим не настоящие звёзды, а только их далёкий свет. Чтобы долететь до нас от самой ближайшей звезды ему понадобится несколько лет. Поэтому мы видим не то, что есть сейчас, а то, что уже было когда-то давно.

Да ну. Чушь всё это. Причём тут звёзды? зуб начинает болеть тоже ни с того, ни с сего. Надо всё же сходить к терапевту. Пусть поглядит внимательно. Может чего и обнаружит. А там посмотрим.

К врачу Сашка еле успел. В субботу тот принимал только до 12 часов. Сашка бегом взлетел на третий этаж поликлиники, слегка запыхавшись и чуть покраснев лицом. Терапевт – пожилая женщина – уже собиралась уходить и недовольно поморщилась, когда Сашка вломился в кабинет, громко хлопнув дверью.

– Спокойнее, молодой человек, спокойнее. На пожар что ли спешите?

– Простите. Думал, не успею, а дело срочное.

– Ну-ну. Присядьте, пожалуйста. И в чём же срочность такая? Бюллетень потребовался? – спросила врачиха и выразительно щёлкнула пальцем по шее.

– Нет, что вы! Я этим делом не увлекаюсь и, даже можно сказать, безгую.

– Вот как? Похвально, похвально, – подобрела докторша.

– Тут такое дело...

И Сашка подробно рассказал о своих странных пробуждениях и сегодняшнем головокружении.

Врачиха внимательно слушала и иногда покачивала головой, задавая уточняющие вопросы. Затем смерила температуру, послушала грудь и спину, померила давление, постучала молоточком по рукам и ногам и попросила пару раз присесть, внимательно заглядывая в глаза.

Ничего подозрительного, всё в пределах нормы. Давление вообще замечательное! Сразу видно, человек ведёт здоровый образ жизни. Пульс только слегка учащён, но это вполне возможно от пробежки по этажам поликлиники.

Врачиха пожала плечами и предложила выписать направление к невропатологу. И, на всякий случай, сдать кровь на анализы. Сашка сразу почувствовал себя как-то увереннее и облегчённо вздохнул.

– Значит, вы считаете, ничего страшного?

– Не знаю, голубчик, не знаю. По внешним признакам вы абсолютно здоровы. Посмотрим, что покажет кровь, да и невропатолог у нас вполне квалифицированный товарищ. Непременно к нему

загляните. Сейчас уже поздно. Вот в понедельник он будет вечером, так что непременно, голубчик, к нему зайдите.

– Спасибо, доктор!

– Не за что, голубчик, не за что. До свидания.

Сашка вышел из кабинета с чувством исполненного долга и ощущением некоторого внутреннего подъёма. Он решил прогуляться по городскому парку. Благо, погода стояла отменная: лёгкий ветерок приятно обдувал тело, забуриваясь в короткие рукава рубашки, а солнце лишь слегка припекало, мелькая сквозь листву деревьев.

Присев на пустую скамеечку, Сашка прищурил глаза и попытался сосредоточиться на дыхании, как было написано в заумной книге. Считая каждый раз до десяти, он не мог понять, в чём тут сложность. Вроде всё получается, и со счёта ни разу не сбился, и мысли не скачут по всей башке. Хотя нет. Всё-таки мысли есть. Сашка стал наблюдать за ними и с удивлением обнаружил, что появляются они словно сами по себе из ниоткуда. Причём совершенно разные и никак друг с другом не связанные. Странно. И как он раньше этого не замечал?

Чем дольше Сашка наблюдал за чехардой мыслей и образов в своей голове, тем тише там становилось. Затем этот пестрый балаган превратился в однородное и ненавязчивое зудение, вроде электробритвы.

Вдруг что-то странным образом изменилось в окружающем мире. Сашка открыл глаза пошире и уставился на пышный куст акации по соседству. Возникло какое-то непонятное пространственное искажение: вроде бы тот же самый куст, что был с минуту назад, но он казался теперь каким-то далёким и сжатым, словно отодвинулся. Себя же Сашка почувствовал внезапно расширившимся. При этом видел он всё гораздо чётче, чем обычно.

В голове зазвенела тишина. Именно зазвенела, как тонкий свист в строчнике телевизора. Ощущение было очень приятным и немножко пугающим.

« – Неужели сработало?» – подумал Сашка, поражаясь простоте упражнения из книжки.

Из нирваны его выронил развязный голос:

– Э, слышь чувак? Канай сюда давай.

Сашка очнулся и осоловело уставился на хозяина чёрного «мерина», поманившего его из окна указательным пальцем с огромной золотой печаткой. Пару секунд Сашка приходил в себя, и в душе его зарождался праведный гнев. Ведь сидел тут, никому не мешал, почти в нирвану окунулся, а тут этот хмырь. Сашка вразвалочку подошёл к машине и спокойно произнёс:

– Ну?

– Не нукай, в натуре. Я те чё, блин, лошадь что ли?

– Да хоть козёл безрогий! – желчно выдавил Сашка.

– Чё?! Да ты кого, в натуре, козлом назвал, бл...

Договорить крутой не успел. Сашка молча саданул его кулаком в челюсть, отправив в глубокий нокаут.

– Вот урод, блин! Такую медитацию испоганил.

Крутой без чувств упал на пассажирское сиденье, нелепо взмахнув руками в россыпях голды напоследок. Сашка невозмутимо обтёр соплю с кулака об кожаное сиденье и, не торопясь, направился к выходу из парка. Прогулка была безнадежно испорчена, однако новое ощущение не выходило из головы, и Сашке захотелось поскорее продолжить чтение книги. Он быстрым шагом направился к дому, но вовремя вспомнил, что хотел ещё заскочить в булочную. Пришлось свернуть за угол и пройти ещё пару кварталов.

ГЛАВА 2.

– Слабо хлопнуть одной ладонью? – спросил Бодхидхарма у Хакуина.

– Легко! Подставляй физиономию.

– Ну и мудака же ты, Хакуин.

Вечером по ящику гнали всякую муть. Сашка с остервенением давил на кнопки «лентяйки», пытаясь на чём-нибудь остановиться, однако всё раздражало. По одной программе недоделанные поп звёзды гнусавыми голосами давили из себя очередной хит, по другой – педики-полицейские ловко перепрыгивали через дорогие машины, скользя задницами по капоту.

«– Вот дебилы! – думал Сашка, – Неужели нельзя нормально обойти вокруг тачки и сесть за руль по-человечески? Пижоны долбаные».

По третьей программе уже в сотый раз показывали «Базу», где не слишком крутой Марк Дакаскас пытался скорчить суровую рожу, но невинные круглые глаза делали его похожим на идиота.

По другим программам трепались всякие бормотологи и иже с ними, а остальные каналы предпочитали предательски мерцать и шипеть, не имея сил воспринимать слабый сигнал.

Сашка грохнул кулаком по красной кнопке. Ящик умер, а в комнате наступила такая тишина, что стало слышно, как об сетку балконной двери бьются головой комары, пытаясь дорваться до Сашкиной бесплатной крови.

– У-у халявщики, блин. И кто вас только придумал?

Выпив кружку чая, Сашка нехотя открыл книгу. Днём, после обеда энтузиазм куда-то незаметно испарился. Захотелось спать. Едва начав читать, он провалился в глубокий сон без сновидений. Только к вечеру и проснулся.

И вот теперь на него, или вернее сквозь него, опять смотрел с обложки дядька в позе «лотоса», глаза которого ни фиги не выражали. Вникать в сложности ненашенской науки не хотелось, но других занятий не было. Небо закрылось тучами, спрятав звёзды, и даже угрожающе побухивало где-то вдали.

То, что предлагалось в книге в качестве начальных упражнений, походило на тренировку водолаза: так дыши, эдак дыши, а вот так не дыши. Скука. Сашка пытался в точности следовать

указаниям, но от этого только заболело в груди, а живот обиженно заурчал. Что-то было неправильно.

Хуже всего было то, что в «лотос» Сашке ни в жизнь не скрутиться. Ноги сразу дико сводило судорогой. С трудом удалось затащить только одну ступню на бедро, но ненадолго. Ступня сразу же занемела, вышибая слезу из глаз. Сашка уселся по-турецки, но тогда быстро уставала спина, которая постепенно сутулилась всё больше и больше, несмотря на Сашкины попытки сидеть ровно.

С досады Сашка плюнул и откинулся на диване. Так было удобнее всего, но спина получалась неровной. Так не покатит.

Взгляд упал на стул с высокой спинкой. А ну-ка? Поёрзав на стуле туда-сюда, Сашка нашёл, что проще всего и удобнее сидеть, как примерный ученик в первом классе, положив руки на колени. Ведь и на скамейке в парке он сидел почти так же.

Дыхание как-то само по себе выровнялось и стало почти не заметным. Мысли, однако, не спешили покидать вихрастую Сашкину голову, гоняясь по закоулкам извилин. Тело постепенно налилось какой-то приятной тяжестью. Совсем не такой, как утром при пробуждении. С удивлением Сашка ощутил себя совсем маленьким, сидящим где-то в центре головы за закрытыми глазами. Будто сама голова превратилась в огромный зал и была не его, а какого-то другого Сашки Тарелкина.

Сашка огляделся. Ни фиги себе корки! Он стоял посреди огромного помещения, похожего на круглую пещеру. Ни стен, ни потолка не было видно за чёрно-багровым маревом, а под ногами стелился серый туман, скрывая пол. Что-то промелькнуло перед носом. Вот опять. Сашка не успевал уследить, замечая только смутное движение. Но вот кто-то или что-то стало надвигаться слева очень медленно. Сашка попытался повернуть голову, но не получилось. Будто тисками прихватило. Наконец объект появился в поле зрения полностью.

– Хы! Паровоз, блин! И откуда он в моей башке взялся?

Но, присмотревшись получше, Сашка понял, что это не совсем паровоз. Скорее он был похож на здоровенную гусеницу, неторопливо ползущую по своим делам. А по всему телу этой гусеницы сполохами мелькали знакомые картины. Вот врачиха с молоточком, вот скамейка в парке, вот крутой снова падает на сиденье своего «мерина» разбрызгивая соплю, а вот и булочная и тётя Катя, которая, казалось, срослась со своей кассой навеки.

– Чё за фигня? Это ж мои мысли!

– Ошибаешься, – гулко прозвучал незнакомый голос, и Сашке стало жутко, – Это твоя ретроспективная память. А мысли – это то, что ты не успеваешь уловить и видишь, как мелькающие тени.

– Кто ты? – в страхе спросил Сашка, чувствуя, как ледяные клещи ужаса сдавили не только голову, но и всё остальное.

– Не важно. Потом узнаешь. Ты и так слишком быстро всё делаешь. Пора возвращаться. Ещё увидимся! Пока!

Маревое медленно расплывалось перед глазами, превращаясь в обычную Сашкину комнату. В теле оставалось приятное ощущение расслабленности и покоя. Сашка откровенно тащился, не желая шевелиться.

Ба-бах!!! За окном грохнула петарда. Сашка от неожиданности покрылся гусиной кожей и почувствовал, как по всему телу, поднимая волосы на затылке, пронеслись мурашки.

– Вот уроды, а!

Он выскочил на негнущихся ногах на балкон и от души обложил матом разбежавшихся пацанят, обещая поймать каждого и затолкать эти долбаные петарды им в задницы. Один из них обозвал Сашку козлом. Стало обидно.

Совсем обнаглели эти бестолковые потомки. И нахрена их столько понаделали? Сам Сашка решил никогда не заводить детей. От них только одни огорчения, да сплошные расходы. Мужики на работе, из тех, что семейные, все так и жалятся, как только разговор зайдёт про отпрысков. Ни один своего балбеса или дуру не похвалит. Ну и нафига, спрашивается, их делали? Сашке это было непонятно.

За окном стемнело. Небо продолжало глухо рокотать где-то вдали, намекая на скорую грозу. Спать почему-то совсем расхотелось. Сашка приволок на балкон табуретку и удобно пристроился у стеночки, подложив под спину небольшую подушку.

Ветерок разогнал жужжащих кровопивцев, отчего на душе стало чуть веселее. Однако всеобщее Сашкино настроение было странным. Его одновременно восхищала эта новая способность куда-то погружаться в неизвестное, и пугала сама мысль опять услышать тот мрачный голос, который до сих пор звучал в ушах. Ещё беспокоило всё более частое появление странного оцепенения по утрам. После посещения терапевта вроде бы полегчало, но к ночи опять стало беспокойно.

« – А вдруг завтра и вовсе не проснусь? » – подумал Сашка, и так ему стало себя жалко, что даже в глазах защипало.

Теперь вообще стало страшно ложиться спать. Сашка погрёб на кухню, понуро шаркая шлёпанцами, и поставил чайник на огонь.

– Напьюсь кофе, а там посмотрим.

После безразмерной кружки кофе внутри Сашки захорошело. Волнение само по себе улеглось, оставив только некую неясность в восприятии окружающего мира.

Решив, что сна всё равно не избежать, Сашка смирился с неизбежностью и лёг в постель. Глаза не хотели закрываться, будто их кто-то намеренно распахивал за Сашку. Наверное, кофе хулиганит. Сашка не стал бороться и тихо лежал в кровати, глядя в тёмный потолок. Вскоре там побежали какие-то странные, разноцветные пятна, сливаясь в смутные образы невиданных существ. Они то глядели на Сашку с любопытством, то откровенно игнорировали. Постепенно всё тело налилось вязкой тяжестью, и Сашка провалился в сон, подумав напоследок, что завтра снова выходной и это хорошо-о-о...

* * *

... съем! Поймаю и съем, нафиг! – кричал пузатый шар, гоняясь за Сашкой по всему дворцу.

– Хрена лысого! – кричал в ответ Сашка и ловко уворачивался от длинных щупальцев пузатого.

Они уже часа два носились по залам и коридорам шикарного дворца, в котором кроме них, похоже, никого не было. Сашка не боялся. Наоборот, его захватывала эта бестолковая погоня, во время которой он успевал любоваться богатыми лепными украшениями и сплошной позолотой буквально на всём. Даже пол был весь из золота, отражая тысячи свечей. Классно!

Пузырь тоже не торопился слопать Сашку. Ему нравилось гоняться за ним. Наверное, поэтому Сашка особенно и не боялся.

– Ладно, стой! Дело есть.

– Лукавишь, пузырь. Мы тоже не пальцем деланные.

– Да честно! Вот, смотри.

Сашка остановился. Пузатый вдруг превратился в обычного мужика, только морда была жутко синяя. Но такое бывает. Фигня. Синий мужик поманил Сашку пальцем, на котором блеснул голубым пламенем брюлик.

« – Где-то я уже это видел?» – подумал Сашка. Но не смог вспомнить.

Он подошёл поближе и заглянул в открытую дверь огромного тёмного зала, куда ему указал Синий. Вначале Сашка ничего не мог разобрать. Всё внутри словно заполнилось серым туманом. Огромность зала скорее ощущалась, чем была видна на самом деле. Опять мимо проползла знакомая гусеница-паровоз с картинками дня по всему телу. Она двигалась как-то дёргано, и от этого у Сашки почему-то сводило живот. Картинки менялись очень быстро. Сашка еле поспевал за ними, но толком разглядеть ничего не мог. Внезапно стало страшно-престрашно. Даже зубы заныли. Сашка понял, что сейчас проявится тот мрачный голос, и не ошибся. Причём заговорил этим жутким голосом именно Синий. Вот тебе и подружился, блин!

– Ты хотел что-то спросить? Спрашивай, не стесняйся, – пророкотал Синий.

– Слушай, а нельзя ли как-то попроще, а? Уж больно боязно мне.

– Что ты имеешь ввиду? – удивился Синий.

– Да рычишь ты слишком сурово. Будто замочить меня собрался.

– Как это – замочить? Ты чё, воды боишься?

– Да не-е-е. Воды я не боюсь. Это выражение такое.

Синий внимательно посмотрел на Сашку, словно просветил рентгеном и засмеялся вполне миролюбиво и уже не таким страшным голосом.

– Ах, извини! Я понял тебя. Не бойся. Сейчас я нормально говорю?

– Да вроде ничего. Как это у тебя получается?

– Нет ничего проще. Тут всякое возможно.

– Где это тут? – не понял Сашка.

– Во сне, конечно же!

Словно тяжёлый молот ухнул Сашку по самой макушке и пригвоздил к каменному полу дворца. Всё золото вмиг куда-то исчезло.

– Во сне... Да ты гонишь, наверное. Какой же это сон? – заспорил Сашка, сам не зная почему.

Синий не ответил, а сложил пальцы в виде пистолета и стал целиться Сашке прямо в лоб. На миг тому показалось, что у Синего и впрямь в руках оружие. От такой наглости Сашка разозлился не на шутку. Захотелось дать Синему в морду, но вдруг всё куда-то поплыло, свет померк, и стало глухо, как в танке...

* * *

С потолка на тонкой паутинке спустился маленький паучок и поскрёб спящего Сашку лапкой за нос.

– Не. Не съедобно. Куда ж все мухи делись, а?

Плюнул с досады и полез обратно на потолок.

* * *

... Сашка плыл на лодке по бескрайнему океану. Во всяком случае, берегов было не видно. Напротив него, на скамеечке сидел в «лотосе» мужик с обложки и опять смотрел сквозь Сашку. От этого было как-то неприятно и немного обидно. Хотя на сноба дядька был не похож.

« – Может, он косой?» – подумал Сашка.

Он помахал перед носом мужика ладонью, но тот даже не моргнул.

« – Прикалывается, гад».

Над головой дико заверещала чайка, требуя уступить лыжню. Сашка от неожиданности икнул, а мужик крутанул зрачками, словно хамелеон, и уставился на попутчика более осмысленно.

– Мир тебе, Странник! Татхагата приветствует тебя!

– Опа! Да ты и не косой вовсе. Ну, привет.

– Пробудиться мечтаешь?

– Чё?

Дядька сверкнул глазом и пребольно стукнул Сашку двумя пальцами в лоб.

– Ой, бля! Чё дерёшься то?

– Кто чувствует боль? – спросил дядька и хитро прищурился.

– Дык я и чувствую, блин! Кто же ещё?

– Кто есть Я?

Сашка хотел, было, уже выматериться, но внезапно что-то остановило его. Чего-то мудрит этот товарищ. Ишь, морда какая сладкая стала. Может, он из этих, как их там, экстрасенсов? Сейчас как прожарит мозги и заделает каким-нибудь придурком, вроде соседа Стёпки Увальня. Не-е-ет, приятель! Сашку голыми руками не возьмёшь.

А дядька уже потерял всякий интерес к Сашкиной персоне и откровенно любовался красивейшим рассветом. При этом он тихо напевал себе под нос:

*Разум подобен озёрной воде,
Покойной в отсутствие ветра;
Молча сидишь, внемля бесчисленным вздохам;
Полночь, но не смущайся вида китов,
Что волны вздымают,
Приветствуя солнца восход.*

– Прикольно, – похвалил Сашка, жмурясь от ярких лучей солнца, которые брызнули из-за горизонта кучно и теперь приятно грели физиономию.

Прикрыв глаза ладонью, Сашка с удивлением заметил, что в лодке он остался совсем один. Мужик куда-то слинял. Хотя куда тут литься не ясно. Не утонул же он, в самом деле? Ну, дела-а-а. Сашка зевнул врасстяжку... и проснулся.

ГЛАВА 3.

*У стремнин, на краю леса много следов.
Даже дикие травы не могут их скрыть до конца,
Даже далеко в горах, в самых глухих местах,
Небесное покрывало не застит ему глаз.*

Гоань Шиюань.

Утро блестело мокрыми каплями, отражавшими яркое солнце миллион миллионов раз. Сашка спрыгнул с постели и тут же упал отжиматься. Сегодня в теле ощущалась офигенная бодрость. Хотелось выложиться по полной. Сашка даже побегал немного на месте, а напоследок заколотил себя в грудь, прямо как молодой горилл. Если бы знал какой-нибудь крутой выкрик, то обязательно бы заорал. Но кроме «Ура!» ничего в голову не приходило, а это слово как-то не плющило. Ну, и хрен с ним. Вперёд, на кухню!

Аромат свежего кофе приятно щекотал ноздри. Какой хороший человек придумал этот кофе! Сашка накромсал батон крупными ломтями и обильно удобрил их маслом. Колбасы не было, да Сашка особенно её и не жаловал. С сыром бутерброды были гораздо вкуснее. В сыре Сашка знал толк. Всякие там плавленые «Янтари», да «Охотничьи» терпеть не мог. Вот твёрдый сыр – это сыр. Не важно, как он называется. Был бы твёрдый и жёлтый. Он мог его грызть просто так, без кофе и булки. Особенно когда смотрел футбол по ящику.

Сегодня утреннюю программу по радио вела дама с приятным, как нынче говорят, сексапильным голосом. Погоду пророчили отменную, и Сашка решил после завтрака сгонять в лес за черникой. Благо, далеко ходить не надо. В их курортном городке всё близко: и залив, и лес. На

трассе вон малышня уже всюю торгует ягодами. Надо тоже побродить по своим местам. За парутройку часов, глядишь, кузовок и наберётся.

Собрался быстро. Только анти-комариной мази не нашёл. Обшарил всю полку в ванной, где обычно обитала нехитрая мужская парфюмерия и другие полезные препараты, но мазь исчезла.

– Небось, местные кровопийцы стащили и припрятали где-нибудь в подвале. Гады.

Это немного огорчило. Лесные комары совершенно очумелые, кусают прямо на лету. Психи, одним словом. Может, по пути попадётся какая лавка с отравой? Не сидеть же дома, в конце концов! Сашка решительно толкнул дверь и чуть не врезался носом в широкую спину Стёпки Увальня, который чего-то застрял возле лифта и топтался на одном месте, как заводной.

– Здорово, братела! – хлопнул Сашка по необъятной спине.

– Гы! Гы! Здорово. Гы!

– Гы!

– Гы!

– Вот и я говорю – Гы! Пока!

– Гы!

Сашка протиснулся между бугаем и стенкой и запрыгал через ступеньку вниз. Лифт он категорически не признавал. В нём, чего доброго, ещё застрянешь нафиг. Да и жил Сашка всего лишь на третьем этаже. Тут пешком быстрее долетишь, чем лифта дождёшься.

– Трухлявый пень думает, что он трухляв. Но так ли трухляв пень, если он не думает об этом? – донеслось до Сашки со стороны лифта.

– Чё?! – опешил Сашка, – Стёпка, это ты сейчас сказал?

– Гы!

– Что гы?

– Гы!

– Тьфу ты, блин! Наверное, померещилось.

До любимого местечка добрался всего за пол часа. Тут редко кто ходил. С одной стороны длинная канава с водой, с другой – высокий и глухой забор какого-то крутого пансионата. Сашка знал узкое место в канаве, где воды было всего по коленки. Он легко перемахнул на другой берег босиком и быстро снарядился в обувь, пока комары не заели. Мази он так и не купил. Похоже, всю разобрали отдыхающие на год вперёд. Ну и фиг с ней! Прорвёмся!

Комары, однако, почти не донимали. Может, свежим ветерком всех раздуло, а может, приезжих больше кусают. А Сашка – так себе, местный и не вкусный.

В лесу дышалось просто упоительно. Можно даже было пить этот прохладный и ароматный воздух, наполненный запахом трав, сосен и чего-то такого, чисто летнего, отчего сразу становится ясно: вот оно – лето! В натуре!

Сашка сложил посиневшие от черники губы трубочкой и затянулся, как это делают курильщики. Воздух чуть кисловатой струйкой устремился во внутренности, собираясь в прохладный комочек где-то в желудке. Классно! Ещё разок. Ух, потрясно! В городе так не дышится.

Вспомнилась книга с уроками дыхания. Сашка присел на хвойную подстилку и прислонился спиной к старой сосне. Хорошо-о-о! Птицы поют о чём-то своём, сугубо птичьим, мураши деловито снуют среди сосновых иголок, не обращая никакого внимания на балдеющего Сашку. Мимо проскакала белка. Остановилась на секунду, посмотрела на Сашку и поскакала дальше. Видимо поняла, что от Сашки, в плане еды, мало толку. Постепенно вокруг стали группироваться кровопийцы. Они сначала присматривались к Сашке и противно звенели.

– Небось, прикидывают, сколько из меня крови слить можно, – лениво подумал Сашка, вяло помахая перед носом рукой, – Эх, вздремнуть бы, да ведь до дыр закусуют, сволочи.

Он решительно встал и потопал в сторону залива напрямик через лес. Обходить по дороге было долго, а искупаться хотелось как можно быстрее. Миновав канаву, он снова обулся, зашнуровал кузовок и ломанулся строго на солнце.

Через несколько минут его обогнал отряд одуревших спортсменов-лыжников, которые, в отсутствие снега, носились строем по лесу с одними палками, но шаги делали большие, словно катили на лыжах. Вид у всех был разморенный и откровенно придурковатый. Особенно у того, что возглавлял отряд. Пока Сашка дошёл до береговой зоны, эти чудики раз десять успели промчаться мимо него. Судя по их отрешённым лицам, можно было подумать, что нирвана по ним давно уже плачет. А может и дурка.

Вышел Сашка в аккурат к «Морскому Прибою». Знакомый администратор приветливо махнул рукой. Сашка помахал в ответ и жадно припал к роднику, что журчал недалеко от входа в дом отдыха. От ледяной воды заломило зубы. Сашка покосился одним глазом в сторону здания. На площадке стояло приличное количество машин.

– Как дела, Иваныч?

– Как видишь, Сашок. Клиент всегда в наличии. Главное – чтобы были наличные!

– Это верно, – усмехнулся Сашка, – кто нынче пожаловал?

– Как всегда: публика самая прелюбопытная. Сначала приехали какие-то индейцы.

– Так уж и индейцы? – удивился Сашка.

– Да какое там! Косят под них, только и всего. Во, слышишь, музыка бацает? Опять пляшут на эстраде. Вчера прибыли. А сегодня целая толпа картёжников приехала.

– Чё, крутые?

– Да не-е-е. Эти, как их, спортсмены-преферансисты. Как увидишь уткнувшегося в бумажку, так это он и есть. Всё ходы просчитывают и чего-то бормочут себе под нос. Кибернетики, одним

словом. Но есть и люди уважаемые. Таких за версту видно. Ну, ладно. Я побежал. Сейчас ещё группа приедет, надо будет всех как-то размещать. Пока! Увидимся ещё.

– Пока, Иваныч, пока.

Сашка обошёл внушительное здание и потопал по тропинке мимо круглой эстрады, на которой лихо отплясывала целая толпа народу, причём самого разного возраста и пола.

Музыка была довольно ритмичная и немного экзотическая. Вслед за барабанами бормотал какой-то шаманский голос, а на заднем плане кто-то подвывал. Плясуны делились на две части: одни уверенно скакали по козлиному и странно так перешагивалши, другие учились у первых и часто путались в ногах.

Сашка остановился посмотреть. Никто его не прогонял. Да и плясунам было совершенно до лампочки, кто и зачем на них глядит. Некоторые вообще пребывали где-то не здесь, и Сашка уловил в этом что-то знакомое. Точно! Так дядька с обложки его книги смотрит. Во дают! Но таких были единицы. Большинство, высунув языки, старательно разучивало сложный индейский танец.

На настоящего индейца был похож только один высокий, молодой парень с тонкой косичкой. Он самозабвенно танцевал, хотя и не всегда попадал в ритм. Но, похоже, это его нисколько не беспокоило. Грустно было смотреть только на, совсем уж, древних старушек и полновесных тёток. Уж кому-кому, а только не им так скакать и подпрыгивать.

Сашка огляделся и увидел молодого парня, примерно своего возраста, сидящего не скамеечке и внимательно взирающего на танцоров. У того были длинные волосы, стянутые в хвост. А еще большой кусок пластыря на левой ступне. Сашка присел рядом и спросил между делом:

– Чё, секта какая или как?

– Нет, что ты, приятель. Просто люди начитались КК и решили заделаться почти индейцами. Баловство, одним словом.

– Какого КК?

– Кастанеду. Ты чё, не слыхал про такого?

– А-а, понял. У меня дружбан на нём завёрнут сильно. Я этого не понимаю. А ты чего?

– Чего чего?

– Ну, чего не пляшешь?

– А... Да я вчера на стекляшку в озере наступил. Во, видал? – он показал на раненую ногу.

– Это бывает, – согласился Сашка, – Всякие мудаки квасят на озере, а потом посуду бьют почём зря. А нормальные люди режутся, нафиг.

Он сочувственно посмотрел на парня.

– Да всё путём, – засмеялся парень в ответ, – нога на месте, а плясать я все равно не люблю. Так, изучаю ради интереса. Чтобы по-настоящему понять индейскую культуру, надо, как минимум, пожить там лет несколько. А это не всякому дано. Особенно в плане бабок.

– Да-а-а. С бабками везде напряг, – согласился Сашка.

Немного помолчали. Музыка закончилась. Парень в красной повязке на голове что-то поколдовал над пухлым магнитофоном, и пляска понеслась по новому кругу. Но движения как-то изменились. Видимо, это было следующее упражнение. Парень на скамейке махнул рукой, сказав, что с ходу так всё не запомнишь и, не торопясь, потопал к заливу. Сашка тоже вспомнил, что хотел искупаться и пошёл следом.

Вода была замечательная! Ни холодно, ни жарко – в самый раз. Оба азартно ныряли и плавали, кто во что горазд. Сашка всё больше саженками просекал метров по десять, а парень, довольно отдуваясь, плыл по-лягушачьи и никуда не спешил.

Вдоволь наплескавшись, оба вылезли на берег и развалились на широких, плоских камнях. Ветер приятно охлаждал мокрую кожу, неспешно бродя по берегу и заглядывая в гущу деревьев.

Сашка расшнуровал свой кузовок, предложив новому знакомому угощаться черникой.

– Спасибо.

– Не за что. У нас этого добра навалом. Сам-то откуда будешь?

– Да тоже местный. Пятьдесят вёрст от Питера в сторону Москвы – и мой городок будет.

– А-а. Понятно. Звать-то как?

– Игорь.

– А меня – Сашка. Сашка Тарелкин.

– Будь здоров, Сашок!

– И ты не болей!

После приятного купания говорить особенно не хотелось, и оба стали молча лопать свежую чернику. Сашка украдкой поглядывал на парня, и ему было жутко любопытно, о чём он думает. Тот рассеяно глядел куда-то за край залива и машинально отправлял в рот ягоду за ягодой. Что-то в нём было немного странным. Будто не от мира сего. Вот ведь и с индейцами этими вместе приехал, а вроде, как и сам по себе.

Сашка крайне удивился бы, если б узнал, что его новый знакомец в этот момент думал вовсе не об устройстве Вселенной и не о чём-то таком мистическом, а думал он про самую обыкновенную ягоду-чернику и о том, как она полезна для зрения. Очки свои он случайно утопил в лесном озере, когда полез в них купаться, да неудачно нырнул. Теперь без них было крайне неудобно.

Между тем музыка со стороны эстрады стихла. Видимо, танцы краснокожих закончились. Игорь поднялся с камня, натянул шорты с футболкой и похромал в сторону большой поляны, куда потянулся отряд «индейцев». Сашка увязался следом.

А на поляне уже разворачивалось некое непонятное действо. Люди по очереди завязывали сами себе глаза всевозможными повязками и носились по поляне взад-вперёд, ощупывая воздух перед собой, чтобы не врезаться во что-нибудь. Это было похоже на какую-то игру. Из-за раненой ноги Игорь не мог бегать, поэтому руководитель занятий дал ему отдельное задание.

Игорь кивнул, нацепил чёрную повязку на глаза и углубился в лес, выставив вперёд руки. Сашка озадаченно почесал затылок. Ему совершенно непонятен был смысл всех этих действий. Он потихоньку нагнал Игоря в лесу и поинтересовался, зачем всё это. На что тот очень сосредоточенно ответил:

– Видишь ли, Сашок. У человека кроме глаз, ушей и прочих органов чувств имеется ещё и нефизическое восприятие. Иногда его называют интуицией. Оно может ощущаться где угодно: в голове, в руках, внутри тела. У кого как.

– А на что это похоже?

– Тоже, по всякому. Кто-то ощущает тепло, кто-то покалывание, как после того, как отсидишь ногу. Главное – знать, чего ты ищешь.

– А ты сейчас чего ищешь?

– Дерево.

– Дерево? А какое?

– Сам не знаю, пока. Вот как почувствую, что это родное, так оно и будет.

– Чё-то я не просекаю. Как это – родное?

– Есть мнение, что у каждого человека в природе существуют родственные объекты. Растения или животные – не важно. Это не значит, что одному роднее ёлка, а другому баобаб. Даже деревья одного типа разные. Нужно почувствовать, какое из них твоё, вот и всё.

– А ты уже чувствуешь?

– Не-а. Я ж с тобой болтаю.

– Извини, пожалуйста.

– Да ладно, не парься. Лучше закрой глаза и сам попробуй.

Сашка остановился в нерешительности и огляделся вокруг. Кроме «индейцев» в лесу попадались и просто отдыхающие. А ну как его за придурка примут? Стрёмно как-то. А с другой стороны кому какое дело? Может он, типа, слепой. А ну?

Сашка закрыл глаза. Сразу стало как-то непривычно и странно. Будто весь остальной мир отделился и стал сам по себе, а Сашка – сам по себе. Появилось знакомое уже ощущение, словно он находился в центре своей головы, весь такой маленький и незаметный. От этого мир снаружи ощущался огромным и даже немного жутковатым.

Сашка быстро открыл глаза. Блин, надо же! Никогда бы он и представить себе не мог, что подобное может быть. Игорь уже куда-то забурился в высокие кусты, и слышно было только потрескивание веток под его ногами.

Сашка снова закрыл глаза и подумал о деревьях. На ум приходили одни сосны, которых тут было в изобилии. Но какая из них его, было не понятно. Он тоже выставил руки вперёд и медленно двинулся вперед, держась левее тех кустов, куда забрался Игорь.

Странное дело, но, пройдя шагов двадцать, Сашка так и не упёрся ни в одно из деревьев. Будто они специально разбегались от него. И ведь не сворачивал никуда. Всё время прямо шёл.

Он приоткрыл один глаз. Ну, вот же они, деревья! Прямо перед носом в двух шагах приличная сосна стоит. Сашка снова захлопнул глаз и пошёл мелкими шажками вперед. Руки упёрлись в шершавую кору. Ничего необычного. Кора, как кора. Ни тебе покаяваний, ни тепла. Наверное, не то дерево. Сашка сделал шаг в сторону и двинулся потихоньку дальше. Опять деревья куда-то пропали. Он решил не открывать глаз и топтать так, пока не упрётся во что-нибудь существенное.

Иногда попадались тонкие ветки кустов. Тогда Сашка намеренно делал несколько шагов в бок и шёл дальше. Постепенно вдали затихли голоса «индейцев» и было слышно только пение птиц и назойливое жужжание комаров. Они, сволочи, словно чуяли, что Сашка их не видит, и самым нахальным образом вертелись прямо у него перед носом. Самые вредные с разбега втыкали свои хоботы в Сашкину физиономию и набивали жадное брюхо молодой кровью.

Однако Сашка вовсе не обращал на комаров внимания. Его сознание как-то странно перевернулось. Он даже не чувствовал себя Сашкой, как обычно. Будто во сне он топал и топал вперед, трогая воздух руками и ощущая, как на кончиках пальцев бегают тысячи щекочущих мурашек. Это было так здорово и необычно, что всё Сашкино существо жило в этот момент только этой щекоткой.

Внезапно ощущение резко усилилось и словно потекло по пальцам, заполняя ладони и отдаваясь толчками в запястьях. Сашка замедлил шаг. Дыхание участилось, и Сашка сам не мог понять, отчего так стало жарко всему телу. Будто в ванную забрался.

Ладони мягко уткнулись в прохладную и немного бархатистую кору большой берёзы. То, что это именно берёза, Сашка понял сразу, хоть и не открывал глаза. Он вспомнил, как Игорь говорил, что, найдя своё дерево, нужно обнять его, прислониться лбом к стволу и прислушаться. Сашка так и поступил.

Разгорячённый лоб приятно холодила удивительно гладкая и нежная кора. Удивительно потому, что для берёз такого возраста обыкновенным было наличие грубых трещин и наростов. Но эта была словно молодая.

Вскоре Сашка услышал какой-то низкий гул. Он не мог найти источника этого гула. Казалось, что это у него внутри, но одновременно это было и снаружи. Голова слегка закружилась, и Сашку понесло вверх с огромной скоростью. Внутренности ухнули вниз, как от подъёма на лифте.

Сашка распахнул глаза и обомлел: он находился над верхушками деревьев и наблюдал целое зелёное море, которое на горизонте переходило в голубой залив. Видно было всё так чётко, словно зрение у Сашки стало орлиным.

Да что же это?! Самого себя Сашка вдруг почувствовал высоким и массивным. Он посмотрел вниз. Ну, ни фиги себе! Он стал деревом! А в самом низу он разглядел своё тело, обхватившее руками его – Сашку-дерево. Стало немного страшно. От такого раздвоения зрение поплыло. Сашка уже не мог понять, где он настоящий, внизу иливерху.

Внезапно всё закончилось. Сашка открыл свои реальные глаза и осмотрелся. Место было совершенно незнакомым. Он с благоговением погладил берёзу. Появилась странная уверенность, что это дерево он знает уже давным-давно. Глупо улыбаясь, он всё гладил и гладил ствол, словно пытался так вот неуклюже выразить благодарность за удивительное волшебство, что с ним приключилось.

Последующие события запомнились ему лишь фрагментами. Вот он уже в городе пьёт квас из бочки, вот сосед Володька чинит свою древнюю «копейку», а вот по ящику Рембо мочится с ватагой злодеев. Всё это время Сашка пребывал в какой-то прострации и продолжал глупо улыбаться.

Уже вечером перед сном последней сознательной мыслью было понимание того, что этот день в его жизни стал чем-то большим, чем просто выходной. Сашка подошёл к настенному календарю и обвёл сегодняшнее число красным фломастером. Просто так захотелось вдруг.

ГЛАВА 4.

Хуэйинэн стирал свои носки на берегу реки. К нему подошёл его ученик Шеньхуэй и спросил:

– Скажи, Учитель, разве положено в твоём сани стирать носки?

– О, блин, точно! А ну, займись!

Обеденный перерыв начался, как обычно, с громкого урчания в животе у старого слесаря Михалыча. Это было верным признаком половины первого. Мужики побросали инструменты в ящики и потянулись в столовку за углом. Кроме их автосервиса, тут кормились ещё работники из соседнего ЖЭКа и редко кто из отдыхающих.

Сашка привычно плюхнулся на своё место поближе к двери. Тут было не так жарко. За обедом, как водится, молчали. А после началась неспешная беседа с ковырянием в зубах и поглаживанием сытых животов.

Сегодня на повестке дня стоял вопрос: есть ли ум у животных? Вопрос вовсе не праздный. Обозначил тему самый авторитетный из мужиков моторист дядя Ваня. Все знали, что у него есть старый облезлый кот Федька, который частенько приходил в сервис просто так, поваляться на старой ветоши. Этого кота не то, чтобы любили, но тоже уважали. Никто и не спорил, что у кота есть свой ум.

– Вот, к примеру, – вспомнил Васька электрик, – На прошлой неделе я на бочке с отработкой пакет с бутербродами оставил. Забыл, понимаешь! А Федька рядом плющился и не тронул. Знает, что чужое брать нельзя, вот и не тронул.

– Да пофигу ему, чьи это бутерброды! – возразил Сашка, – Он же не дурак на бочку с отработкой карабкаться. Ведь измажется весь.

– Вот я и говорю – есть у него ум.

– Ну, за Федьку я отвечаю, – внушительно пробасил дядя Ваня, – Толковый кот. Его даже собаки с нашего двора уважают. А вот есть ли ум у комаров, а?

Сашка с Васькой, как самые молодые, весело заржали, тыкая друг дружку в бока кулаками. Ну, блин, даёт дядя Ваня!

– Чего ржёте то? На полном серьёзе спрашиваю.

– Да ты чё, дядь Вань? Комар – это ж не животное! – удивился Сашка.

– Ну да? А кто ж, по-твоему?

– Известно кто. Вредитель!

– Ну, положим, среди человек тоже попадают такие вредители, что лучше уж сразу в солидол укатать. Но ведь человек же! Не собака какая и не булыжник. Значит и комар тоже живность, – справедливо рассудил дядя Ваня.

Мужики почесали в затылках и вынуждены были согласиться с вескими доводами. Однако Сашка всё же усомнился в наличии ума у комара:

– Если бы у него был ум, то он не стал бы жужжать, когда атакует.

– Ха! Ну, ты даёшь, Сашок! – воскликнул Васька, – Он же не пастью своей жужжит, а крыльями, как вертолёт. Где ты видел бесшумный вертолёт?

– Толково, – похвалил Ваську дядя Ваня.

– На это возражений не имеем, – согласился Сашка.

– Я вот как думаю, – с расстановкой произнёс дядя Ваня и поднял кверху указательный перст для пущей убедительности, – Ума у комара быть в принципе не должно. В такой маленькой голове не то, что целая извилина, а даже крошечная жилка не поместится. Скорее всего, в башке у него есть только мысль, без всякого ума. И мысль эта одна единственная: нахлестаться кровящи от пуза и всё!

– А как же потомство? – резонно заметил Сашка.

– А что потомство?

– Ну, это... детей же ему надо делать. Про секс, наверное, он тоже думает.

– Вряд ли. У них это без всякой мысли происходит. Хотя у людей тоже так часто бывает.

– Это точно, – почему-то вздохнул Васька.

Михалыч, который всё это время молчал и только тихонько посмеивался, вдруг неожиданно произнёс:

– Все вы не правы. Ум есть у любого живого существа, независимо от его размера. Просто один думает, что он умнее другого и не думает о том, что есть кто-то умнее его. Во всяком случае, тот же комар не делает столько глупостей, сколько делает их человек с его килограммом мозгов. Вот так, ребятки.

Воцарилось молчание, иногда перемежаемое побряхтыванием Михалыча. Мужики и раньше замечали, что тот говорит редко, но как скажет, так хоть в книжки записывай. Было у него это умение – сказать кратко, но сильно.

Принесли кофе, и беседа временно прервалась. Сашка дул в горячую кружку, с удовольствием прихватывая ароматный напиток мелкими глотками. В отличие от сыра, кофе он уважал в любом виде. Ну, кроме совсем уж откровенной бодяги в виде жареной соломы в пачках. Причём пил он его обязательно с сахаром. Горький кофе он не воспринимал, как вид. Один раз попробовал без сахара и, чуть было, не разочаровался в своём любимом напитке. Горький – хуже редьки! С тех пор он всегда добавлял изрядную порцию сахара.

После кофе болтать уже не хотелось. Компания перебралась на длинную скамейку во дворе автосервиса. Солнце приятно припекало, изредка прячась за лёгкими облаками. Сашку потянуло в сон. Пока начальство в отпуске, можно немного расслабиться. Клиентов сейчас всё равно нет. Так, заскочит какой-нибудь приезжий турист на «Волгешнике» или «Жигуле» за банкой масла или свечой и всё. Правда, на подъёмнике висел сейчас потрепанный временем и массой владельцев «Опель», но это, как говорится, долгострой. Хозяин укатил на юг и вернётся только через месяц. Лафа, одним словом.

Сашка незаметно уснул, запрокинув голову на спинку скамейки. Из рта доносились переливчатые похрюкивания, веселя мужиков. Васька хотел, было, приколоться и положить на Сашкину пасть свою засаленную кепку, но Михалыч его одёрнул.

– Не мешай! Пусть поспит малец. Какой-то он стал беспокойный.

– Да ладно, Михалыч. Шутка ведь!

– Хорош, я сказал!

– Ну, ладно, ладно.

Вдруг Сашка странно так захрипел и стал дёргаться, будто его держит кто. Мужики всполошились. Дядя Ваня наотмашь хлестанул Сашку по физиономии. Не помогло. Васька схватил с верстака в мастерской банку дистиллированной воды, но донести не успел, поскользнувшись на куске ветоши. Банка упала на каменный пол и лопнула, как хлопущка, разлетевшись на множество брызг-осколков. Васька чудом не порезался и только машинально выматерился, пока летел носом вперёд. Михалыч с дядей Ваней уже всю трясли и растирали бледного Сашку, который неразборчиво что-то мычал, но просыпаться никак не хотел. Наконец, он судорожно вздохнул и открыл глаза, бестолково озираясь по сторонам.

– Ну, Санёк, ты да-а-ал! – с облегчением выдохнул дядя Ваня, – Ты чего это, а?

– Н-н-не з-з-зн-н-аю, – стуча зубами выдавил Сашка.

– Э, да ты холодный весь! Васька, тащи ватник, да ещё тряпок каких-нибудь.

– Ага! Я мигом.

Зная, что Сашка совершенно не пьющий, Михалыч, тем не менее, предложил махануть стакан белой. Сашка отрицательно затряс головой и только ещё больше сжался весь, словно вылез из холодильника. Васька принёс ватник Михалыча, плед с дежурной раскладушки и ещё древние

валенки, которые он выудил откуда-то из дебрей сушилки. Сашку быстро укутали во всё это, а дядя Ваня успел уже сгонять в столовку и приволок в термосе горячий кофе.

Наплескали в кружку, поднесли страдальцу. Сашка, стучая зубами об край посуды, жадно припал к напитку, всё ещё вздрагивая всем телом. Мужики смотрели на него с сочувствием и озабоченно качали головами.

– Ну чё, Санёк, согрелся? – спросил дядя Ваня.

– Ага, спасибо, мужики.

– Чего это такое было, а Санёк?

– Сам не знаю. Уже не впервой так, блин. Но обычно такое только утром случалось, а тут, на тебе, посреди дня. Вот запахло!

– Да чё случилось то?

– Не мог я никак проснуться, вот чего. Хоть ты тресни! Вот чую, что уже не сплю, а в теле вдруг такая расслабуха, что я не могу и пальцем пошевелить. И дышать сразу так тяжело стало.

– Ну, это понятно. Ты бы ещё вверх ногами спать завалился. Башка то у тебя со скамейки свесилась, вот кровушка и прилила туда. А от этого и кризис случился, – рассудил Михалыч.

– Чего бы там ему в башку не натекло, а парню домой нужно. Перегрелся видать, – сказал увесисто дядя Ваня и сам вызвался доставить страдальца на своей старой «копейке» до дому.

По дороге он несколько раз тревожно поглядывал на физиономию Сашки, но тот, похоже, больше не собирался выпадать в осадок. Во всяком случае, на пол не блевал. И на том спасибо. Напоследок он посоветовал Сашке завтра на работу не спешить, а лучше с утра сходить к врачу. На что Сашка согласно кивнул и впервые за многие годы решил подняться к себе на лифте, а не по лестнице.

Сидевшие у соседнего подъезда две древние старухи – бабка Таня и бабка Маня – ошалело уставились на странную фигуру, закутанную в плед посреди лета.

– Ох ты! Смотри-ка! Индус к нам пожаловал!

– Да ты чё? Окстись старая. Какой же это индус? Бомжара синюшный, не иначе.

– Вот гад! Сейчас ведь насыт в подъезде, а Матрёне убирать потом.

– А так ей, подлюке, и надо! Не будет про хороших людей молоть, что ни попадя.

– Это чего же?

– А вот намедни...

И понеслось-поехало. Про странную фигуру тут же забыли и стали перетирать кости дворничихе Матрёне, своей лучшей подруге.

Дома Сашка немного успокоился. Он уселся в любимое кресло и уставился на противоположную стену, разглядывая незамысловатый рисунок обоев. В голове ощущалась странная пустота. Мысли, конечно, были, но как-то проходили мимоходом и не цепляли Сашку ни с какого бока.

Почему-то подумалось о смерти. Сашка не любил о ней думать. Пока молодой, хочется только жить да жить. Это старикам приходится часто задумываться о костлявой, а он ещё слишком молод. При этом Сашку всегда настигала безысходная тоска. Было странно и нелепо знать, что когда-нибудь тебя не станет совсем: ни этих рук, ни ног, ни этой головы, в которой всего себя ощущаешь. Сразу становилось себя родного так жалко, будто уже что-то потерял. От этого собственное тело казалось каким-то чужим и далёким, однако чувство потери только усиливалось. Сашка всегда гнал от себя эти невесёлые мысли, но получалось это плохо. Они словно вязли в голове, принося грусть и уныние.

После сегодняшнего происшествия эта тема приблизилась просто угрожающе.

« – Хорошо ещё – мужики были рядом, – подумал Сашка, – а то мог бы и окочуриться ненароком, блин! Не, ну его нафиг, больше на скамейке спать не буду. Хотя, может Михалыч и прав: башка то запрокинулась, а эдак любой задохнуться может. Да ещё и на солнцепёке! Но уж так похоже на мои заморочки по утрам. Жопа, блин! И чё теперь делать? К врачу? Так я ж был у неё недавно. Может к этому, как его, невропатологу сгонять? Обмолотит меня всего своей мини-кувалдочкой и скажет: « – Вам, молодой человек, не ко мне, а к гробовщику пора – размерчик снять. Вот, извольте телефончик запомнить». Блин, вот попадалово! Пойду-ка, кофе кружку наверну. Всё на душе легче станет».

Вечером по ящику шёл фильм «Мертвец» с Джонни Деппом. Сам не зная почему, Сашка решил его посмотреть, не взирая на столь мрачное название. А может, именно поэтому.

Там один худощавый паренёк приехал в глухую провинцию надывать себе работу, но его откровенно послали. Бабки были на нуле. Возле кабака он снял симпатичную герлу, а в её убогой квартирке их застучал хахаль этой девки. Туда-сюда, пальба из пистолей. В результате – два трупа: девка и хахаль, а паренёк оказался конкретно подранен прямо в голую грудь. С трудом слиняв из квартирки, он повстречал в лесу прикольного, толстого индейца. Тот оказался, типа, шаман или чё-то в этом роде. Он особенно не церемонился с пацаном и сразу заявил, что тот вскоре сдохнет, так как ранен бесповоротно и неизлечимо. Потом они всё куда-то пёрлись и пёрлись, отстреливаясь от охотников за головами. Смысл такой, что, несмотря на смертельное ранение, пацан не впал в ступор и не хныкал, а совсем наоборот – вёл себя по-геройски и на всё забил.

Это так вдохновило Сашку, что все его тревоги вмиг куда-то исчезли. Он даже представил себя на месте этого киногероя и как бы он сам действовал в подобных обстоятельствах. Картина вырисовывалась ещё более крутая. Вот тут бы он сделал вот так, а тут положил бы всех уродов из «калаша». А этого полоумного директора завода, или как его там, утопил бы в болоте нафиг.

За окном противно завывали кошки, объясняясь друг дружке в любви. Сашка вышел на балкон и пристроился на табуретке. Сегодня небо было ясное. Звёзды подмигивали в вышине, предлагая любоваться собою, сколько влезет. Луна показывала свою правую горбушку, ещё совсем тонкую, но уже ярко сияющую в тёмной синеве. Белые ночи потихоньку заканчивались. От этого всегда было немного грустно. Сразу приходила на ум осень с её дождями и слякотью, хотя лета ещё оставалась целая половина.

Во дворе Сашка увидел сидящего на скамейке Стёпку. Тот шаркал ногами, загоня что-то под скамью. Может мусор, а может и ещё кого-то, кого видел только он сам. При этом Стёпка что-то неразборчиво бубнил под нос, ежесекундно отплёвываясь. Сашка вспомнил странную фразу,

которую, как ему показалось, произнёс Стёпка вчера возле лифта. Он решил спуститься во двор и поговорить с ним, если конечно получится. Тот был довольно капризным товарищем и вполне мог закатать в ухо, если что не по нему.

– Стёпка, привет!

– Гы!

– Точно Гы. Чего делаешь?

– Стёпка умный. Дай руку.

– Ты чё, гадать будешь?

– Гы! Дай руку.

Сашка подумал немного и протянул ладонь. Вроде бы Стёпка драться не собирался. Тот осторожно взял Сашкину ладонь своими огромными ручищами и внимательно посмотрел вначале на неё, а потом Сашке в лицо. Странно, но в это мгновение Сашке показалось, что взгляд у Стёпки вовсе не придурковатый, а вполне разумный и даже слишком. От такого пристального взгляда Сашка смутился и отвернулся в сторону, не зная, что и думать. А Стёпка ещё немного повертел Сашкину ладонь в своих руках и отпустил.

– Ну, чего скажешь, товарищ ясновидящий?

– Гы! Ты лёгкий.

– Как это? – не понял Сашка.

– Гы!

Сашка вздохнул. А чего он мог ещё услышать? Гы, да Гы, вот и весь сказ. Почему-то вспомнилась «Кин-Дза-Дза». Там тоже все только и говорили «Ку», и это заменяло все остальные слова. Может и Стёпка так разговаривает, а его никто не понимает? Он решил проверить.

– Слышь, Стёпка, Гы!

– Гы!

– А я говорю: Гы, Гы и ещё раз Гы!

– Гы!!

– Гы-Гы! Гы-Гы-ГЫ, Гы-Гы, Гы-ГЫ!

– Гы-ы-ы!!!

– Тьфу ты, блин! Ни хрена не понять. Ладно, я спать пошёл. Пока.

– Гы-ы-ы!!!

« – Вот понесло мужика», – подумал Сашка, прикидывая, что сейчас из окон начнут орать, чтобы они заткнулись. Он поспешил в свой подъезд, но тут снова услышал вполне вменяемый голос Стёпки:

– Как нельзя мысленно измерить все прямые и промежуточные направления в пространстве, так нельзя распознать Так Приходящего по его телесному образу, принимая этот образ за истину.

– ???

Сашка быстро обернулся, но на скамейке уже никого не было. Что за хрень? Не может такого быть. Неужели его глючит? Но ведь слышал он вполне отчётливо.

Стёпка сразу куда-то исчез, а ведь обычно он еле передвигался по двору. Что-то здесь не правильно.

Всё, блин, завтра прямиком в аптеку, решил Сашка. Пусть врачи думают за него. Это уже их забота. Хотя, в дурку совсем не хотелось. Ну да может, пронесёт?

Спал в эту ночь Сашка беспокойно и часто просыпался по непонятным причинам.

ГЛАВА 5.

*Жёлтые иволги радостно поют на ветках,
Греет солнце, дует ласковый ветер, и зеленеет ива,
Вот он бык, ему нигде не скрывается,
Лишь головы не видно, что делает картину неполной.
Гоань Шюань.*

Утро взорвалось бодрым маршем из приёмника и очередным картавым предложением диктора приступить к полезной зарядке. Сашка, однако, не стал по привычке падать на пол, а ещё долго лежал в постели и прислушивался к собственному нутру. Вроде бы всё на своих местах. Нигде не жмёт и не давит. Проснулся вполне нормально. Может, ну его нафиг, врача этого? Но нет. Раз решил, то надо сходить.

После умывания холодной водой стало ещё веселее на душе. Все ночные заморочки и страхи утекли в сливную трубу вместе с остатками зубной пасты и суточной щетиной. Наплескав на физиономию душистого одеколona, Сашка, сам не зная почему, поскакал на кухню на одной ноге. Посреди пола растянулся и всё-таки отжался раз двадцать. Мог бы и больше, но визит к врачу требовал спокойствия в тушке и ровного пульса.

Кофе, против обыкновения, тоже пить не стал. Вместо этого раскопал в закромах пачку зелёного чая, которую машинально купил после просмотра какой-то передачи, где говорилось о том, как он полезен и сколько там витаминов понапихано. Не зная нужных пропорций, Сашка сыпанул в заварочный чайник три столовых ложки с верхом, залил кипятком и стал ждать. Требовалось от пяти до семи минут. Не зная, чем заняться, Сашка вышел на балкон и от души потянулся.

Солнце ярко играло бликами в трёхлитровой банке с водой, предназначенной для полива цветов. Их у Сашки было ровно два: один длинный и полосатый, как щука, а второй – кактус, который оцетинился словно ёж и всё время норовил зацепиться за штанину.

Оба цветка Сашке подарила соседка Маринка. Она была чуть моложе самого Сашки и относилась к нему явно не равнодушно. Уже два раза она приходила поздравить его в день рождения и каждый раз дарила цветок в горшке. Сашка не любил возиться с цветами, и эти суккуленты (обзовут же, блин!) были вполне подходящими для его натуры: поливать нужно было редко и мало. Можно и вообще забыть на пару месяцев. Не страшно.

Сейчас вид у обоих был несколько вялый и скучный. Сашка плеснул в горшки порцию тёплой водицы, потом ещё немного. Почему-то вспомнилось о верблюдах. Те тоже пьют редко. Но зато много. Сашка решил не жадничать и пролил горшки хорошенько, пока вода не полилась снизу.

– Приятного аппетита, зелень. Плодитесь и размножайтесь, если сумеете.

Чай оказался совсем бледным. Сашка решил налить одной лишь заварки и чуть не поперхнулся, когда сделал изрядный глоток. Крепости он получился офигенной! Вот тебе и бледный вид. Пришлось, таки, разбавить его кипятком и набухать приличную порцию сахара. На вкус чай был совсем не похож на обычный чёрный. Но и веником не шибало.

Сашка медленно выцедил кружку и прислушался к себе. Бодрости, как после кофе, сразу не ощущалось, но потенциал у напитка явно имелся. Сашка неспешно оделся, привёл в порядок волосы и почапал в поликлинику.

У невропатолога оказалась не хилая очередь.

« – Во, блин, одни психи кругом», – подумал Сашка.

Спросив, кто последний, Сашка пристроился на дерматиновом диванчике и осмотрелся. Он был редким посетителем поликлиники и потому с любопытством озирался по сторонам.

Пациенты делились на две категории:

Одни явно скучали и, от нечего делать, то листали свои пухлые больничные карты, припоминая прошлые болячки, то тяжело вздыхали и смотрели на табличку на двери, или на стенгазету с пропагандой здорового образа жизни и вреде курения и алкоголя, или на снующих туда-сюда врачей, медсестер и других посетителей.

Другим было некогда. Они нервно постукивали ногами по полу в различных ритмах, теребили в руках свои карточки, не заглядывая внутрь, и часто посматривали на дверь кабинета, словно хотели увидеть сквозь неё уходит уже очередной пациент или всё ещё торчит в кресле.

Сашка решил поступить иначе. Вспомнив упражнение из книжки, он сел поудобнее и стал рассеяно смотреть на противоположную стену, окрашенную в довольно приятный голубой цвет. Требовалось успокоить дыхание, а за ним и мысли. С первым справиться было гораздо легче, но вот мысли, похоже, не имели никакого желания успокаиваться. И чем дольше Сашка старался разрешить эту непонятку, тем больше путался. Выходило, что само обдумывание этого действия тоже являлось мыслью. Но как не думать о том, что собираешься сделать, если ты собираешься это сделать?

И потом, один-то раз у него это уже получилось. Там, в парке. Сашка стал вспоминать, как он тогда сделал, но не смог. Это как подсмотреть ответ в задачнике по математике: ответ знаешь, а толку мало – решения-то не видишь. Вроде бы он так же смотрел на куст и считал дыхание до десяти. О! Про счёт он и забыл. А ну-ка!

Сашка стал считать про себя то вдохи, то выдохи, но что-то всё равно не получалось. Выходит, не так всё просто с этим загадочным дзэном, будь он неладен. И на фига только взялся за непонятную книгу? От злости захотелось тут же запульнуть её в мусор, но тут Сашка с удивлением заметил, что находится не дома, а в лекарне. Вот это да! Он и забыл, что пришёл к врачу!

Огляделся по сторонам: народу всего два человека осталось. Это ж сколько времени прошло? Он взглянул на часы и обомлел: уже почти час дня! Это значит, что часа три он витал неизвестно в каких облаках, но ни хрена об этом не помнит. Ну, дела-а-а... Опять фокус получился. Эдак ведь в следующий раз очнёшься где-нибудь не тут и не сейчас – точно в дурку определят. Блин, надо кончать с этими экспериментами нафиг. Или, ещё лучше, разузнать обо всём этом побольше.

Сашка решил вызвонить своего давнего знакомого, с которым они вместе зимой покупали книги и расспросить его подробно. Тот был дока во всей этой мистике и вполне мог просветить его и подсказать, что делать.

Тем временем подошла Сашкина очередь. За ним уже никто не занимал и он подумал, что мог бы не торопиться и прийти прямо к обеду. Ну, да хрен с ним.

Врач оказался средних лет дядечкой в круглых очёчках и с бородкой под Троцкого. Он вежливо предложил присесть на круглый стульчик и поинтересовался причиной визита. Сашка подробно изложил свои заморочки с трудным просыпанием, а также вчерашнее происшествие на работе, сдобрив всё это множеством мелких подробностей, которые он посчитал важными.

Дядечка внимательно слушал, не перебивая, и только согласно кивал головой. Когда Сашка выдохся, он предложил ему сесть ровно и положить руки на колени. Сашка уселся, как положено, и приготовился к осмотру.

Доктор достал блестящий молоточек с резиновым набалдашником, примерился и давай лупить Сашку по рукам и ногам, отчего конечности подпрыгивали, словно существовали отдельно от Сашки. Напоследок доктор поводит молоточком у Сашки перед носом и легонько стукнул по лбу, когда тот скосил глаза к носу. От неожиданности Сашка подпрыгнул на стульчике, а врач весело рассмеялся.

– Нервы в порядке! А вот с юмором – не очень, – резюмировал дядечка, видя, как нахмурился пациент.

Сашка и сам уже понял, что сглупил и тоже улыбнулся.

– Вот так-то лучше! Кофе много пьёте?

– Каждый день. И утром и вечером.

– А вот это зря, батенька, зря. Сей напиток весьма возбуждающе действует. От этого вы по ночам плохо спите, а утром организм пытается нагнать упущенное и желает поспать подольше. Но так как сознание ваше пробуждается раньше, то и возникает конфликт. Вы, часом, не лунатик?

– А чё это?

– Ну, по ночам не бродите по квартире в сонном состоянии?

– Вроде бы нет. Да и как мне знать, ведь я, типа, сплю?

– Это верно, да-а-а. А родные не наблюдали этого за вами?

– Нет. Я живу сейчас один.

– Понятно, понятно. В детстве ничем серьёзным не болели?

– Да я вообще, доктор, редко когда чем-то болел. Так, по мелочи: сопли, зуб прихватит. Ерунда, короче.

– Мда-а. Похвально, похвально. В армии ранений не было?

– Не-а.

– Это? – и он выразительно щёлкнул пальцем по шее.

– Ни в коей мере!

– Замечательно! Ну, что ж. Могу вас заверить, ...?

– Саша.

– Могу вас заверить, Александр, что никакой патологии я не наблюдаю. У вас вполне здоровый, молодой организм. Ваша проблема со сном, как я уже и говорил, наверняка связана с неумеренным потреблением кофе. Мой вам совет: если не можете воздержаться, то хотя бы уменьшите порцию. А если приступы будут повторяться – не бойтесь, постарайтесь расслабиться. Главное – не пытайтесь проснуться через силу. От страха, что вы испытываете, вам становится ещё сложнее сладить со своим телом. Перестаньте бороться и, быть может, испытаете одно весьма интересное состояние, которое некоторые называют «внетелесным опытом».

– Как это?

– Есть мнение, что физическое тело – не единственное, что есть у человека. Может вам это покажется странным, но многие люди утверждают, что не раз бывали вне своего тела и видели его со стороны. При этом они могли летать и проходить сквозь стены.

– Ух ты! Чё, правда?

– Не знаю. Сам я никогда такого не испытывал, – при этих словах дядечка как-то грустно посмотрел в окно, но тут же спохватился и добродушно улыбнулся, – Но вы можете попробовать. Во всяком случае, это не смертельно. Удачи вам!

– Спасибо, доктор. А то я уже подумал, что мне кердык.

– Ну, что вы, что вы. Кердык, батенька, это когда не ко мне приходят, а к священнику.

– А-а, – протянул Сашка, хотя совсем не понял, при чём тут поп.

– До свидания!

– До свидания.

Сашка вышел во двор поликлиники и огляделся. Время подходило к обеду. Топать на работу не имело смысла, и он напрямик направился в парк.

Из головы не выходило предложение доктора, хотя было совершенно непонятно, как это – выйти из собственного тела? А кто ж тогда в нём останется? Что-то нигде не было видно, чтобы чьё-то тело болталось само по себе по улицам, без хозяйского присмотра. Фигня какая-то получается. Видимо этот дядечка с бородкой сам понабрался от свихнувшихся пациентов всякой мути, вот и глючит его чуток. А с виду и не скажешь, что псих.

На любимой скамейке дремала парочка бабулек. Сашка поморщился с досады и даже решил, что скамейка эта заколдованная. Вечно тут кто-нибудь мешает уединиться. Только подумал об этом, как за спиной раздался торжествующий знакомый возглас:

– Опа-на! Какая встреча, в натуре!

Старух со скамейки как ветром сдуло. Сашка обернулся, чувствуя, что голос не сулит ничего хорошего, и не ошибся: у выхода из аллейки стоял и довольно ухмылялся, уперев руки в пухлые бока, давешний крутизна из чёрного «Мерина». И было от чего: рядом с ним переминались с ноги на ногу два амбала внушительного вида, и намерения их не оставляли никаких сомнений.

Сашка быстро оценил свои шансы, как нулевые и краем глаза заметил неширокую дыру в кустах за соседней скамейкой. Вот бы туда занырнуть. Но тот бык, что стоял слева от крутого, был слишком близко от дыры и наверняка его перехватит. Кричать о помощи бесполезно, да и неловко как-то. Всё-таки не баба какая-нибудь.

Внезапно в мозгу у Сашки промелькнула дурная идея. Он слегка наклонил голову на бок и прицелился из пальца в грудь крутого, как это часто делают герои американских фильмов.

– Твоя глупая обида тебя и сгубила, приятель, – усмехнувшись, произнёс Сашка, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Чё-ё-ё?! Не, пацаны, ну вы видали, какой фраер наглый пошёл, а? Просто беспредел голимый! Чё за базар то, а?

– Всё просто, – так же спокойно сказал Сашка и театрально вздохнул, – заказали мне тебя, приятель, так что не обессудь.

И с этими словами он выудил ногой из под скамейки пустую коробку из под обуви и с силой пнул в сторону крутого. Ухмылка мгновенно слетела с физиономий всех троих, а крутой даже как-то сразу посерел лицом.

И тут понеслось! Как в каком-нибудь киношном боевике, один из охранников тут же плюхнулся на эту коробку, загремев телесами об асфальт, а второй, таким же макаром, накинулся на крутого, прижав физиономией в чей-то плевок на асфальте.

Сашка ловко проскочил между ними и ломанулся в кусты. За дырой оказалась узенькая тропинка, ведущая к заднему выходу из парка. Бежать по ней было неудобно, да и охранники сразу же спохватились, и за спиной раздался треск веток кустов. Сашка ринулся прямо к решётке забора. Словно обезьяна, он в один момент взобрался на вершину и чуть не грохнулся обратно, когда один из охранников добежал до забора и стал трясти его, как Кинг-Конг.

Сашка вцепился в прутья, понимая, что просто так спуститься на другую сторону не получится: амбал схватит его сквозь решётку и удавит одной своей клешнёй. Крутой тоже продрался сквозь кусты, пугаясь в ногах и свирепо вращая глазами.

– А-а-а! Сука! Держи его, братва! Я из-за него фейс изгадил об чужую соплю! Убью гада, в натуре!

Сашка лихорадочно соображал. Нужно было срочно что-то решать. Вот уже и второй охранник полез по решётке вверх, глядя на Сашку, как охотник на добычу. На время первый охранник перестал трясти забор и Сашка решился. Он весь подобрался, с силой оттолкнулся и сиганул прямо на цветочную клумбу, которая была в паре метров от забора.

Приземлился удачно, даже ногу не подвихнул. Быстро вскочил и понёсся через дворы, мельком глянув на номер чёрного «Мерседеса» крутого, который стоял у ворот парка. Номер был питерский. Значит, не местные, а тоже из туристов. Это уже легче.

Вопли за спиной стихли. Сашка обернулся. Крутой и его быки быстро загружались в «Мерин». И вот уже широкая морда машины, сияя всеми фарами, повернулась в сторону Сашки и стала резво набирать скорость. Крутой наполовину высунулся из окна, грозя кулаком и злорадно посмеиваясь.

Сашка прибавил ходу. Вот тебе и сходил к врачу! Ещё немного и его отвезли бы сразу ко многим врачам, главный из которых – травматолог. А может быть и сразу в морг. От этого стало ещё злее на душе, и Сашка на ходу поднял кверху средний палец. Машина за спиной взревела громче, а из окна понеслась такая «феня», что Сашка и половины слов не понял, хотя общий смысл угадывался легко.

Добежав до кинотеатра, Сашка метнулся в щель деревянного забора, окружавшего некий долгострой, а потом помчался дворами, срезая углы и часто оглядываясь.

Машина безнадежно отстала. Крутой аж весь позеленел от злости и молотил кулаками в широкие спины охранников, матерясь на чём свет стоит. Какой-то долбаный фраер так позорно его уделал, а они, уроды, упустили его. Всё! В следующий раз, если попадётся, сразу мочить! Без базару, блин! В натуре!!!

ГЛАВА 6.

Однорукий Хуэйкэ грозно спросил своего ученика:

– Почему?

– Семь!

– Что семь?

– Что почему? – ответил Сэнцань и прозрел.

Приятеля Сашки звали Алексей. Когда-то давным-давно они вместе учились в одном техникуме. Сейчас же виделись довольно редко. Сашка иногда помогал Алексею с ремонтом убитой напроочь «шестёрки», а тот, в свою очередь, вызывал у Сашки сильнейшее любопытство своими увлечениями оккультизмом и прочей эзотерикой.

Сказать, что они были друзьями, было бы неверно. Так, давние знакомые. Алексей вообще вёл довольно уединённый образ жизни и принципиально не собирался жениться. При этом он всегда объяснял, что энергии и так катастрофически не хватает, а тратить её на семейную жизнь – это вершина глупости. Сашка в этом вопросе был с ним не согласен. Правда, ему было совсем не понятно, про какую энергию говорит его приятель, но прожить всю жизнь бобылём – это как-то не по-людски. Сам он при случае намеревался обзавестись семьёй. Хотя тоже не спешил.

Обитал Алексей в другом конце города в небольшом деревянном домике, который достался ему в наследство от бабки. К ней он переехал из Питера после армии, да так и остался здесь жить. Тихий курортный городок как нельзя лучше подходил для его спокойной натуры.

Больше всего Алексею нравилось бродить по лесу среди душистых сосен и мечтать. Мечты были самые разные. После тяжёлой службы на севере хотелось уплыть куда-нибудь в тропики или пожить какое-то время на берегу Индийского океана в Австралии, например.

Потом он стал всерьёз подумывать о судьбе путешественника и решил даже поступить в институт геологии. Но, посмотревшись на увесистые куски породы и могучие керны в музее института, он передумал. Желание как-то само по себе тихо угасло. Не было в этих бульжниках никакой романтики. А фотографии крепких парней в касках и робах навевали уныние.

Затем он решил заняться астрологией. По стране как раз прошёл бум на эту тему, и газеты просто пестрели объявлениями, типа: «Опытный гадатель в пятом колене предскажет Вашу Судьбу по звёздам даже в пасмурную погоду!». Или: «Супер-колдунья и Гипер-астролог баба Элеонора снимет-нашлёт свежайшую порчу; оплата в эСКАвэ».

Последнее было довольно заманчивым. Оплата в баксах вселяла призрачную надежду на безбедное существование. Но для этого нужно было хотя бы знать что-то про загадочную астрологию.

Так Алексей стал потихоньку приобщаться к оккультным наукам. Благо, Питер под боком. Там какую хочешь литературу можно найти. Со временем заветный магазинчик на Лиговке стал своеобразной Меккой для Алексея. Там он черпал Нектар Знания, словно из неиссякаемого источника, и порой очень жалел, что подобного магазинчика нет у них в городе.

Астрология с её заковыристыми расчётами быстро приелась. С трудом составив свой собственный гороскоп, Алексей не нашёл в нём ничего примечательного. Более того, когда он попытался составить гороскоп своего соседа Кольки, то обнаружил почти точное совпадение. Это

означало либо его полную несостоятельность, как астролога, либо они с Колькой были однойцевые близнецы. Вторая версия выглядела маловероятной, и Алексей решил завязать с гаданием по звёздам. К тому же кроме астрологии появилось бескрайнее море другой эзотерики. Алексей словно изголодался по всему этому и хватался буквально за всё: йога, буддизм, даосизм, каббала, христианство и т.д. и т. п. От обилия информации в голове постепенно образовалась такая каша, что впору было в дурку ложиться.

А потом пришло увлечение Кастанедой, и Алексея стала манить далёкая пустыня Сонора и ее колючие кактусы пейота. Всё остальное словно ушло в туман. Не было больше никаких йогов, -измов, и прочих завёрнутых учений. Пачки книг с пучеглазыми Учителями и скрюченными в немыслимые позы адептами на обложках отправились на пыльный чердак, а на книжной полке стройным отрядом выстроились тома Дона Карлоса и иже с ним.

С трудом осилив первые три тома, Алексей оказался словно старуха у разбитого корыта из сказки. Много было ещё непонятно, но общая картина вырисовывалась просто грандиозная. Всё, что он изучал ранее, казалось горой ненужных эпитетов и толстым слоем мусора, скрывающего Истину. Любимой фразой Алексея теперь стала: «Это лишь способ говорить».

Он прочел все книги Кастанеды по второму, третьему разу. Картина в его голове стала всё более проясняться. В душе Алексей уже вполне обоснованно считал себя Одиноким Воином и даже как-то посуровел лицом. Именно поэтому он решил дальнейшую свою жизнь провести в полном одиночестве, не связывая себя узами брака.

На приятеля Сашку он посматривал снисходительно и чуть свысока. Ещё бы! Он уже столько литературы перелопатил, столько различных практик перепробовал, что другому и в дурном сне не приснится. А Сашка – так себе, любопытствует просто.

Поэтому Алексей был весьма удивлён и даже почувствовал некий укол ревности, когда Сашка неожиданно заинтересовался и купил ту книжку по Дзэн-буддизму. Словно он вторгся на территорию Алексея и вот-вот нарушит благостную тишину и уединение Одинокого Воина.

Ещё больше Алексей удивился, когда Сашка позвонил ему вчера вечером и напросился в гости. Нет, всё бы ничего, но он как-то загадочно поведал, что у него что-то там получилось. Но ведь не в нирвану же он отправился, в самом деле! Куда ему до Нирваны. Однако что-то неприятное заскребло у Алексея на душе, и снова появилось это чувство посягательства на его ТАЙНОЕ.

Договорились, что Сашка заскочит к нему после работы, и они смотаются на залив. Торчать дома в такую жару не хотелось. Сначала Алексей предложил встретиться как обычно в парке, но Сашка почему-то наотрез отказался, что-то буркнув про некие сложности. Какие сложности могут быть в парке? Может, на ремонт закрыли? Ну, на залив, так на залив. С удивлением Алексей вспомнил, что в этом году ещё ни разу не купался, хотя уже половина лета пролетела.

Сашка ещё от калитки пронзительно свистнул и весело заорал:

– Лёха, кончай конечности гнуть! Айда купаться!

Алексей поморщился и высунулся в окно.

– Привет, привет. Чего разорался то?

– Так ведь жизнь кругом кипит, а ты в своей берлоге зависаешь!

– Ничего я не зависаю, – буркнул Алексей, – За черникой вот сгонял с утра.

– О! А я тоже тут на днях за ягодой ходил. И ты знаешь, в «Прибое» с прикольным парнем познакомился. Так вот он – настоящий индеец! Как этот твой, как его, дон Хуан, во!

Внутри у Алексея всё похолодело.

– Как ты сказал? Индеец?

– Ну, не настоящий, конечно, но про Кастанеду твоего тоже упоминал. Их там целая группа приехала. На эстраде танцы прикольные танцевали. Индейские. Я сам видел.

– Что ж ты мне раньше не позвонил?! – вскричал Алексей отчаянно и сильно побледнел.

Сашка от неожиданности аж попятился.

– Дак это... я ж не думал...

– Вот именно – не ду-у-у-мал! – передразнил его Алексей, – Я уже который год безуспешно пытаюсь найти подобную группу. Пошли бегом, может они ещё там!

– Да пошли. Только я думал, что ты этот, как его, одинокий солдат.

– Воин, – поправил его Алексей.

– А, ну да, воин.

– Одиночество – понятие относительное. Можно быть одиноким в толпе народа, и можно также не иметь одиночества на пустынном острове. Короче, тащи велики из сарая, а я сейчас.

– Ага.

Сашка метнулся к сараю. Ключ от замка висел тут же. В сарае у Алексея стояли довольно потрёпанные велосипеды марки «взрослые». Один, правда, был дамский, но оба вполне исправные, в отличие от старенькой машины, которая вот уже второй год догнивала на дворе.

Сашка давно предлагал Алексею продать ее на запчасти, но тот не соглашался. И вовсе не из жадности. Просто ему было жаль расставаться со своей «ласточкой», на которой успел поездить несколько лет. Но лишних финансов на ремонт не имелось, а на новую машину и подавно. Теперь её проще было разобрать, так как восстановление вышло бы чересчур дорогим. Капот посередине выгнулся и придавал круглым потрескавшимся фарам весьма грустный вид. Машинка словно с укором смотрела на людей и даже не мечтала когда-нибудь снова завестись и прохватить с ветерком по трассе.

Сашка невольно отвернулся, чтобы не видеть эти фары-глаза. Для него любая машина была живым существом, а эта ещё и давняя знакомая. Ему было откровенно жаль «шаху», но хозяин – барин. Не хочет чинить – не заставишь.

Сашка выволок велосипеды на улицу, завернул правую штанину и выбрал бабский вариант. Залезать на него было одно удовольствие.

Алексей натянул спортивный костюм, а на шею повесил какой-то странный медальон. На вопрос Сашки он только отмахнулся и сказал, что это так, для красоты.

Всю дорогу Алексей сосредоточенно крутил педали и молчал. Сашка что-то там рассказывал про стычку в парке, про то, как ему поплохело на работе, но Алексей только поддакивал, угукал или просто кивал головой. Ему явно было не до Сашкиных приключений. Из головы не выходила эта странная группа в доме отдыха. Неужели и впрямь кастанедовцы? Какие они? Безжалостные воины или просто любители? Себя Алексей любителем не считал вовсе. И не потому, что прочитал много различной литературы, а потому, что относился ко всему этому крайне серьёзно. Про какие-то танцы он услышал впервые и не мог понять, для чего они. Правда, Дон Хенаро тоже любил отплясывать, но это были не просто танцы, а сложные магические движения. От предвкушения встречи Алексея немного лихорадило, а руки похолодели и предательски дрожали.

Возле дома отдыха, как всегда, дежурил администратор Иваныч. Сегодня на стоянке было совсем мало машин, и администратор откровенно скучал.

– Здорово, Иваныч! – крикнул Сашка, спрыгивая с велосипеда на ходу.

– Здорово, здорово, – обрадовался посетителям старый привратник, – Хоть вы старика чем-нибудь порадуите!

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Алексей и огляделся в поисках необычных отдыхающих. Но вокруг здания разливалась первозданная тишина, и никаких индейских воплей не доносилось.

– Чем же тебя порадовать, Иваныч? – удивился Сашка, – Это у тебя тут всякие интересности происходят, а в городе – одна суета.

– Ох-о-хох, ребятки, правда ваша. Но сегодня тут скучища беспросветная. Гости почти все разъехались, новые только послезавтра пожалуют. Какая-то группа киношников приедет. Говорят, фильм тут у нас снимать будут.

– Да иди ты! – не поверил Сашка.

– Точно. Так в контракте записано. Недели на две придут.

– Класс! А эти, индейцы, тут ещё?

– Какие такие индейцы? – удивился Иваныч.

– Ну, эти, которые на эстраде тут пляски устраивали.

– У нас на эстраде многие пляшут, – всё ещё не понимая, почесал затылок Иваныч, – Особенно когда спиртного переберут.

– Да ты не понял, Иваныч. Я про тех толкую, что пару дней назад приезжали группой и под индейцев косили.

– А-а-а! – вспомнил тот, – Ну, конечно помню! Как же! У них ещё и музыка с собой была такая странная: быды-быды-быды-дым, дым, дым. Быды-быды-быды-дым, дым-тыдым, – довольно похоже передразнил Иваныч.

– О, точно они. Ну, так чё?

– Чё чё?

– Где они, индейцы эти?

– А-а-а. Так они ещё вчера уехали.

Всё это время лелеявший призрачную надежду Алексей сразу как-то сник и словно увидел, как эта его надежда разлетается на тысячу осколков, осыпавшись на ступени крыльца. Он молча повернулся и покатил велосипед по дорожке к берегу залива.

Сашка сразу и не заметил исчезновения приятеля, заболтавшись с Иванычем. Только когда старый привратник убежал слушать затрезвонивший телефон, он с удивлением огляделся и, не найдя товарища, решил, что тот уехал обратно домой. Он пожал плечами и покатил к берегу, стоя на одной педали велосипеда и отталкиваясь другой ногой от земли, как на самокате. Алексея он обнаружил сидящим на большом, плоском камне у самой воды и печально глядящим вдаль.

– О, Лёха! А я подумал, что ты домой укатил.

Тот ничего не ответил и даже не повернул головы. Сашка уселся на соседний валун и только тут заметил, что у приятеля совсем убитый вид.

– Э, братуха, да ты чего? Расстроился что ли?

– Нет, – равнодушно ответил Алексей.

– А чего тогда такой кислый? Брось, не стоит обламываться по пустякам.

– А я и не обламываюсь, – так же равнодушно ответил Алексей и, посмотрев сквозь Сашку, как бы между делом спросил: – О чём ты хотел со мной поговорить?

– Когда?

– Когда позвонил вчера вечером.

– А-а. Так это, помнишь, мы зимой на книжном развале болтались? Я ещё себе тогда книжку по Дзэну прикупил.

– А, ну да, помню.

– Так это, я тут на днях стал врубаться в неё понемногу и заметил странные вещи...

Об этих «странных вещах» Сашка рассказал Алексею со всеми возможными подробностями. Рассказал и о визите к врачам и о предложении доктора-очкарика полетать вне тела.

– Это довольно сложно, – заметил Алексей, – нужно много и упорно тренироваться. А чего ты вообще в лекарию пошёл? Ты ж, вроде, здоровяк, каких поискать ещё.

– Да ерунда какая-то. Я по утрам, бывает, проснуться толком не могу. Такая расслабуха нападает, что и глазом не моргнуть.

– А-а... – протянул вяло Алексей, – Это бывает. Ничего страшного. Не обращай внимания.

– Ну да! Тебе легко говорить. Ты во всём этом давно варишься. А я в первый раз чуть не обделался со страху.

Алексей ничего не ответил и только тяжело вздохнул. Подумав немного, он разделся и молча пошёл в воду. Сашка тоже скинул штаны и порулил следом.

После купания настроение у Алексея заметно улучшилось, словно вода смыла грусть и обиду на весь мир. Уже более благодушно он спросил у Сашки, в чём сложности с книгой.

– Да ведь не понятно много чего. Татхагаты там всякие, Будды и прочие дела.

– Я предупреждал, что Дзэн – штука заморочная. Все твои опыты – это как новичку в картах – сначала везёт, а потом везение куда-то незаметно исчезает. Всё дело в твоей энергии. Если её много, то и результаты практики впечатляющи. Особенно вначале Пути. Но со временем замечаешь, что перестаёшь куда-то двигаться и это самое печальное. От этого многие бросали практику или меняли её на что-нибудь другое. Я ведь тоже не сразу к Кастанеде пришёл. Ну, да ладно, что ты хотел узнать?

– Так это, ну, вообще: что, да как.

– Хорошо, слушай: В шестом – пятом веке до нашей эры в Индии жил молодой и богатый принц Сиддхартха Гаутама. С самого рождения предки старались окружить его только приятными и красивыми вещами. И он наивно полагал, что во всём остальном мире всё точно так же. Но однажды, выйдя за забор, он просёк, что не всё так сладостно и потрясно. Увидев нищих и больных, он решил оставить богатство, дом, семью и отправился скитаться в поисках Истины. Сидя под здоровенным деревом в глубокой медитации, он допёр, что причиной всех людских несчастий являются желания. Если убить в себе всякое желание, то и страдания прекратятся. С тех пор его стали называть Буддой, как получившего озарение...

Алексей ещё долго и довольно занятно рассказывал про различные течения буддизма и как в Японии возник Дзэн-буддизм с его сидячими медитациями и сосредоточении на Пустоте. Сашка слушал, открыв рот, и его всё больше и больше завораживала эта незнакомая восточная мудрость. В воображении рисовались удивительные картины далёкого прошлого с толпами монахов, Бодхисаттв, Патриархов и прочих чудесатых товарищей.

Домой приятели вернулись уже затемно. Алексей предложил Сашке, раз тот так уж заинтересовался всей этой темой, зарулить вначале к нему. Выудив из старого комода фонарь, они полезли на чердак, и Алексей насовал Сашке целую сумку книг, которые ему самому были уже нафиг не нужны. От такого щедрого подарка Сашка не знал, что и сказать.

– А знаешь, братуха, твою «шаху» мы всё-таки починим! Зуб даю!

– Да брось. Бесполезно это.

– Фигня! Ничего не бесполезно. У нас с парнями на работе давно идея зреет: взять какое-нибудь «ведро» и соорудить из него супер-тачку с кучей наворотов. Всё равно от других машин остаются горы ненужного железа. Вот поговорю завтра с парнями. Может и получится чего.

– Окей. Мне всё равно уже ничего с ней не сделать. А так хоть прокатиться можно будет по двору. Ну, пока!

– Пока!

ГЛАВА 7.

*Со всем рвением берись за поимку быка,
Он силен, могуч, сдержать его трудно,
Он то подымается к горной вершине,
То спускается в смрад городского загона.*

Гоань Шюань.

Море... На бесконечно далёком горизонте из воды что-то высунулось, огромное и мрачное. И хотя с берега оно казалось небольшим и не таким страшным, не было никаких сомнений в истинных размерах этого чего-то.

Сашка вздрогнул, как от сквозняка и стал лихорадочно осматривать прибрежный кустарник и барханы песка, поросшие голубой травой. Ну, чисто пустыня! Ни одной живой души вокруг. Даже чайки куда-то пропали. Только по песку кое-где пробежит одинокий муравей, глянет на бестолково стоящего Сашку и помчится дальше по своим делам. И всё. Это было тем более странно, ведь на побережье находилось множество пансионатов и санаториев. На этом пляже, обычно, яблоку негде было упасть.

Море казалось спокойным и гладким, как зеркало, однако в глубине постоянно что-то двигалось, внушая леденящий ужас. Внезапно вода у самого берега забурилась, и на поверхность высунулось чудовище.

– Ой, мама! – заорал Сашка и попятился.

Споткнулся об трухлявое бревно, приземлившись на задницу, и весь съежился, желая сейчас же стать меньше того муравья, чтобы затеряться среди песка.

Чудовище, однако, не торопилось слопать бедного Сашку и внимательно его разглядывало. Выглядело оно на самом деле не так уж и страшно. Скорее наоборот. Из воды торчала только длинная белая шея и светло-зелёная змеиная голова. Впрочем, больше похожая на лошадиную. Два разных по цвету глаза лучились мудростью и нескрываемым интересом. На голове у Змея топорщился аккуратный плавник, чуть темнее самой головы, а по бокам шеи свисали небольшие крылышки, придавая всему облику некое добродушное выражение.

Змей вежливо кашлянул и брызнул на Сашку водой, черпанув слегка крылом. От прохладного душа Сашка вздрогнул, поднял кверху глаза и уже не смог их отвести.

« – Сейчас загипнотизирует и съест», – с тоской подумал он.

– Ошибаешься, приятель! Я таких, как ты, не ем!

– Каких это таких? – вдруг обиделся Сашка и даже немного осмелел.

– Да вот таких, как ты! – громогласно возвестил Змей и от души рассмеялся.

Сашка надулся ещё больше. Мало того, что чуть в штаны не навалил со страху, так это чучело ещё и издевается над ним!

– Сам ты чучело! – крикнул Змей и резко приблизился к самому лицу Сашки.

Внутри у Сашки что-то ёкнуло, а коленки сами собой затряслись. Отсюда глаза Змея казались огромными яркими прожекторами, которые прожгли всего Сашку насквозь, напрочь спалив все обиды и раздражение. В глубине этих прожекторов переливались гранями жёлтые и голубые алмазы, как далёкие звёзды. Змей немного отодвинулся, уже без тени улыбки на лошадиной физиономии, и внушительно произнёс:

– Зачем звал?

– Кто? Я? – удивился Сашка.

– Ну, не я же!

– Да не звал я никого. Просто так тут стою.

– Ври больше!

– Да зуб даю!

– На кой хрен мне твой зуб? Говори, зачем звал! – прогремел Змей.

Сашка опять струхнул, не зная, что и ответить. Змей снова приблизился к Сашкиному лицу, отчего по спине побежали мурашки. В бездонных глазах Змея уже вспыхивали багровые искры, и это совсем не радовало. Но тут Змей, по-простому так, подмигнул Сашке одним глазом и опять беззаботно рассмеялся.

– Ну, ты даёшь, Санёк! Сам не помнишь, о чём думал минуту назад. У тебя чё, склероз?

– Не понял?

– А чё тут непонятного? Ты давно тут стоишь?

– Не помню.

– Как попал сюда, тоже не помнишь?

– Н-нет, – озадачился Сашка. А ведь и правда, он совсем не помнил, как тут оказался. Да ещё и берег этот пустынный.

– Ну, пустыня – это твоих рук дело.

– Как это? – удивился Сашка.

– Так ведь это же твой сон, а не чей-то ещё!

– Сон?!

– Ну конечно! А ты чё, ещё не понял? Ха! Ну ты дал! Где ж ты ещё такого, как я, смог бы увидеть?

Сашка почесал затылок. А ведь Змей прав. Но только странно это как-то. Вот ведь море – вполне настоящее, вот песок – тоже настоящий, да вот и он сам. Сашка ущипнул себя за руку. Больно! Какой же это сон? А Змей? А что Змей? Мало ли в глубине неизученных чудищ обитает. Может это одно из них?

– Вижу, приятель, не веришь ты мне, – укоризненно покачал головой Змей, – Ну, смотри!

И с этими словами Змей превратился в Сашку. От неожиданности сам Сашка икнул и часто-часто заморгал. Не может такого быть! Точно он, Сашка! Только глаза у псевдо-Сашки всё так же сверкают разными цветами и гипнотизируют.

– Теперь веришь?

– Верю, – произнёс Сашка вовсе не уверенно.

– Ладно, хрен с тобой. Мне, понимаешь, некогда. Давай, говори, чё надо, да я поплыву нафиг.

– Так это, не знаю я, – растерянно ответил Сашка и на глаза навернулись самые настоящие слёзы. Ну и дела-а-а.

– Вот вечно так! – разозлился Змей, который уже был снова в своём облике, – Сначала позовут, от важных дел оторвут, а потом сами не знают, чего хотят!

– Да не звал я никого! – в отчаянии крикнул Сашка.

– Звал, звал. Я ещё не глухой пока. Ты только ни хрена не помнишь. Да ладно. Это, в общем-то, всегда так поначалу. Ты ведь до сих пор не веришь, что спишь. Ну, когда проснёшься, то поверишь. Если конечно вспомнишь. Так вот: я – Тот, Кто Показывает Сны. Меня все видят по-разному. Кто на что способен. Ты видишь меня Змеем, а кто-то другой видит собаку или дерево. Не важно. Меня призывают, и я прихожу. Правда, тоже не ко всем. Ты меня звал довольно настойчиво, хотя и не помнишь об этом. Судя по всему, тебя беспокоят твои трудные пробуждения по утрам. Что ж, это дело поправимое. Кофе – это всё ерунда. Ты случайно влез в некую энергетическую структуру, которая постепенно тебя затягивает всё больше и больше. Вспомни, когда впервые появилась эта заморочка.

Сашка наморщил лоб. Выходило, что первые похожие признаки появились где-то с полгода назад, когда он купил эту книгу. Стоп! Книга!

– Точно, приятель! Это не просто книга. Ведь она была не новая?

– Ну да. Мы же с товарищем на книжном развале тогда шарились. Вот я и купил её по-дешёвке.

– Эта книга долгое время пролежала в квартире одного задвинутого экспериментатора, которого уже нет в живых, – поведал Змей, – Мой тебе совет: если боишься, то лучше выброси её, а еще лучше сожги. А если нет, то тебе придётся самому выбирать, причём весьма тщательно, с кем общаться в своих снах. Вполне вероятно, что ты можешь встретить того самого экспериментатора и его «друзей». Тогда пиши-пропало. Он очень сильный маг. Хоть даже и мёртвый.

– А как я их узнаю?

– Сложно сказать. Одно я знаю наверняка: если кто-то будет предлагать до фи́га всего на халяву – беги от него, как от огня. Это верный признак.

– А что насчёт тебя? – подозрительно прищурился Сашка.

– Я лишь Тот, Кто Показывает Сны. В какой-то мере я – есть ты. Поэтому ты можешь верить мне, а можешь не верить, от этого ничего не изменится. Я могу только посоветовать, но ничего не обещаю. Поэтому твои подозрения излишни. Бойся того, кто много обещает. Усёк?

– Усёк, – вздохнул Сашка, не зная теперь, как поступить.

Вроде и стрёмно как-то всё это. Да ещё и мертвяк этот долбаный. Экспериментатор, блин. И чего он там такого наэкспериментировал, что теперь нормальным людям покою нет? Неужели так книжку заколдовал, что она теперь душит Сашку по утрам? Спалить её нафиг? Жалко. Ведь не дочитал ещё. Ладно, поживём – увидим.

Змей добродушно улыбнулся напоследок и потрепал Сашку шершавым крылом по голове.

– Не бойсь, Санёк! Кто куда не суётся, тот ни хрена интересного не видит. Если чё, зови меня. Авось помогу.

– А как звать-то?

– Да ты знаешь! – крикнул Змей и с шумом нырнул в пучину моря. Только разноцветные светляки брызнули в разные стороны, как искры от «болгарки».

* * *

... С потолка снова спустился на тонкой ниточке паук и потрогал спящего Сашку за ухо.

– Не, блин, ну чё за дела, а? Ну нету мух, хоть ты тресни! Может этот бугай всех сожрал?

С досады он со всего маху дал Сашке в ухо с шестой ноги и полез обратно...

* * *

Сашка тяжело вздохнул и проснулся. Пару секунд его физиономия сохраняла некоторую угрюмость. Но сон, словно дым, медленно рассеялся, и уже через минуту Сашка ничего не помнил.

За окном билось в занавеску солнце, требуя немедленно впустить. Сашка улыбнулся и кубарем слетел с постели, упав на пол для физзарядки. Отжимался до упора, словно хотел накачать мускулатуру за один присест. Как аккумулятор под экспресс-зарядкой. Затем распахнул настежь занавески и, жмурясь от яркого света, заорал что-то неразборчивое, приветствуя Светило. Получилось прикольно.

На кухне вскоре зашумел – запыхтел чайник. По радио неслась забойная музыка, и от этого ещё больше хотелось радоваться жизни. Что Сашка и делал. Наплескал полную кружку кофе и с наслаждением стал цедить напиток маленькими глотками. Про предупреждение доктора не хотелось и вспоминать. Какого хрена? Он так любит этот славный напиток. Ведь не водку же он хлещет без

меры! И ещё что-то подсказывало Сашке, что кофе тут вовсе не причём. Хотя толком сказать, откуда у него появилась такая уверенность, он не мог.

Выскочив за дверь, Сашка с топотом понёсся по ступеням, чем весьма разозлил дворничиху бабку Матрёну. Та неспешно мыла лестничные площадки и весьма не любила, когда кто-то по ним носился, сломя голову.

– Ах, ты ж, чертяка окаянный! – вскричала она и замахнулась на Сашку мокрой тряпкой.

Тот ловко увернулся и по детской привычке стал дразниться, приставив большой палец к носу и шевеля остальными.

– Бабка Матрёна не ест макарон! Ест тараканов и мух-великанов!

– Вот я матери твоей всё расскажу! – грозились дворничиха, потеряв счёт времени и считая Сашку всё тем же пацанёнком, что и раньше.

На улице Сашка чуть не столкнулся со Стёпкой Увальнем и шарахнулся от него, как от чумного. Обежал стороной. Ну его нафиг! Что-то странное было в этом Стёпке, кроме придурковатости. В этом Сашка уже не сомневался. Слова Стёпки никак не выходили у него из головы. Одновременно он не мог поверить, что тот вообще мог так говорить. Но ведь не послышалось же ему, в самом деле!

Стёпка никак не отреагировал на заковыристые Сашкины финты. Всё его существо в данный момент занимала маленькая птичка на проводе. Она поворачивала головку и смотрела на Стёпку то одним глазом, то вторым. Стёпка тоже наклонял голову сначала в одну, затем в другую сторону, повторяя движения птицы. Выходило, будто они присматривались друг к другу.

« – Точно псих», – подумал Сашка и побежал на работу.

* * *

Ворота автосервиса были раскрыты настежь, и Сашка ещё издали увидел корму знакомого «Мерса» во дворе. Метнувшись в кусты, он стал пробираться вдоль забора, пока не дошёл до щели за мусорным баком. В эту щель хорошо был виден весь двор.

« – Всё, хана!» – подумал Сашка, увидев, как с мужиками, раскинув пальцами, базарят охранники крутого. И как только они нашли, где он работает? Ведь даже имени его они не знают. Странно. Из Сашкиного укрытия было почти не слышно, о чём идёт разговор, но без сомнения они ищут его, Сашку.

Один из охранников, тем временем, сунул Михалычу банкноту «зелени», и «Мерседес», сияя боками, отчалил, словно крейсер.

« – Красивая всё-таки тачка!» – вздохнул Сашка. Это была мечта. И вряд ли когда-нибудь она исполнится.

Подождав несколько минут, Сашка выбрался из своего наблюдательного пункта и осторожно засеменял к центральному входу. Вдруг эти господа грёбаные вернутся? Во дворе стояли мужики и о чём-то оживлённо трепались.

« – Неужели сдадут?» – похолодел Сашка.

– О, Санёк! Здорово! Как самочувствие? – поинтересовался дядя Ваня, протягивая бугристую от мозолей ладонь. Сашка поздоровался со всеми и осторожно спросил про парней на «Мерсе».

– А, эти. Так они колесо где-то пробили. Вот с утра примчались клеить. Во, видал? Баксами расплатились.

– Только колесо? – спросил Сашка.

– Ну да! А ты думал они нам дадут в движок залезть? Ищи дурака! Да я бы ни за какие бабки туда не сунулся. Поломаешь чего – в жизнь не расплатишься. Да они и сами, небось, не дураки. А колесо – фигня. Всё равно тут кроме нашего сервиса других контор достойных нету.

У Сашки сразу отлегло на душе. И как только он мог такое подумать про своих мужиков. Эти парни в лепёшку разобьются, но западло не устроят.

– Так это, отметить надо такое дело! – предложил Сашка.

– Вот мы и думаем, чё с этой «зеленью» делать?

– Как чё? В обменник и айда в столовку обжираться!

– О, твоя идея – тебе и топать, – ловко выкрутился Васька. Они сразу так и хотели поступить, и Ваське, как самому молодому, светило мчаться домой за паспортом, а потом, чуть ли не через весь город, нестись в обменный пункт. А раз Сашка предложил, то ему и карты в руки. Сашка на это не имел возражений.

– Только ты это, не долго давай, – предупредил Михалыч, – А то у меня режим.

– Знаю, знаю! К половине первого буду, как штык.

– Лучше – раньше, – веско сказал дядя Ваня, – Сегодня мно-о-го работы.

Сашка оглядел двор и заметил у въезда в гараж новую «семёру».

– Опа! Дядь Вань, неужели твоя? Купил, наконец?

– Ага, – довольно ухмыльнулся старый моторист, – Как и хотел – цвета вишни.

– Ну, поздравляю! – искренне обрадовался Сашка и потряс тяжёлую руку старика, – Такое дело надо обмыть.

– Вот ты и присмотри там, в центре, всего. Я тебе тут списочек приготовил, чтобы ты не напутал чего. А то купишь какой-нибудь отравы. Ты ж не пьющий, в напитках ни бум-бум. Себе сока там всякого возьми, фруктов. Ну, да сам разберёшься. А мы пока начнём «ласточку» протягивать. Я ведь сюда её на фуре привёз. Чтобы по дороге не рассыпалась. Ты же знаешь, как их на заводе собирают.

– Это точно. Ну, ладно. Я мигом!

– Давай...

Вечером, когда уже основная масса напитков была выпита, а насущные мировые проблемы разрешены, мужики сидели на скамеечке во дворе автосервиса и с любовью разглядывали «семёрку» дяди Вани, блестящую полиролью и пахнущую свежим антикором.

Машинка словно преобразилась. Из чумазой и пыльной заготовки, как их обычно называл Михалыч, получилась весьма симпатичная «ласточка». Все гайки и болты теперь надёжно затянуты. Кое-чего сразу заменили, не надеясь на халявную гарантию. Из недр машинки басовито ухало радио, создавая некий умиротворяющий фон.

Сашка, хоть и не пил горячительного, но от стахановского трудодня тоже весь размяк и словно плавал в тёплом вечернем мареве. Вспомнил про «Мерса» и его пассажирах.

– А ведь я, дядь Вань, думал, что крутые меня ищут.

– Какие, Сашок, крутые?

– Да те, из «Мерина».

– Это которые утром что ли приезжали?

– Ну да. Они самые.

– Не понял я что-то. На хрена ты им сдался?

И Сашка рассказал мужикам про то, как машинально дал в пятак крутому, а потом удирал от него и его охранников в парке.

– Ну, если дал в рыло, значит за дело, – рассудил Михалыч, урча желудком. После выпитого у него в брюхе всегда начинался концерт.

– Точно, Санёк! – поддержал его Васька, – Да ты не обламывайся. Если пожалуют снова – мы их в солидол укатаем, и поминай, как звали!

– Во, дело говорит пацан, – похвалил дядя Ваня, – Ты, главное, нас держись. Мы тебя в обиду не дадим. Это я тебе говорю, – и стукнул себя кулаком в грудь.

– Спасибо, мужики, – растрогался Сашка, и в этот момент никого роднее для него в мире не существовало. С такими парнями – хоть в разведку, хоть в космонавты.

Разошлись уже далеко за полночь, когда за Михалычем пришла жена, тётя Вера. Она только покачала головой, найдя мужа в беспробудном сне на дежурной раскладушке. Решили оставить его тут до утра. На машине уже никто рулить не мог, а у Сашки не было с собой прав. Тётя Вера осталась вместе с мужем. Так, на всякий случай. Не молодой ведь уже.

В эту ночь Сашка спал, как напрочь убитый – без снов и всяких заморочек.

ГЛАВА 8.

*Шэнсю, Ифу и Пуцзы пошли в лес за грибами.
– Мухоморы берём, Учитель? – спросил Ифу.
– А есть ли у них Самость?
– Да не видать ни хрена!
– Кто ж за грибами ходит ночью? – проворчал
Пуцзы.*

Мухи лениво кружили над Сашкой и иногда заглядывали в книгу, которую он читал. Это была одна из той стопки, что подарил ему Алексей. Называлась книга круто – «Львы Будды».

« – Уж здесь то, – думал Сашка, – наверняка будут крутые разборки с применением всевозможных подручных средств и ломание голым пальцем стальных рельсов».

Но оказалось, что и на этот раз он обломался. В книге большей частью описывались похождения всяких чудиков, коих было ровно 84. Хотя это тоже было интересно. У Сашки от усердного чтения даже торчал кончик языка. Одна муха прицелилась и точнёхонько уселась прямо на язык, попробовать, чем Сашка питался. От неожиданности тот вздрогнул и стал, матерясь, отплёвываться.

Во дворе автосервиса сегодня было тихо и безмятежно. Утром тётка Вера увела Михалыча домой. У него снова разболелся желудок. Васька тоже вчера откровенно перебрал и отпросился у дяди Вани на денёк для принятия пивных процедур. Тот не стал возражать. Сам он, как старший мастер, всегда должен был находиться при гараже. Хотя его тоже немного плющило.

Лучше всех ощущал себя Сашка, и это было естественно. Не пьющий ведь. Поэтому дядя Ваня оставил его сегодня за старшего, а сам завалился на дежурную раскладушку отсыпаться. Сашка удобно устроился на скамейке, положив под голову ватник, и вникал в опус товарища Абхаядатты.

«... Однажды по пути на рынок Луйина зашел в харчевню. Хозяйкой там была дакия из числа живущих среди людей. Взглянув на принца, она подумала: « – Он уже полностью очистил четыре чакры, но у него есть проблема: он не перестал задумываться о своем статусе среди людей». Она положила в миску гнилые объедки и подала ему, а когда он их выбросил, рассердившись, сказала: « – Если ты до сих пор различаешь хорошую и плохую пищу, как Дхарма придет к тебе?»».

Принц понял, что, отличая одно от другого, он отдаляется от Просветления. Он стал вылавливать в Ганге выброшенные рыбы внутренности и питался этим в течение двенадцати лет, занимаясь практикой. Когда однажды торговка рыбой увидела его за едой, она назвала его Луйина, «старые рыбы потроха». Под этим именем он достиг Просветления и прославился...».

« – Тьфу ты, гадость какая!» – с отвращением подумал Сашка.

На периферии сознания послышался шум подъезжающей машины. Сашка нехотя оторвался от книги и похолодел от ужаса. Во двор сервиса неуверенно, хотя и быстро, въехала золотистая «восьмёрка» и чуть не протаранила новую машину дяди Вани, проскочив всего в десятке сантиметров от её носа. Сашка нахмурился и приготовился высказать этому питерскому лихачу всё, что он с ним сейчас сотворит нехорошего. Но когда глянул сквозь лобовое стекло, то сразу сдулся и потерял всякий интерес, потому как за рулём восседала дамочка-одуванчик с копной выжженных перекисью волос.

« – Тэ-э-к. Понятно, – подумал про себя Сашка, – Девочка со свежими правами пожаловала. Может даже, хахаль ей эти права прикупил. Вместе с тачкой. И как только вот такие не боятся по дорогам ездить? Ведь ни хрена машину не чувствуют. Не говоря уже про габариты. Уроды, блин!».

Дамочка, видя, что никто не спешит ей на помощь, выпорхнула из машины и направилась к Сашке, цокая двадцатисантиметровыми каблуками. Сашка снова уткнулся в книгу и сделал вид, что никого вокруг не замечает.

– Молодой человек! – начала дамочка капризно, но внезапно голос её стал сладко-ванильным и даже несколько восхищённым, – О-о! Вы интересуетесь подобной литературой! Очень мило. А я, знаете ли, тоже страсть, как люблю всё необычное и потустороннее! Вот вас как зовут?

– Сашка.

– Александр. У вас героическое имя! Ну, не важно. Так вот: я у себя дома собрала уже три полные полки таких вот книг. Читаю – запоем. Только мало что понимаю, но это и не важно. Приятно, знаете ли, ощущать себя приобщённой к чему-то загадочному и мистическому. Что это у вас? А-а-а... Буддизм. Я тоже читала. Весьма сложно, но оч-чень интересненько. А ещё я люблю всякие там семинары и курсы посещать. Вы когда-нибудь занимались в группе? Нет? Ой, что вы! Это ведь так замечательно! Я – занималась. И не в одной, заметьте. Ах, какие там эманации! Какие течения энергетические! Я вот даже сейчас их чувствую. А вы чувствуете эманации? Нет? Ну, это не важно. Вы что-нибудь кроме Буддизма изучаете?

– Ну-у-у... – протянул Сашка, ошарашенный таким наездом.

– Так я и знала. Ну, конечно. Куда вам, провинциалам. Вся эзотерическая жизнь проходит исключительно в Питере. Тут тебе и рейки, и Ошо, и ДЭИР. Ой, да вам не понять. Хотите, фокус покажу? Не бойтесь! Дайте руку. Ну, дайте, дайте! – воскликнула девица.

Сашка нехотя протянул ладонь, боясь, что эта экзальтированная бабёнка кольнёт чем-нибудь острым и кровящую начнёт хлестать литрами. Но та прикрыла глаза, свела свои ладони вместе и часто-часто задышала, двигая руки навстречу друг другу. Затем она слепила невидимый комочек и поднесла к Сашкиной руке.

– Держите. Чувствуете?

Сашка пожал плечами. Ничего. Хотя нет. Что-то такое тёплое прокатилось по его ладони, напоминая комочек пуха. Хы! Прикольно!

– Ну же! Чувствуете? – вскричала девица, и Сашка вздрогнул от её резкого голоса.

– Д-да. Есть чего-то.

– Есть чего-то, – передразнила девица, – Это чего-то есть моя энергия, а вы её почувствовали. Вот видите! Ну, это не важно.

Внезапно девица замолчала и пристально уставилась на мусорный бак. Глаза её неестественно расширились и словно застыли. Сашка проследил за её взглядом, но не увидел ничего необычного.

« – Психованная», – подумал Сашка.

Несколько секунд девица неподвижно сверлила взглядом бак, а потом так же неожиданно очнулась, повернулась к Сашке и заговорила шёпотом:

– Там что-то есть! Я это чувствую!

– Да нет там ничего, – так же тихо ответил Сашка, – мусор только.

– Му-у-усор! Я не про ваш мусорный бачок говорю. Там, дальше, за стеной!

– А что там?

– Они!

– Кто? – удивился Сашка.

– Ах! Вам не понять, – уже нормальным голосом ответила девица и зевнула.

« – Точно, психованная», – решил Сашка.

Девица ещё некоторое время бросала косые взгляды в сторону забора и недовольно хмурилась. Потом лицо её просияло, она вскочила и зацокала каблуками обратно к машине. У самой дверцы остановилась, поманив Сашку пальцем. Тот нехотя встал и двинулся следом.

Глянув на заднее, правое колесо, он сразу понял причину эдаких лихих финтов, что выделявала девица при въезде. Из баллона сбоку торчала нехилая отвёртка. Сашка аж присвистнул от удивления. Нет, отвёртка на дороге – дело не хитрое, но как можно умудриться поймать её почти у самого обода колеса? Это ж надо так постараться.

– Где это вы так?

– А, не знаю. Ехала-ехала. Вдруг – хлоп! Что-то сзади бумкнуло, и машина стала дёргаться. Вот я к вам и заехала по пути. Можно чего-нибудь сделать?

– Запаска есть?

– А что это?

– Понятно. Ключики можно?

– Конечно, конечно! Вот, пожалуйста.

Сашка порылся в багажнике и тяжело вздохнул. Кроме надувного матраса и «лягушки» там совершенно ничего не было. Даже балонника. Хотя, чему тут удивляться. У таких вот наездниц и не бывает ничего толкового в багажнике.

– Придётся бортировать.

– Ой, а это долго? – обеспокоилась девица.

– Ну-у-у..., – протянул Сашка.

– Это ускорит дело? – быстро сориентировалась та и протянула двадцатку баксов.

– Ладно, постараемся, – буркнул Сашка и небрежно сунул банкноту в карман рубы. В душе он откровенно ликовал. Денежка с утра – к прибыли. Оставив книгу девице, чтобы не скучала, Сашка быстро скинул колесо, укатил его в гараж и ловко замастырил его «жидким гвоздём». Всё равно эта клуха ничего не сообщает. Пошумев для виду ломиком и монтажкой, Сашка накачал колесо и покотил его обратно. Девица от счастья чуть не прыгала на одной ножке.

– Ой, какой вы молодец, право! Так быстро всё починили. Спасибо вам! – и чмокнула Сашку в щёку.

Тот сразу покраснел и что-то невнятно забубнил, типа:

– Да ладно, чего там. Приезжайте ещё, если чё.

– Хорошо, хорошо! Я теперь вас запомнила. Вот ваша книга. Спасибо!

– Да не за что.

– Не забывайте про эманации. Они повсюду!

И с этими словами девица лихо сорвалась с места, чуть не угодив в воротину. В последний момент чудом отвернула и покатила дальше, втыкая передачи через одну.

Сашка стоял, раскрыв рот, и не знал, что и думать. Девица, конечно, шепутная и без царя в голове, но как-то всё вокруг неё странно двигалось, будто маленькая буря носилась. И эта странная манера говорить, перескакивая с пятого на десятое. Он и половины не понял из того, что она тут нататорила. Какие-то эманации, странные «они» за мусорным баком. Что за фигня? А с этим фокусом с теплым комочком вообще не ясно. Сашка посмотрел на свою ладонь. Как это она так сделала? Ну-ка? Сашка тоже потёр ладони друг о друга и стал часто дышать, сдвигая и раздвигая руки. Нет. Ни хрена не чувствуется. Да ну её!

Сашка вновь углубился в книгу.

«... Вирупа родился на востоке, в Трипуре, в столице царства Девапалы. В Южной Индии существовал вихара Соманури, «город Луны»: круг Дхармы в несколько тысяч человек, настоящий океан Просветления. Там Вирупа попросил посвящение. За двенадцать лет он дважды повторил мантру Ваджраварахи миллион раз, но ни сном, ни духом не увидел ни следа сиддхи. Придя в отчаяние, он разорвал свои чётки и выбросил их в отхожее место. Вечером, без чётки, он оказался на обязательной молитве. Неожиданно появилась дакия. Она вернула ему чётки со словами ободрения: «Дорогой ученик, не теряй надежды на мое благословение. Делай практику, которая исключает все знаки и концепции».

После этого случая Вирупа практиковал ещё двенадцать лет и обрел сиддхи. Однажды служба купил вина и мяса и принес ему. После этого Вирупа стал ловить голубей и есть. Когда голубей не стало, монахи заинтересовались: «Кто среди нас поедает голубей? Монах не может заниматься этим». Монахи осмотрели кельи и, в том числе, келью Вирупы. Заглянув в окно, они как раз застали его за вином и голубиным мясом. На ближайшем же собрании было решено изгнать Вирупу из вихары. В день изгнания он поднес образу Будды свое монашеское одеяние и чашу для подаяния, сделал поклоны и вышел. Один из последних монахов на дороге спросил его: «Куда ты пойдешь теперь?» Вирупа ответил: «Вы изгнали меня, к чему это любопытство?»

Недалеко от вихары было большое озеро. Вирупа сорвал цветок лотоса и поднес его Будде. Потом на краю озера он встал на лист лотоса и побрел по воде на другой берег. Те, кто был в Соманпури, исполнились раскаяния и сожаления. Они поклонились Вирупе и, схватив его за колени, обратились к нему. «Зачем же вы убивали птиц?». «Я никого не убивал», – ответил Вирупа и попросил служку принести останки. Когда мастер щелкнул пальцами, перья превратились в голубей, еще более гладких и упитанных, и все вокруг были этому свидетелями. С тех пор Вирупа оставил общину и стал вести жизнь странствующего йогина...».

« – Сказки какие-то», – подумал Сашка. В голове не укладывалось, каким макаром можно так запросто ходить по воде. Хотя в книге говорилось, что монах этот весьма злоупотреблял спиртным, а пьяным, как говорится, море по колено. Ну, а насчёт птиц, так это всё байки. Какой-нибудь фокус хитрый и все дела.

Он сладко потянулся, прикрыл книгой физиономию и беззаботно захрапел. Кому надо – разбудят.

Во сне ему грезились далёкие восточные страны, мутные воды Ганга с плывущими по ним кишками рыб, девица на каблуках, сидящая на самой макушке высокой горы и разбрасывающая разноцветные бусы, и мирно шагающий по воде Стёпка Увалень.

Сашка окликнул его. Стёпка очень-очень медленно, словно боясь провалиться, повернулся к Сашке лицом и весело подмигнул. От этого почему-то стало жутко. Стёпкины глаза были одновременно весёлыми и в то же время пронзительно холодными и не по-человечески мудрыми. Отчего он вдруг так подумал, Сашка не смог бы ответить. Но в этот миг он был на все сто уверен, что Стёпка вовсе не псих, а только прикидывается зачем-то.

Картинка развеялась, как дым. Сашка что-то невнятно пробормотал, повернулся на бок и поплыл дальше по волнам сна. Книга упала на землю, и лёгкий летний ветерок аккуратно листал страницы, словно тоже был заинтригован необычайными похождениями древних сиддхов.

* * *

Вечером, сидя на скамейке, дядя Ваня молча протянул Сашке связку ключей от старой «копейки». Тот вначале не понял и подумал, что старый моторист просит его по обыкновению сгонять в лавку за пивом. Но дядя Ваня только хитро подмигнул и похлопал Сашку по плечу.

– Бери, Санёк. Теперь она твоя.

– Как?! – опешил Сашка.

– Ну, а зачем мне две машины? Сам посуди. А ты в эту «копейку» уже столько своего труда вложил, что она по праву твоя. Держи! Доверку я уже накатал и в бардачок сунул. Распишешься там, да и все дела.

– Ну, дядь Вань! Ну, спасибо! Блин, даже не знаю что сказать, – растрогался Сашка и порывисто обнял старика.

– Ладно, ладно, отстань, – усмехнулся тот, – Катайся на здоровье.

Домой Сашка подъехал со смешанными чувствами. Нет, он уже не раз приезжал в свой двор на этой машине, когда дядя Ваня его за чем-нибудь посылал. Но теперь всё изменилось. Теперь это была ЕГО машина. Причём, первая собственная. А это уже совсем другое дело.

Сашка долго сидел, не открывая дверцы, и ощупывал детали интерьера, словно был тут впервые. Он, конечно же, давно мечтал о собственной машине и никак не предполагал, что ею станет давно знакомая «копейка». В мечтах виделась крутая иномарка. Пусть не новая, но мощная и большая. Но до такой мечты ещё надо было вкалывать и вкалывать. Поэтому неопределённость в этом вопросе была вещью привычной. А теперь – вот она, его личная тачка. Не крутизна, конечно, но всё же МАШИНА! Да-а-а...

Уже сидя на своём балконе, Сашка прихлёбывал кофе и периодически бросал тревожные взгляды вниз во двор, где тускло поблескивала синим его «копейка».

« – Поставлю сигнализацию, – подумал Сашка, – Так, на всякий случай».

ГЛАВА 9.

*Бодхидхарма нещадно смолил беломор.
– Завязывай нахрен! – воскликнул Хуэйкэ.
– Это твоя иллюзия.
– Да? Ну, тогда получи! – и с силой дал Бодхидхарме
пинка.
Тот скатился с горы кубарем и, сидя внизу, сказал:
– А это уже моя иллюзия.*

Сашка проснулся. Странно. Ему казалось, что уже снова накатил утренний приступ скованности, но внезапно всё прекратилось, и он просто открыл глаза. Было очень тихо. Сашка глянул на будильник. Хм. По идее тот должен сейчас вовсю трезвонить, но «китаец» помалкивал и даже тикал как-то тихо-тихо.

« – Батарейка что ли села?» – подумал Сашка.

Он опустил ноги на пол, шаря в поисках шлёпанцев. Не найдя их, пожал плечами и пошлёпал в туалет босиком. Отжиматься сегодня что-то не хотелось. У двери он нерешительно остановился. Их было две.

– Всё правильно. Это ванная, а это сортир, – сказал сам себе Сашка, но продолжал тормозить. А не перепутал ли он?

Он осторожно приоткрыл дверь в ванную, но это оказался туалет. Странно. Что за напасть такая? Ладно. Может, просто спросенок всё перепутал?

Сделав свое дело, он почапал на кухню и поставил чайник на огонь. Радио сегодня молчало. Причём совершенно. Даже лёгкого шипения не было слышно. Сашка пошевелил вилку в розетке. Нет. Ни хрена не работает! Ну, и ладно. Обойдёмся.

Пока закипал чайник, Сашка вышел на балкон и от души потянулся. Погода стояла неопределённая. Всё небо затянула белёсая пелена, за которой смутно угадывался диск солнца. Но и не парило, как перед грозой. Скорее наоборот. Было довольно свежо и даже прохладно. Сашка слегка поёжился, переступая с ноги на ногу на холодном кафеле.

Внезапно небо резко потемнело. Ветер усилился, срывая листья и ветки с деревьев. Перемена была столь быстрой и нереальной, что Сашка сначала удивился, а потом испугался.

Но это оказались только цветочки. Вдруг, прямо посреди клубящихся туч, вспыхнула ослепительная молния, а за ней прямо на Сашку стал рушиться огромный, рваный кусок чёрного полотна, похожий на распостёртую птицу.

Сашка отчаянно взвыл и... проснулся.

– Фу-у-у! Так это был только сон? Блин, ну страсти-то какие! Чуть не обделался со страху.

Сашка некоторое время посидел на кровати, приводя в порядок дыхание, а затем глянул на будильник. Тот показывал время подъёма, но не звенел.

« – Точно батарейка села», – подумал Сашка.

Вылезать из постели не хотелось. Вспомнил про машину, и на душе стало так хорошо, как в детстве, когда первого января бежишь к ёлке искать подарок от Деда Мороза.

А еще ко всему этому прибавлялось чувство некоей самодостаточности и приятной наполненности от обладания, пусть не крутой, но всё же Машиной. Слово раньше чего-то немножко не хватало, а теперь полный комплект.

Сашка выглянул в окно. Вот она, его «копейка». Надо бы перекрасить, а то уже пообтёрлась. Да и рихтануть чуток не помешает. Вон правое крыло спереди всё мятое. Конечно, дядя Ваня за внешним видом особенно не следил. Ему это по барабану. Но зато движок – просто зверь. Работает лучше швейцарских часов.

Налюбовавшись своей «ласточкой», Сашка помчался в туалет, к умывальнику, на кухню. Стандартная процедура, доведённая до автоматизма. По радио весело трепался какой-то балаболка. Сашка особенно не прислушивался, ожидая, когда скажут про погоду.

Чайник натужно разгонял внутри себя потоки пузырьков, собираясь засвистеть, когда созреет. Сашка сыпанул в кружку порцию кофе и стал дожидаться кипятка, глядя бездумно в стену напротив. Странно, но в голове было совершенно тихо. Думать ни о чём не хотелось. Как-то вяло проползла мысль, что сегодня уже пятница, а значит на носу выходные.

« – Это хорошо», – равнодушно подумал Сашка.

Про погоду всё не говорили. Сашка прислушался к весёлой болтовне балаболки, но с удивлением заметил, что не понимает ни слова. И на иностранный язык это было мало похоже. Тарабарщина какая-то. Слово из мультика про инопланетян. Сашка покрутил ручку настройки. Бесполезно. Везде этот сумасшедший болтун.

– Псих какой-то, – пожал Сашка плечами.

– Сам ты псих! – отчётливо крикнул балаболка.

– Что?! – удивлённо воскликнул Сашка и уставился на приёмник, словно увидел ядовитую змею.

Однако радио тут же умерло. Ни голоса, ни шипения, ничего. Сашка не мог поверить собственным ушам. Да такого не бывает! Где это видано, чтобы человек с приёмником разговаривал? Только в дурке, наверное.

Тут Сашка спохватился и стал испугано озираться по сторонам. Не услышал ли кто? А то ведь и правда, в психушку отправят. Однако вспомнил, что сидит у себя на кухне, и весело рассмеялся. Да кто его тут услышит! Фигня всё это.

Чайник закипел, выплёвывая кипяток из переполненного нутра. Сашка, уворачиваясь от брызг, выключил огонь и стал ждать, когда тот немного успокоится. У него давно сложилось такое впечатление, что чайник этот не простой и живёт какой-то своею тайной жизнью, и лишь иногда одаривает Сашку порцией кипятка. Видимо, так же, как Сашка ходит на работу – по необходимости.

Ухватив кружку одной рукой, а второй тарелку с бутербродами, Сашка вылез на балкон и пристроился на табуретке. Утро было свежим и прохладным. Воздух весь пропитался летними запахами, лишь одним этим свойством принося радость бытия. Небо затянули белёсые облака, словно туман поднялся кверху. Где-то Сашка уже это видел недавно? Но где? Стало немного тревожно. Что-то было не так. Сашка посмотрел вниз. Вот его «ласточка» стоит, вот бабка Матрёна метёлкой шоркает, а вот и Стёпка куда-то с чемоданом прётся. Куда это он намылился?

– Эй, Стёпка, ты куда? – крикнул Сашка. Как ему показалось, очень тихо и как-то сдавленно.

Стёпка, однако, услышал. Он повернулся к Сашке лицом и хитро так подмигнул. Затем что-то пробубнил себе под нос, развернулся и бегом помчался со двора. На углу дома он остановился, подняв руку вверх. Сашка всмотрелся. Стёпка не просто поднял руку, он на что-то указывал. Сашка посмотрел в том направлении.

– А-а-а!!! – заорал он и в панике ломанулся с балкона в комнату, обжигаясь и расплёскивая кофе.

С чёрного, как гудрон, неба на него падала огромная, ещё более чёрная птица, похожая на кусок рваного полотна.

Сашка негнушными пальцами пытался запереть балконную дверь, но это плохо получалось. Хуже всего было то, что вокруг стало очень темно, и Сашка не видел даже собственных рук. Приходилось искать задвижки на ощупь.

С трудом заперев нижнюю щеколду, он поднялся с коленок и замер в ужасе. Из-за стекла с улицы на него внимательно смотрели два огромных красных глаза, больше похожих на раскалённый металл. Во рту мгновенно пересохло, и вместо воплей из Сашкиной глотки вырывался сдавленный хрип, переходящий иногда в тонкое повизгивание. Глаза неотрывно смотрели на него, притягивая своей неумолимостью. В голове у Сашки пронеслась последняя мысль, что вот теперь ему кердык.

И он проснулся.

– Да что за ё... ..ть! – заорал Сашка хрипло и рывком сел на постели.

Его уже начало выводить из себя эдакое гадство. По лицу холодными каплями стекал пот, и всё тело сотрясала нервная дрожь. Перед глазами продолжала маячить тень ужасной птицы, одним своим видом вызывая дикое отвращение и желание безостановочно блевать.

Тут Сашку и впрямь затошнило. Он резко вскочил с постели. В глазах сразу потемнело, а мир заходил ходуном. Пришлось сесть обратно и зажать рот рукой. В результате Сашка нагадил прямо на коврик у кровати и от этого разозлился ещё больше.

Он грязно выругался, но сотворённое назад не воротишь. Глубоко подышал. Немного полегчало. В глазах чуток прояснилось. Однако на душе поселился громадный и мрачно-увесистый камень. За что же напасть такая, а? Тяжко вздохнув, Сашка медленно поднялся и поплёлся в ванную за ведром и тряпкой.

Вытерев коврик и умывшись, Сашка безвольно уселся обратно на кровать, всем своим видом выражая угнетённое состояние организма. Думать ни о чём не хотелось. Не говоря уже о том, чтобы куда-то пойти и что-то сделать. Взгляд равнодушно упал на будильник. Время просыпаться на работу. Молчит гад. Батарейка что ли села? Батарейка?! Так может это тоже сон?

Сашка стал лихорадочно соображать, каким образом проверить это дело. Ущипнуть себя? Попробовал. Больно! Значит не сон? А вдруг и это мистер глюк пожаловал? Нет, нужно что-то посерьёзнее. Сашка решил пока не дёргаться и внимательно присмотреться к обстановке.

Комната ничем странным не выделялась. Всё на своих местах. Глянул в окно. Утро заглядывало снаружи и тоже ничем особенным не выделялось – обычное летнее утро.

– Пойду на кухню, – решил Сашка и двинулся по комнате медленно-медленно, ожидая какого-нибудь подвоха.

Но ничего не случилось. Кухня была на месте. Чайник – тоже. Сашка аккуратно зажёл газ и поставил пузатого на огонь. По радио тараторил картавый ведущий, опять же предлагая немедленно заняться утренней зарядкой. Что-то не хотелось. Сегодня Сашка был даже рад слышать этого товарища. Пусть тот и не выговаривает букву «р», однако говорит вполне понятно. Значит, это всё-таки не сон?

Но что это? Сашка услышал странные, скребущие звуки с улицы и опять здорово испугался. Метнувшись к окну, он осторожно выглянул из-за края занавески, ожидая увидеть гигантские когти ужасной птицы, царапающие стекло. Но всё оказалось гораздо банальнее: двор усердно мела бабка Матрёна, шоркая своей метёлкой и издавая эти «стра-а-ашные» звуки. Сашка нервно рассмеялся. Со страху чего только не причудится.

Он налил в кружку кофе и хотел, было, уже выйти на балкон, но передумал. Ведь он так и не убедился достоверно – спит он или бодрствует в данный момент. Встречаться с птицей больше не хотелось. Не сигать же с балкона, в самом деле. А что? Это идея. Хотя и дурная. А если это не сон? С такой высоты одними синяками не отделаешься. Медленно потягивая ароматный напиток, Сашка трещал извилинами, но ничего толкового придумать не мог.

– А, будь, что будет, – решил он и стал, не торопясь, собираться на работу.

Во дворе он поздоровался с тёткой Матрёной, внимательно следя, не превратится ли та в бабку-Ёжку. Нет, не превратилась. И на том спасибо. Стёпки нигде не было видно. Странно. По утрам тот обычно околачивался где-нибудь во дворе. Но сейчас куда-то срыл. Сашка подошёл к своей машине и нерешительно остановился. Руки немного тряслись. В таком состоянии ехать было опасно. Вдруг ещё заглохнет по дороге?

– Пусть стоит. Пешком прогуляюсь.

Только вышел со двора, как поднялся нешуточный ветер. Небо быстро заволокло тучами и полил мелкий и противный дождик. Сашка поёжился, поднял воротник рубашки и поглубже натянул кепку. Блин, нужно было на машине ехать. Но возвращаться – плохая примета. Припустив, он быстро добежал до автобусной остановки и уселся на пустую скамейку. Тут хоть и не поливало, но ветер продувал насквозь. Сашку знобило.

« – Да-а-а. Это уж точно не сон», – подумал Сашка и кисло ухмыльнулся.

Ба-бах!!! Небо расколосось на куски, прошитое невероятным разрядом. Молния шарахнула так близко, что Сашка от неожиданности остолбенел и только успел громко икнуть. В воздухе пронзительно запахло озоном. Волосы по всему Сашкиному телу вздыбились, а в кончиках пальцев и на руках и на ногах забегали тысячи мелких иголок, словно он отсидел эти конечности.

– Ну, ни хрена себе! – только и успел сказать Сашка и... проснулся.

На тумбочке тревожно запиликал будильник, всем своим видом показывая, какой он полезный и нужный в этом доме. Сашка недоумённо смотрел на «китайца» и не мог сообразить, где это он. Память медленно всплывала из глубин подсознания, проецируя повседневный, суетный мир в виде обыкновенной Сашкиной комнаты. Ещё плохо соображая, Сашка сел на кровати и осоловело огляделся.

– Опа на. Так это чё, всего лишь сон? Я ж на работу уже поёрся! Ни хрена себе шуточки.

Будильник продолжал пиликать. Сашка не обращал на него внимания. Видя такое равнодушие, «китаец» плюнул с досады и заткнулся сам. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь приглушённым шорканьем метлы бабки Матрёны за окном. Сашка протёр глаза и решительно встал с кровати. То, что он проснулся уже окончательно, не вызывало никаких сомнений. Сашка не знал, почему он так в этом был уверен, но сомнения испарились сразу.

Через пять минут он уже почти не помнил, что ему сегодня снилось. Осталось только какое-то смутное впечатление, будто он пару раз просыпался, но затем снова проваливался в небытие. Вот и всё. Ни про птицу, ни про Стёпку с чемоданами он уже не помнил. Таково свойство многих снов.

На работу Сашка поехал на машине. В душе Сашка немного досадовал на то, что никто из соседей не обращает на него внимания. Все уже привыкли к тому, что Сашка иногда приезжал на этой «копейке», и наверняка думали, что и на этот раз машину ему дали только на время. Не будешь же, в самом деле, орать на весь двор, что это теперь его ЛИЧНАЯ машина. Ну, и хрен с ними. Потом, как-нибудь со временем, всё равно узнают.

Завелась «ласточка» с пол оборота. Чуть погрев двигатель, Сашка медленно и чинно тронулся, старательно объезжая ямки и выбоины в асфальте. При выезде со двора чуть не столкнулся с пролетевшим, как ракета, чёрным «мерином».

– Ё... ..ть!

Сашка резко затормозил, уткнувшись носом в баранку. Отрывисто звякнул сигнал. Посмотрев гневно вслед удалявшейся машине, Сашка хотел, было, высунуться в окно и погрозить кулаком, но внезапно остановился и вжался в сиденье. «Мерин» тот был давний знакомый – питерского крутизны! И как только они его не заметили? Уф-ф-ф. Повезло. Ехать теперь нужно было осторожно. Не хватало ещё, чтобы эти уроды его на машине прихватили. Дворами узкими уже не слиняешь, а бросать тачку жалко. Ведь спалют со злости, гады.

Но «мерин» больше не попадался, и Сашка благополучно добрался до работы. Васька встретил его с подколками:

– Ну, Сашок, приподня-я-ялся! Молодец. Теперь все девки твои! – он уже знал, что дядя Ваня подарил Сашке «копейку». Сам он копил денежку на «японку» не старше пяти-шести лет и посматривал на «нашемарки», как на реликты.

– Да ладно тебе, – смутился Сашка.

– Точно, все девки теперь его! – добродушно засмеялся Михалыч, – А ты, Васька, пока своего «японца» купишь – усохнешь весь. Вот прям как я. И зубья выпадут. На кой тебе тогда крутая тачка?

Васька снисходительно промолчал. Много они понимают. Ведь это – Мечта! Вон Сашка, тоже о «мерине» мечтает. Но это беспонтово. Старьё он брать не станет, а нормальный «мерин» – для него вещь неподъёмная. Даже их шеф себе пока такого позволить не может. Чего уж говорить про обыкновенного механика. А «японка» – машина не очень дорогая и весьма надёжная, кстати. Это тебе не ведро на колёсиках. Так то!

К обеду Сашка совсем позабыл про свои утренние заморочки, а к вечеру так намудохался с подвеской древнего «Опеля», что рухнул в койку без ужина и проспал аж до обеда следующего дня. Выходные же!

ГЛАВА 10.

Авалокитешвара и Шаварипа стояли в очереди за пивом.

– Как ты думаешь, Шаварипа, воблы нам хватит?

– Не знаю, Учитель.

– Так ты же охотник?!

– Дык, ёлы-палы, я ж не рыбак!

– Верно мыслишь. Пошли отсюда!

– ? ...

– Горшочек, вари! – воскликнул Сашка и звонко щёлкнул ложкой по крышке кастрюли.

Внутри посуды созревала перловая каша на подсолнечном масле. Это станет первоклассной подкормкой. Ещё с вечера пятницы Сашка решил посвятить выходные дни рыбалке. На Щучьем озере он давно уже не был. Пешком топать туда довольно далеко. Но теперь у него есть машина. Грех не прокатиться. Тем более других планов на эти выходные у него совершенно не наблюдалось.

И вот с утра пораньше начались напряжённые сборы. С грохотом падающих с антресолей удочек и жестянок с крючками, и соответствующими выражениями в полголоса. Долго искал сапоги, которые прикупил года три назад. Настоящие, болотные. Сашке они были чуть велики, но обрезать их он боялся. Вдруг испортит нафиг? Искал почти час, пока, наконец, не вспомнил, что отдал их соседу дяде Коле. Тот был рыбак заядлый, и это он обучил Сашку многим рыбацким премудростям.

Дядька Коля не спал, так как уже десять лет значился почётным пенсионером, и спать ему хотелось всё меньше и меньше. Сапоги у него были в полной исправности и выглядели почти как новые. С видимым сожалением он расстался с обувкой. Сашка уверил его, что тот может взять их снова, когда пожелает. Дядька Коля сразу повеселел и заулыбался, сверкая железной фиксой. Напоследок он насовал Сашке своих фирменных крючков – «несходячих», с которых не одна рыбина не сорвётся, и надоумил наварить подкормки. И даже всучил пакет перловки, коей у него были нехилые запасы. Сашка от такого обилия всего немного смутился и только бестолково поддакивал и угукал.

Каша получилась отменная. Сашка даже сам решил немного порубать, но тут же, морщась, выплюнул в раковину. Она была совершенно не солёной. Про соль-то он совсем позабыл! Ну да, правильно. Рыбам-то она на кой хрен, соль эта? Но запах был очень даже аппетитный. Сашка настрого бутербродов с сыром и наплескал полный термос кофе. На день хватит. Немного подумав, кинул в рюкзак банку сайры в масле и пару огурцов.

Вещей получилось многовато. Пришлось выносить на улицу в два приёма. Но раз есть машина, чего мелочиться? Сашка даже прихватил складной стульчик, чтобы рыбачить со всеми удобствами. В машине всё очень даже удобно разместилось, и еще осталось полно свободного места.

Сашка, довольно ухмыляясь, завёл двигатель и неспешно тронулся со двора. Стёпку он увидел сидящим на корточках в кустах и что-то внимательно разглядывающего в траве. Чуть притормозив, он окликнул верзилу, чтобы поздороваться, но тот даже не обернулся.

« – Ну и шут с ним», – подумал Сашка и притопил гашетку.

Погода была чудесная! Лёгкий ветерок гонял по небу стайку перистых облаков, иногда пробегаясь по лужам мелкой рябью. Солнце постепенно раскошегаривало самое себя, намереваясь хорошенько прожарить эту сторону Земли, в соответствии с летним планом. А городская живность в виде кошек, собак и голубей с воробьями сосредоточенно занималась своими звериными делами, мало обращая внимания на людскую суету вокруг.

На заправке в будке сидела Ниночка. Сашка ловко подкатил к раздаче, ткнул пистолет в бак и вразвалочку подошёл к окошку. Небрежно достал денежку и постучал в стекло согнутым пальцем. Сонная Ниночка вяло отворила ставни. Прикрывая рот рукой, от души зевнула и на бодрое Сашкино приветствие устало кивнула головой. Сашка всем своим видом показывал, что у него теперь есть машина, но симпатичная заправщица не обращала на его потуги никакого внимания. Сашка откровенно обламывался. Не придумав ничего лучше, он прямо заявил:

– Вот, Нинок, приборохлился маненько, тачку взял!

– Поздравляю, – также сонно ответила Людочка и криво улыбнулась, – «Копейка». А почему не «мерин»?

– Ну, скажешь тоже! Не всё сразу. Вот решил сначала на ведре опыта водительского поднабраться, а потом уже можно и на иномарку пересесть.

– А-а... Ну-ну.

Дальше разговор что-то не клеился. Сашка просто залил полный бак, помахал Ниночке рукой и помчался дальше. Заправщица уже этого не видела, прикорнув на согнутом локте у тихонько жужжащей кассы. Во сне она плыла на шикарной яхте с крутым мужем иностранцем и маленькими глотками отпивала из тонкого фужера шампанское. А вокруг носились чайки, проплывали другие лодки и катера, и народ на них всю пядь пилился на голую Ниночку и безмерно завидовал её счастью.

Сашка рулил по пустынным в такую рань улицам родного города и откровенно тащился. Внезапно что-то чёрное мелькнуло за поворотом. Сашка похолодел. Неужели «мерин» того крутого? Он сбросил скорость, остановился у обочины, вылез из машины и осторожно выглянул из-за кустов. Точно, «мерин»! Фу-у-ух, номера другие. Значит не они.

Сашка влез обратно в свою машину и понёсся к озеру, гневно ругаясь про себя. В уме он представлял себе встречу с крутым и его охранниками, и как бы он всех их уделал. В ход пошли сначала весьма образные и сильные выражения, затем различные способы рукоприкладства, а под конец – полная аннигиляция из всевозможных видов оружия. Злее всего получалось, почему-то, из «калаша». Хотя Сашка примеривался и к лазеру и к шестиствольному пулемёту, типа как у Шварца в «Хищнике».

Неожиданно лесную дорогу слева направо прошил отряд спортсменов-лыжников. Сашка еле успел притормозить.

– Блин, опять эти полоумные! Совсем озверели, уроды. Под колёса уже бросаются.

Но похоже было, что одуревшие от беготни парни даже не заметили машину. Судя по их очумелым лицам, можно было подумать, что они так и носятся тут с прошлых выходных, когда Сашка повстречал их впервые.

– Шизики, блин!

Пока доехал до озера, эти дурные лыжники пронесли мимо ещё раз пять, всякий раз норовя угодить под колёса. Сашка уже даже не злился, а скорее сочувствовал парням. Видно было, что те порядком умудохались, и лишь их тренер, с обезумевшим взглядом, гнал и гнал ребят по лесным тропкам, хрипло давая счёт.

– Видать, карма у них такая, – сказал Сашка, вспомнив необычное слово, которое он как-то слышал от Алексея.

На озере уже собирался пляжный люд. Сашка не стал тут останавливаться и порулил по заросшей дороге вдоль берега. Трава кое-где доставала до окон машины, но «копейка» продвигалась вперёд, как танк. Иногда под колёсами жирно чавкала жижа, вперемешку со старыми листьями.

Сашка не боялся завязнуть. На такой случай в багажнике лежала мощная лебёдка, которую состряпали китайские умельцы, а Сашка с мужиками на работе довёл до ума. Впрочем, лебёдка не понадобилась. Сашка вырулил на небольшую полянку, до которой ещё не добрались туристы, и решил кинуть якоря здесь.

Подход к воде был не самым удобным, но это как раз вселяло надежду, что народ тут не купается вовсе, не смотря на обилие пустой стеклотары под кустами. Однако блёклые и облезлые наклейки на них, да ржавые консервные банки явно говорили, что никого тут не было как минимум с прошлого года.

– Окейна! Тут мы и затусуемся, – довольно потёр руками Сашка.

Быстро распаковав рыбацкие причиндалы, Сашка первым делом набросал в воду варёной перловки.

– Подкормка – прежде всего, как говорит дядька Коля.

Каша благополучно ушла на дно, а Сашка стал разматывать удочки и цеплять хитроумные, «несходячие» крючки дяди Коли. Сам пару раз чуть на попался на них. Стальные и острые, как зубы акулы, они так и норовили зацепиться за одежду. Сашка, наконец, сладил с упругой леской и накрутил узелков, как научил его знающий сосед.

Наживка была представлена следующим набором меню: черви красные, поддосочные, свежесобранные и тесто «а ля мука с водой» под растительным маслом. Всевозможных опарышей и шитиков Сашка пользоваться избегал. Не потому, что потом предстояло пойманную рыбу есть, а только по причине самоличного брезгования и нежелания трогать руками сих представителей фауны.

Для начала Сашка решил не тиранить и червей, нацепив на все крючки по шарикку из теста. Закинув орудия лова, он удобно пристроился на стульчике и наплескал себе в кружку горячего кофе. Жары пока не ощущалось.

Время медленно текло к обеду. Поплавки Сашкиных удочек замерли в неподвижной медитации, спрятавшись от мелких волн за прибрежным кустарником. Казалось, ничто не способно их сегодня поколебать. Сашка не особенно-то и расстраивался по этому поводу. Скорее наоборот, ему больше нравилось просто сидеть у воды и размышлять о проблемах мироздания.

Рыбы, если они и были поблизости, видимо не прельстились размокшими комочками теста на острых крючках и не беспокоили самого Сашку, который с явным удовольствием дремал на стульчике, прислонившись спиной к старой сосне. Иногда мимо стремительно проносились стрижи, со свистом рассекая воздух. Где-то вдалеке отмеряла чей-то срок жизни кукушка. Комары не

слишком доставали, сдуваемые ветром и резким запахом анти-комарина, которым обильно намазался рыбак.

В мозгу у Сашки родилась странная мысль про антимир. Где-то в умном журнале (скорее всего в «Науке и жизни») он как-то прочёл статью на эту тему, а сейчас вот вдруг вспомнил. Подробности самой статьи давно выветрились из головы, но сама идея осталась.

Было удивительно и даже немного страшно думать, что где-то там, за бесчисленным скоплением звёзд и дыр различной степени черноты, имеется почти такая же планета, как и наша Земля, на которой живут анти-люди. Надо полагать, что всё у них должно быть наоборот: ходят задом на перёд, едят другим местом, рождаются в обратную сторону. Хотя это было совсем уж непонятно как.

Вот, может быть, сидит сейчас там, в антимире, какой-нибудь анти-рыбак, всем своим видом – вылитый Сашка, только вывернутый наизнанку. Может даже и не ловит анти-рыбу, а выбрасывает её в озеро из анти-ведра. Прикольно. Пожалуй, житуха у них там совсем бестолковая. И ведь вполне вероятно, что тот анти-Сашка тоже сейчас думает про него, обычного Сашку и тоже прикалывается. С его-то точки зрения это у нас тут полный кавардак. И ещё неизвестно, чей мир бестолковее.

От таких мыслей Сашке стало как-то неудобно. Он открыл глаза, лениво глянул на застывшие поплавки, потом в полудремотном состоянии заполз в машину на заднее сиденье и там захрапел, компенсируя утренний недосып.

Во сне Сашка поливал из «калаша» по чёрному «Мерседесу», а оттуда сыпались горохом маленькие кулачки в различной распальцовке. Их было так много, словно вся машина внутри состояла из этих кулачков. Рассыпаясь по асфальту, они превращались в перловую кашу, которая с животным чавканьем уплывала в канализационный люк. Там, внизу её кто-то с аппетитом пожирал, периодически зловеще отрывая. Сашке не хотелось думать, кто бы это мог быть. Он бросил автомат, который к тому времени превратился в пластиковый муляж и, что есть духу, помчался к Алексею, чтобы предупредить о грозящей ему опасности. Что это за опасность такая он и сам ещё не знал, но чувствовал, что не хилая.

На полпути остановился, услышав, как кто-то прокричал его имя. Он огляделся, но в сумраке безлунной ночи не смог разглядеть даже собственный нос. Голос прилетел справа. Сашка пошёл в ту сторону, ощущая воздух руками, пока не упёрся в шершавую стену. Он пошарил руками, но кругом была только эта странная стена. Под ладонями она слегка вибрировала и выглядела живой. От этого Сашку самого стал бить озноб.

Он прислонился к стене, и та под его весом поддалась. Словно сквозь вату Сашка продрался сквозь неё и вынырнул с другой стороны. Тут был яркий день. Резкая смена времени суток несколько не озадачила Сашку.

Он быстро сориентировался на местности. Получалось, что он забрёл в противоположный конец города, где не был уже очень давно. Вот старый заброшенный дом, где в детстве они с пацанами устраивали «штаб». Сейчас он был совершенно истлевший и грустно глядел на мир пустыми глазницами окон. Крыша просела до самого потолка, а вместо двери проход загораживали несколько поломанных деревянных ящиков.

На нижнем ящике сидел маленький чёрный человечек и грустно качал маленькими ножками в микро-кедах. На голове у него была зелёная фетровая шляпа, которая скрывала глаза, натянутая на самые уши. Из-под шляпы торчала тощая бородка с проседью и два белых уса. Сашка недоумённо уставился на мужичка.

– Ты кто?

– Я чёрт.

– Ха! Ври больше.

– Не веришь, не надо.

Повисла звенящая тишина. Человечек продолжал грустно болтать ножками. Сашка почесал репу. Ну, дела-а...

– Чё, правда, что ли?

– Ну дык, ёлы-палы.

– Хы! Прикольно.

– Чего ж тут прикольного? – не понял чёрт.

– Да так. Я думал...

– Ага, все так думают. Типа с рогами, копытами и хвост пистолетом. Как же вы меня все заколебали, блин!

Мужичонка досадливо плюнул и отвернулся от Сашки. Плевок вспыхнул багровым огоньком, как только коснулся земли. Сашка аж присвистнул от удивления.

– Оба на! Как в кино про Алладина.

Чертяка проворно развернулся и вперился в Сашку маленькими злобными глазками.

– Как в кино-о-о, – передразнил чёрт, – Вот вечно так! Вечно меня с кем-то сравнивают! А я сам по себе! Слышишь, ты! Сам!!!

– Да ладно, ладно, – опешил Сашка, – Сам, так сам. Чего напрягаться-то?

– Напряга-а-аться... А никто и не напрягается, – желчно выдавил чертяка и снова сплюнул.

На этот раз огонёк был сине-фиолетовый. Чёрт достал носовой платок, чуть ли не с себя размером, и шумно высморкался. Потом хитро так посмотрел на Сашку и спросил:

– Чего ищешь?

– Да вроде бы ничего.

– Врёшь, – безапелляционно заявил чёрт.

– Ну знаешь, – обиделся Сашка.

– Знаю! Потому и говорю, что врёшь.

– И чего же, по-твоему, я ищущу? – ехидно спросил Сашка.

– А я знаю? Это ты мне должен сказать, чего. А уж я посмотрю, что можно сделать.

– Что-то я никак не догоняю, приятель, чего ты от меня хочешь?

– Не приятель я тебе! – вспыхнул мужичок, – Я чёрт! Ясно тебе?

– Ясно, ясно, – усмехнулся Сашка.

– Вижу, не веришь ты мне ни хрена. Ну, что ж, гляди.

И тут этот малявка стал быстро расти в размерах. Но хуже всего было то, что облик его тоже стал очень быстро меняться, принимая довольно угрожающий вид. Появились и рога, и копыта, и даже громадный хвост, имевший на конце несколько шипящих змеюк.

За пару секунд чёрт вырос в размерах и стал раз в десять выше Сашки. Тот, задржав голову, уставился в огромные красные глаза чудовища и сразу вспомнил, что уже видел их недавно. Это было больше похоже на два озера расплавленной лавы, готовых спалить всё и вся на своём пути. В горле мгновенно пересохло.

Сашка растерянно огляделся. Кругом опять была крошечная тьма. От ужаса Сашка взвыл и побежал куда-то вбок. Ноги стали вязнуть на ровном месте, а за спиной всё ближе и ближе раздавался тяжёлый топот.

– А-а-а!!! – заорал Сашка и проснулся, весь обливаясь потом и с трудом дыша.

В машине было ужасно душно. Оказалось, что пока он спал, ветром захлопнуло дверцу, а окна-то были закрыты. Но топот продолжал звучать в ушах и даже, как будто, приближался. Ну да. Так и есть! Сашку пробрал озноб, и он пригнулся на сиденье, чувствуя, как волосы становятся дыбом.

Вот топот стал слышен совсем близко, а с ним и тяжёлое дыхание множества пересохших глоток. Сашка едва высунул нос из-за дверцы, как увидел давних знакомых лыжников, которые из последних сил забуривались вверх по склону, следуя за красными трусами вожака, как бык за тряпкой тореро.

– Фу ты, ё... ..ть! Ну уроды! Чтоб вы сдохли, спортсмены недоделанные!

Сашка ещё долго приходил в себя, отпиваясь кофеём. По всему выходило, что кошмар ему приснился исключительно по причине духоты. Ну конечно! А как же иначе? И не бывает никаких чертей. В натуре! Привидится же такое. Сашка усмехнулся и покачал головой. Да-а-а...

Ну, да хрен с ним. Надо бы удочки проверить.

День уже клонился к вечеру. Сашка прикинул, что проспал почти шесть часов. На крючках, конечно же, ничего не осталось. Может, рыба склевала тесто, а может, оно само размякло и утонуло безвозвратно. Как бы там ни было, Сашка решил сменить наживку и насадил вяло сопротивлявшихся червей. Тем уже было пофигу, так как в душной консервной банке они почти умерли.

Однако клёв начался тут же. Да такой, что Сашка немного растерялся и не знал, какую удочку хватать первой. Из головы сразу повывлетали умные советы дяди Коли о том, как надо правильно подсекать и выуживать рыбу. Сашка схватил ближайшее удилице и резко рванул на себя. По

ощущениям ему показалось, что на том конце повисло что-то не меньше сома. Но из воды, сверкая тёмным золотом, выскочил крупный карась.

За каких-то два часа Сашка натаскал около тридцати крупных рыбин и был безмерно счастлив такой удаче. Подобного улова у него ещё никогда не было. То ли каша по рецепту дяди Коли помогла, то ли черви подходящие попались. Сашка так и не просёк. Однако настроение моментально из подавленного переметнулось в неуёмно-возбуждённое. И даже когда жор так же резко прекратился, как и начался, Сашка не расстроился, здраво рассудив, что уже пойманного ему хватит с лихвой.

На ночёвку Сашка решил не оставаться. Он и не рассчитывал на это. Кофе кончился, бутерброды тоже. Но даже не это беспокоило его. К ночи стало опять тревожно на душе. В глубине леса мерещились мрачные тени, а опустевший пляж на другой стороне озера навевал какую-то странную и безысходную тоску. Только в стороне от большого пляжа слабо мерцал чей-то костёр, и доносилось брэнчание плохо настроенной гитары.

Сашка быстро погрузился, не особенно заботясь о поклаже. Побросал всё в кучу и немедленно двинулся прочь. Ехать по собственной колее было уже легче. Перед носом больше не маячили сумасшедшие лыжники, и Сашка благополучно доехал до дома, когда на часах было уже полпервого ночи.

Выгружаться не стал. Забрал только ведро с рыбой. Усталый, но довольный, поднялся к себе в квартиру. Ужинать не хотелось. Словно в полусне Сашка разделся, умыл физиономию и рухнул в койку, как честный пролетарий после жаркого трудодня. Через мгновение он уже мирно храпел, чему-то улыбаясь и жмурясь за закрытыми глазами.

В комнату залетела жирная муха, прорвавшись сквозь дырочку в сетке. Хозяйским глазом окинула помещение, а затем уверенно двинула на кухню и стала методично обнюхивать и жрать крошки от бутербродов на столе и запивать всё это из маленькой лужицы кофе, который Сашка пролил ещё утром.

На неё придирчиво поглядывал паук в углу потолка и прикидывал, на сколько ему хватит этой мухи. Дня на два, пожалуй, хватит. Если конечно поймать сначала. Блин, здоровая зараза. Нужно паутину в три нитки плести, а может даже и в четыре. Подумав эдак, он поплевал на все шесть лап и принялся не торопясь вить свои кружева, надеясь, что упившаяся кофеём муха, станет с дуру носиться по кухне и угодит в его коварные сети. Как говорится – Се ля ви!

ГЛАВА 11.

*Чжан Саньфэн сидел на горе Удан и выдумывал очередной приёмчик кунг-фу. К нему неслышно подобрался Бодхидхарма и отвесил звонкий подзатыльник.
– Три сломанных бамбука! – воскликнул Саньфэн.
– Ага. И, типа, он прозрел, да? – усмехнулся Бодхидхарма.
– Да ты тормоз! Это ж название для нового приёмчика.
На-ко, получи! Хык!*

Сашка валялся в гамаке на балконе и читал «101 дзэнскую историю». Книга была довольно прикольная и не в пример проще, чем та, с которой он начал постигать эту мудрёную науку:

... На заре эры Мэйдзи жил хорошо известный борец по имени О-нами – «Громадные волны». О-нами был чрезвычайно силен и хорошо знал искусство борьбы. В схватках наедине он побеждал даже своего учителя. Однако при публике он так терялся, что даже его собственные ученики могли побороть его.

О-нами чувствовал, что ему надо обратиться за помощью к дзэнскому учителю. Как раз в маленьком храме по-соседству остановился странствующий дзэнский учитель Хакудзи, так что О-нами пошел к нему и рассказал о своём несчастье.

– Твоё имя – «Огромные волны», – сказал ему учитель, – Остайся на ночь в этом храме. Представь себе, что ты и есть эти огромные волны. Ты больше не борец, который боится. Ты – эти огромные волны, сносящие и поглощающие всё на своём пути. Сделай это и ты будешь величайшим борцом на земле.

Учитель ушел. О-нами сел в медитации, пытаясь вообразить себя волнами. Он думал о самых разных, совершенно посторонних вещах. Но постепенно все больше и больше стал чувствовать себя волнами. Ночь шла, а волны становились все больше и больше. Они поглотили все цветы в вазах. Даже Будда на святыне был затоплен. Перед рассветом в храме не было ничего, кроме отлива и прилива огромного моря.

Утром учитель нашел О-нами в медитации, на лице его блуждала слабая улыбка. Он похлопал борца по плечу:

– Теперь ничто не сможет сбить тебя с пути, – сказал он, – Ты – эти волны. Ты сметешь все перед собою.

В тот же день О-нами выступил в соревнованиях и победил. После этого ни один человек в Японии не мог побороть его...

– Кру-уто. Поторчал чувак всего лишь ночь в храме и всех урыл потом. Что-то не верится, – засомневался Сашка.

К сетке на балконной двери снова подлетела жирная муха и стала искать прореху. При этом она так громко жужжала, что Сашка поморщился и досадливо крикнул:

– Эй, ты! Обязательно так шуметь, а? Глушитель смени, дура!

Муха не обратила на Сашку ни малейшего внимания и продолжала зудеть, как маленькая кофемолка. Сашка стал размахивать книгой, пытаясь достать зловередное насекомое, но лёжа в гамаке, это плохо у него получалось. Внезапно муха шарахнулась в сторону, громко бзыкнув крыльями по стеклу, и слиняла прочь, включив форсаж.

– Припухла, сволочь. Видать, испугалась чего-то. У-у-у, тварь, – погрозил Сашка вслед кулаком.

Гамак неторопливо раскачивался, убаюкивая и навевая мысли о пользе послеобеденного сна. Сашка прикрыл книжкой лицо и постепенно задремал. Ему грезились переливающиеся на ярком солнце морские волны и плывущие по ним дремлющие чайки. У них тоже был «тихий час». Невдалеке виднелся песчаный берег. У самой воды сидел крепкий мужик и толстой связкой вожжей шевелил море. При этом вид у него был предельно сосредоточенный и весьма серьёзный. Сашка каким-то макаром приблизился к нему и с любопытством спросил:

– Чего, дядя, творишь?

– Моя твоя не дядя, однако, – сурово ответил мужик.

« – Китаец что ли, а может и японец. Хрен их разберёшь», – подумал Сашка, а вслух сказал:

– Уговорил, нерусский. Не дядя, так не дядя. Мне лишние родственники тоже ни к чему. А что это ты, всё-таки, делаешь, а?

– Не мешай моя, однако. Не видишь – моя занят?

– Да вижу я. Только ни хрена не пойму. Опа! Пстой-ка. А может ты этот, как его, Балда, что чертям покоя не даёт?

– Сама твоя балда! Моя Учитель сказал: шевели волнами и будешь круче всех. Понял?

– А-а. Так ты этот, «О-нами – крутые яйца» что ли?

– «Громадные волны», – укоризненно поправил Сашку мужик.

– А, ну да, волны. А чего тут сидишь? Пошёл бы кому-нить фейс начистил.

– Сразу не могу. Моя должен силы набраться.

– А мне можно? – спросил Сашка.

– На, держи.

О-нами отстегнул от своей связки несколько вожжей и протянул их Сашке. Тот с усмешкой взялся за пучок и тут же выронил два упругих шнура. Оказалось, удержать их не так то просто. Выскочившие концы пребольно щёлкнули Сашку по физиономии, а остальные рвались в руках, словно на другом конце были не ленивые волны, а свора громадных и диких зверюг.

– Держи крепче, лабух! – крикнул О-нами.

– Дак я это, держу, – морщась от боли, выдавил Сашка.

С трудом поймав одну из убежавших вожжей, Сашка успел ещё три раза получить по роже вторым шнуром. От боли из глаз брызнули слёзы, но он упорно продолжал хватать вёрткий шнур и, наконец, поймал его. Руки дрожали от большого напряжения, и Сашка не знал, сколько ещё сможет удерживать эти странные поводья.

Видя такое дело, О-нами рассмеялся и забрал у Сашки часть шнуров. Держать стало легче, но всё равно следовало быть предельно внимательным. Через некоторое время Сашка приноровился к прытким шнурам и даже стал улавливать некий ритм. Волны не просто дёргали поводья, а перебирали их, словно толстые струны. Внутри у Сашки появился низкий гудящий звук, от которого всё тело наливалось какой-то необыкновенной силой.

– Твоя чувствует Силу?

– Ага! – с восторгом ответил Сашка, – будто к розетке подключился. Во прикол!

– Это хорошо. Пойдём вместе биться, – заключил О-нами.

– С кем биться? – не понял Сашка.

– С врагами конечно!

– И много их, врагов этих?

– А твоя как думать? Конечно много! Злой Кунамото убить моя семья, Кетано зарубить моя Учитель, О-сато с солдатами замочить вся моя деревня. Ну там ещё человек сто врагов. А что? Твоя бояться? – равнодушно спросил О-нами.

– Дык я это, не бился ещё ни с кем до смертоубийства. Боязно как-то.

– Фигня! Сейчас волнами зарядимся, сам захочешь кого-нибудь зарубить. Вот увидишь.

Сашка чувствовал, как по телу разбегаются тысячи мелких волн, накапливаясь где-то в руках и ногах. Они гудели всё громче и громче, делая Сашку невероятно сильным. Однако желания кого-то замочить у Сашки так и не появилось.

– Тоже фигня! – уверенно сказал О-нами, – В процессе появится. А иначе твоя самого в мелкий капуста порубают. Вот так. Пошли.

– Куда?

– Врагов бить, куда ещё? – удивился О-нами.

Сашка не знал, что делать с вожжами.

– Да брось их! Никуда не денутся, – засмеялся О-нами.

Сашка медленно встал на ноги, отошёл чуток от берега и с размаху кинул вожжи подальше в воду, а сам ломанулся в другую сторону, чтобы снова по морде не схлопотать. О-нами весело ржал, видя Сашкины выкрутасы.

Самому Сашке, однако, было не до смеха. Конечно, этому япошке всё пофигу. Всех знакомых замочили, есть за что мстить. А ему, Сашке, за каким таким хреном башку под чужие мечи подставлять? Да ведь и не умеет он на мечах сражаться. Не самурай какой, в самом деле.

О-нами словно услышал его мысли и благодушно похлопал Сашку по плечу железной рукой, от чего тот споткнулся и рухнул носом в песок.

– Не бойся, Санёк. На мечах биться не придётся. Будем гадов давить исключительно голыми руками. Нам презренные железки ни к чему.

В этом Сашка, однако, сильно сомневался. Но и показать себя слабаком не хотелось. Он решительно встал, отряхнулся и, кивнув головой, сказал:

– А пошли. Сейчас, блин, всех уроем!

– Ай, молодца твоя, ай молодца! – похвалил О-нами.

Подхватив свой увесистый узелок, япошка весело зашагал в гору, насвистывая замысловатую народную песню про смелую трясогузку. При этом он часто оглядывался и хитро подмигивал Сашке. Тот, как ни старался, но постоянно отставал от скачущего по кочкам О-нами, и последнему приходилось часто останавливаться и поджидать Сашку, сидя верхом на толстом посохе. Тогда он иронично качал головой и тихонько посмеивался.

Через два часа ходу по бескрайнему лесу, Сашка вовсе выбился из сил и в изнеможении повалился на мягкий мох, когда О-нами объявил привал.

Солнце жарило немилосердно, несмотря на приличный ветер и тени деревьев. На взмокший Сашкин лоб тут же уселась дюжина комаров. Он с досады звонко хлопнул себя по физиономии, чем сразу отправил на тот свет половину из нападавших кровопивцев.

Взглянув на невозмутимо сидящего на кочке японца, Сашка с удивлением заметил, что того насекомые почему-то облетают стороной. О-нами лишь слегка обмахивался веточкой кипариса и продолжал насвистывать монотонную песню.

– Как это у тебя получается?

– Чего?

– Ну, это. Комары тебя, почему не жрут?

– Ах, это. Так это не я. Это моя ветка их гонять.

Сашка подполз к деревцу и тоже сорвал себе ветку пожирнее. Но как он ни старался, комары и прочий гнус словно не замечали его орудия и продолжали бессовестно липнуть.

– Чё-то ни хрена они не боятся, – расстроился Сашка.

– Э-э-э. Твоя не правильно всё делать. Твоя забыл самое важное – ветка надо сначала подготовить.

– А как? – спросил Сашка, нещадно хлопая себя руками по роже.

– Закричи на неё! Крикни: эй ты, гони от меня всякий гнус и быстро!

Сашка недоуменно уставился на японца.

– Я чё, совсем на дурака похож? – обиделся он.

– Не похож. Твоя дурак и есть, если меня не слушаешь. А вскоре станешь ещё и опухший дурак. Кричи давай!

Сашка разозлился, бросил ветку об землю и что есть мочи заорал:

– А-а-а!!! Сволочь поганая! А ну давай, падла, разгоняй на хрен всю эту шушеру, пока я тебя в куски не порвал, как Тузик грелку! Слышь, ты? Кому говорю? Н-на, сука! Получи!

И стал остервенело топтать её, пока не выбился из сил и не упал рядом. Дыхание с трудом приходило в норму, перемежаясь всхлипываниями и носовым хлюпаньем. В этот момент Сашке было так жалко себя, словно весь мир ополчился на него бедного. Да и ветку эту тоже стало жалко до слёз. И чего это он на неё так взелся? Та лежала на земле вся измочаленная, но издавала приятное благоухание.

С удивлением Сашка заметил, что комары отстали и тоже облетают его стороной, злобно повизгивая. О-нами утирал слёзы от смеха и сокрушённо качал головой.

– Ну, твоя просто зверь! С таким воином я всех своих врагов за один день положу. Давай, вставай. Пора дальше идти.

Сашка медленно поднялся, отряхнул с себя листья и сосновые иголки и бережно поднял защитную ветку. Сунув её сзади за пояс штанов, он утёрся рукавом и решительно зашагал за японцем. В глазах у него теперь была такая злая решимость, что попадись ему на пути хоть Чак Норрис с Джеки Чаном, обоих затолкал бы в ближайшее дупло дерева. Они бы ему ещё и спасибо сказали за то, что не порешил разом.

Вскоре лес кончился, и перед взором раскинулось широкое пшеничное поле. Оно, словно золотое море, колыхалось и переливалось волнами, издавая мерный звук шуршащих колосьев. Оба в восхищении остановились и долго смотрели на такую мощную красоту. О-нами глубоко вздохнул и, немного сожалея, произнёс:

– Таким морем моя управлять не умеет. А жаль. Такая силища пропадает!

Постояв так некоторое время, путники двинулись вдоль поля в обход. Идти пришлось довольно долго. Даже сам О-нами немного подустал. Сашка же вообще топал на автопилоте, и только в налитых кровью глазах оставалась неумолимая решимость дойти, куда бы то ни было.

К вечеру они, наконец, добрались до небольшой и весьма грязной деревни. Дойдя до колодца посреди улицы, О-нами скомандовал:

– Отделение, стой! Раз, два.

Сашка ткнулся лбом в широкую спину японца и замер, не чувствуя ни ног ни рук, да и всего остального тела тоже и только ощущая себя где-то в середине головы. Тушка двигалась, словно, сама по себе без его самоличного участия.

О-нами зыркнул по сторонам, готовый отразить любую атаку, но потенциальных врагов пока не наблюдалось. Испив из мятого ведра воды, путники ломанулись в ближайший дом и попросились на ночлег.

Хозяйкой дома оказалась древнейшая старушка, которая передвигалась с удивительной ловкостью и даже некоторой грацией. Судя по её лицу, похожему на печеное яблоко, можно было смело дать ей и сто и триста лет. Но ее глаза светились чистым и не замутнённым взглядом, говоря об отменном здоровье бабульки. Она вежливо пригласила путников в дом. О-нами привычно скинул деревянные колодки у входа и вошёл внутрь.

Сашка вспомнил, что япошки дома не ходят в обуви, но рассекать в вонючих носках по чужому дому ему совсем не хотелось. Он вернулся к колодцу, с трудом стащил с опухших ног кроссовки и намыл ноги прямо из ведра. Обувку с носками-бумерангами оставил тут же у колодца.

Ступая враскоряку, он доковылял до дома и нырнул в прохладное помещение, сразу почуяв приятный запах незнакомых специй вперемешку с благовониями. В сумраке он плохо ориентировался и постоянно натыкался на обтянутые рисовой бумагой стены-перегородки.

Когда глаза немного пообвыкли, он заметил слабо мерцавший огонёк. Двигаясь в том направлении, он вскоре проник в небольшую комнатку, где на полу сидели возле низенького столика О-нами со старушкой. Они о чём-то тихо разговаривали. Увидев Сашку, бабулька приветливо поманила его рукой, приглашая к столу. Сашка вежливо поклонился, вспомнив, что у япошек так принято. Сидящие за столиком поклонились в ответ.

Ужин представлял собой некоторое количество маленьких мисочек, из которых самая крупная была наполнена желтоватым рисом, а остальные — различными соусами и выглядели, как миниатюрные блюда для гномов.

На удивление пища оказалась очень питательной, и Сашка довольно быстро наелся.

Бабулька принесла сакэ в глиняном кувшинчике. О-нами от удовольствия закричал, а Сашка напротив, отказался от выпивки, так как был с детства непьющим. О-нами только пожал плечами, а бабулька была очень удивлена. В её понимании непьющих мужчин не бывает.

После ужина Сашку неумолимо потянуло в сон. Едва отойдя от стола, он словно куль повалился на циновку, звонко стукнувшись головой о деревянную подушку-подставку.

Но этого он уже не почувствовал. Перед глазами давно плыли разноцветные круги. Вот из них нарисовалась странная картина: одним глазом он видел открытую балконную дверь, а за ней смутно знакомую комнату, в которой он жил когда-то давным-давно. Другим глазом он наблюдал ряды чёрных неразборчивых вензелей на белом пространстве. Сознание медленно приходило откуда-то из небытия.

Наконец, Сашка проснулся окончательно и с удивлением понял, что валяется у себя на балконе в гамаке, а непонятные вензеля — это лежащая на носу раскрытая книга. Он шумно вздохнул, с удовольствием потянулся и чуть не завопил от боли — всё его тело нестерпимо ныло и болело, словно он и в самом деле топал через леса и поля с чокнутым японцем.

С трудом размяв конечности, Сашка еле выбрался из гамака и заковылял на кухню, дабы поправить организм порцией горячего кофе.

Вечером Сашка долго сидел на постели и вспоминал удивительный дневной сон. События в нём ощущались настолько реальными, что даже не верилось, сон ли это был вообще. Это совершенно не походило ни на что знакомое и привычное. Чтобы не забыть его, Сашка решил на следующий день купить толстую тетрадку и записать туда всё, что сможет вспомнить. С тем и уснул.

ГЛАВА 12.

- Что есть колесо? – спросил Хуэйцзэн своего ученика, сидя в сломанной повозке.*
- Оно есть круг! – воскликнул Шеньхуэй.*
- Правильно. Но, если бы ты сказал «квадрат», то я огрел бы тебя палкой и получился бы неплохой коан.*
- Прости, Учитель.*
- Ладно. Кончай нить. Поехали!*

Алексей уже второй час практиковал «походку Силы». Для этого он углубился подалее в лес и топал по заросшей травой дороге, пытаясь глядеть по сторонам периферийным зрением. Отчего часто спотыкался и неизменно терял всякую сосредоточенность. К тому же приходилось удерживать между пальцами рук несколько монеток. По правилам полагалось держать плоские камушки, а ещё лучше кристаллы кварца. Но подходящих камней не было даже на заливе, а кварц и подавно хрен, где найдёшь.

Монетки так и норовили выпасть из рук и затеряться в густой траве. От этого Алексей только больше злился и отчётливо понимал, что его практика – полная профанация. Сев на пенёк, он закурил, прислонился спиной к широкой сосне и стал задумчиво глядеть в чистое небо.

Получалась какая-то странная хрень. Вот когда сидишь дома и читаешь мудрёные книги, никаких сложностей не возникает, но стоит перейти к практике, как всё летит коту под хвост.

Мало того, даже чтобы просто приступить к практике, нужно приложить немало усилий, преодолевая, неизвестно откуда взявшуюся, лень. Будто кто-то внутри сразу включает тормоз и тянет обратно на диван. И неизменно нападает дикая зевота.

Дон Хуан по такому поводу сказал бы, что Алексей просто индольгирует и потакает себе в своей лени. А ещё, что он слишком хитрожопый. Хочет, чтобы всё само за него получалось. Короче, никакой безупречности. Блин! И самое обидное – Алексей был полностью с этим согласен, но не мог ничего с собой поделать.

Вот и теперь он почти два дня готовился к этой прогулке: выбирал подходящие монетки, подолгу смотрел в разные углы комнаты, чтобы взгляд стал рассеянным (правда, это плохо получалось), маршрут прикидывал такой, чтобы людей было поменьше. А сегодня утром проснулся и уже никуда идти не охота. Еле заставил себя после завтрака вылезти на улицу.

Пока шёл к лесу, успел заскочить в книжный магазин, в ларёк за сигаретами и ещё в пару нужных мест. Всю дорогу он прикидывал, что сегодня, наверное, просто прогуляется и посмотрит будущий маршрут, а уж в следующий раз точно начнёт практиковать мудрёную «походку Силы».

Но когда зашёл в лес, то случайно увидел группу молодых и не очень людей, которые на широкой поляне самозабвенно занимались Ушу под руководством жилистого и сильно загорелого парня. Что-то в душе Алексея шевельнулось. Вот, ведь, тренируются люди, а он, как чмо, без толку бродит по лесу и смотрит на белок. Нет. Нужно быть более решительным. Раз уж захотел практиковать, то не фиг и отлынивать. Воин он, в самом деле, или червяк бесхребетный?

Забурившись в лес поглубже, чтобы не нарваться на ещё каких-нибудь туристов, он нашёл эту заброшенную дорогу. Распихал монетки между пальцами, развёл, как сумел, в разные стороны глаза и тихонько двинулся вперёд.

Но всё оказалось не так просто, как представлялось, сидя на диване дома. Взгляд всё время блуждал от периферии к центру, а ещё чаще – под ноги. На дороге постоянно попадались толстые корни деревьев, которые приходилось перешагивать. От этого сосредоточение терялось, а вместо него в голову лезли всевозможные посторонние мысли. Причём, совершенно не связанные с практикой.

В уме Алексей постоянно с кем-то спорил, размышлял о ремонте, которого давно требовал старый дом, думал про поездку в Питер за новыми книгами и ещё много о чём, но только не о самой походке. Лишь изредка мысли его касались того, чем он в данный момент занимался, да и то по причине частых спотыканий.

И вот, сидя на пенёчке, он смолит третью сигарету подряд и дико обламывался. Выходит, что не воин он никакой, и даже не дух потный. В армии и то было проще. Главное – думать не нужно было совершенно. Сказали: беги – бежишь, сказали: в наряд – топаешь на кухню чистить картошку или в караул. Лафа, одним словом.

Эх, блин, найти бы Учителя. Или, по крайней мере, группу единомышленников. А у него кроме Сашки и знакомых то в этом городе нет. Может, надо в Питере было остаться жить? Но там тем более заниматься подобной практикой негде. Не попрётся же в Летний Сад, в самом деле, или в ЦПКиО походку Силы отрабатывать. Да и в других парках народу вечно тьма. А спецом ехать за город и того обломнее. Короче, полная жопа.

Да ещё этот Сашок – тормоз. Не мог сразу позвонить, когда в доме отдыха с какой-то группой встретился. Может, это и был его, Алексея, шанс. А он так глупо его проворонил. Да, точно! В тот день Алексей дрых с утра до вечера, пытаясь найти свои руки во сне. Да только всё без толку. Лишь морда к вечеру до того опухла, что и в зеркало было страшно глянуть. Будто синяк какой подзаборный.

На соседней сосне появилась белка. Она спустилась на самую нижнюю ветку и внимательно уставилась на Алексея чёрными глазами-бусинками. Хвост у неё пушился и подрагивал, словно у нервной кошки. Белка понюхала воздух, вытянув голову в сторону Алексея.

– Что, рыжая, жрать хочешь? Так нет у меня ни фи́га. Тусуй лапы дальше. Давай, давай.

Алексей помахал рукой, пытаясь прогнать животное, но белка и не думала убегать. Напротив, она спрыгнула на землю и подбежала к нему почти вплотную. Встав на задние лапки, она сложила передние на груди и, чуть наклонив голову на бок, изучающе посмотрела на Алексея. Тот прицелился и кинул в белку окурок. Но затем произошло нечто странное. Вместо того чтобы испугаться и отскочить, она просто отбила бычок передней лапкой и снова положила её на грудь. У Алексея отвисла челюсть.

– Т-ты к-к-кто?

– Я – глюк, – внятно ответила белка и широко улыбнулась.

Во рту у неё были вовсе не беличьи резцы, а два ряда ослепительно белых зубов, как у какой-нибудь голливудской звезды.

Алексей мгновенно покрылся гусиной кожей, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом. В мозгу пронеслась мысль о Союзниках. Но так не бывает! Не может быть так сразу! Белка, между тем, подобрала окурок, сунула его в пасть и с наслаждением затаилась. Мало того, она ещё и дым стала выпускать колечками, как заправский курильщик. От этого Алексею уж совсем стало дурно.

– Дыши глубже, человечисше, – со смехом сказала белка, – А то сейчас заблюёшь мне тут всю территорию. Убирай потом за тобой.

Язык у Алексея не желал повиноваться. Он пытался что-то сказать, но рот, будто скотчем заклеили. Было слышно одно лишь невнятное мычание. Белка сокрушённо покачала головой и с укоризной произнесла:

– Ты и впрямь считаешь, что сможешь стать Одиноким Воином?

– Н-не з-з-знаю, – еле выдавил Алексей.

– Понятно. Тогда тебе лучше сразу в ящик и на недельку под землю. А то что-то ты трусоват для воина.

Это было последней каплей. В глазах у Алексея потемнело, и он выпал из этого мира на неопределённое время. Последнее, что он успел заметить краем глаза – это как белка плюнула на окурок и растёрла его о пятку. Всё. Темнота.

Щелчок! Что-то в сознании Алексея сдвинулось, и он открыл глаза. На него с противоположной ветки внимательно смотрела рыжая белка. Чёрные бусинки глаз неотрывно следили за каждым его движением. Зверёк жадно понюхал воздух перед собой. Похоже, что у этого человека нет с собой ничего вкусенького. Белка глянула по сторонам, прислушалась и поскакала по веткам вдоль дороги, надеясь встретить кого-нибудь еще.

Алексей всё это время, затаив дыхание, следил за животным, боясь даже пошевелиться. В сонном ещё мозгу шевелилась некая тревожная мысль. Что-то только что произошло, но что именно он вспомнить не мог.

– Блин, заснул, наверное. Вот ведь, приснится же муть всякая!

Он осторожно поднялся с пенька, разминая затёкшие ноги, и всё посматривал в ту сторону, куда убежала белка. Больше сегодня практиковать не хотелось. Быстрым шагом он направился к выходу из леса.

Всю дорогу до дома он пытался вспомнить, что конкретно ему приснилось, но в памяти осталось лишь ощущение, что это было нечто очень странное. И эта белка. Почему она не выходила из головы? Бред какой-то. Курить надо бросать нафиг. А то вон, пока на пенёчке сидел, подряд три сигареты выкурил. И зачем, спрашивается? Дома никогда столько не курил.

В городе он случайно столкнулся с Сашкой.

– О, Лёха! Здарова! – искренне обрадовался тот.

– А, привет.

– Как сам?

– Да ничего, нормально, – нехотя ответил Алексей. Ему вовсе не хотелось сейчас с кем-то разговаривать.

– А я это, слышь, книгу сейчас твою читаю. Как, блин, её? А, вот: «101 дзен».

– Дзэн, – поправил его Алексей, – надо говорить – дзЭн.

– Ну да, дзэн.

– Ну, и как тебе это?

– Круто, блин! Там такой замес прикольный. Мне даже вот сон потом приснился, где я тусовался с этим, как его, О-нами – «Громадные яйца».

– Волны, Громадные Волны его звали.

– А, точно, волны. А ты куда чешешь?

– Да так, гуляю.

– Слушай, – всполошился Сашка, – Я ж забыл совсем! Мы же хотели твою тачку децел обновить. Ты завтра где?

– Дома. Завтра у меня выходной.

– О! Зашибись! Значит так, я тебе где-то около 10 звякну. Ты сразу живенько собирайся. Я к тебе на своей машине подкачу, и мы отбуксируем твоё ведро к нам в сервис. Идёт?

– Не знаю. Может как-нибудь потом?

– А чего тянуть-то? Не-е, старик, сейчас – в самый раз. Потом начальство из отпуска нагрянет, хрен чего сделаешь тогда.

– Ну, ладно, – вздохнул Алексей, – Давай завтра.

Ему так не хотелось лишний раз заморачиваться, но и машину было жалко. Может, и правда, мужики её на колёса поставят. Это, в общем-то, тоже неплохо. Только суетно всё это. Эх...

Сашка уже влез в свою «копейку» и радостно махал Алексею из окна. Тот вяло взмахнул ладонью в ответ и побрёл домой. Сашка сзади отчаянно газовал, пытаясь привлечь внимание приятеля к своей машине, но безрезультатно. Алексей больше не обернулся.

Сашка немного расстроился, но через минуту опять довольно сиял физиономией, рассекая по городским улицам и подмигивая молодухам. Те, в свою очередь, реагировали практически одинаково — иронично ухмылялись и строили презрительные гримасы. Ну, не крут был Сашка на своей «копейке». Он это прекрасно понимал, однако совершенно не обижался. Подумаешь!

Дома Алексей с кислой миной поглядывал на полку с книгами, где ровным отрядом стояли тома мэтра магических наук КК. Вспомнился какой-то фантастический фильм, где люди моментально обучались всяким способностям, просто напялив на голову шлем с электродами. Вот бы занять такой аппарат! Прочитал любую книгу и уже всё, что там описано, умеешь и знаешь. Ни тебе скучных упражнений, ни лишней суеты. Лежишь себе на диване и знаний набираешься потихоньку. А потом – р-р-раз! И ты уже Одинокий Воин или ещё кто-нибудь.

Алексей криво усмехнулся. Да-а-а... Не даром в нашем языке есть звучное слово «халява». Так хочется всего сразу и много. Может быть, он вообще ерундой занимается? Порой у него проскакивала такая мысль, но каждый раз он гнал её прочь, желая непременно проникнуть в этот таинственный мир индейской магии, где кроме свободы (понятия, кстати, довольно расплывчатого), было обещано много необычайных способностей и диковинных вещей.

Но, видимо, не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Союзники не толпились стройными рядами у его дверей, «эмиссар», сволочь, никак не желал проявляться, сколько бы Алексей не призывал его перед сном. А кактусы жрать без надлежащего присмотра и вовсе было глупо. Да и нет у нас, пожалуй, подходящих колючек. Про различные грибочки-поганки Алексей и думать не хотел. Это для совершеннейших крейзи. Таких, наверное, уже битком в «дурках» отдыхает.

Вечернее солнце отразилось от форточки и осветило жёлто-оранжевым ряды книг. Было в них что-то притягивающее. Хоть Алексей и прочёл многие из них по несколько раз, однако не мог отделаться от ощущения, что пропустил самое главное. Это главное таинственным образом ускользало от него, стоило только в очередной раз раскрыть любой том. Словно смотришь знакомый фильм по десятому разу и знаешь всё наперёд. Это скучно. Но где-то в мозгу так и свербит мысль, что ты что-то пропустил. И начинаешь заново штудировать, порой довольно сложные, выкладки. Нет. Всё не то.

Вспомнил про список для перепросмотра. За него он брался уже не раз, но так и не смог закончить хотя бы одну тему. Порывшись в пыльном диване, он выудил оттуда потёртую тетрадку на пружине и с тоской стал просматривать, чего там он уже успел накопить. В последний раз он открывал сей опус, примерно, с месяц назад. С тех пор уже всё позабылось и пришлось заново вспоминать события далёкого и не совсем далёкого прошлого. Это было невыносимо скучно, и Алексей в сердцах швырнул тетрадку на пол. Нет. Не сегодня.

Он плюхнулся на диван и уткнулся носом в подушку. Так хорошо. Никого не видеть, ничего не слышать. Лежи себе, да смотри во тьму перед глазами. Только дышать немного тяжело, а так нормально.

Вскоре перед взором появились знакомые разноцветные круги. Алексей прекрасно понимал, что это никакие не гипнагогические образы, про которые так часто пишут, а просто результат давления подушки на глазные яблоки. Он уже не раз пытался сосредотачиваться на них перед сном, но неизменно проваливался в небытие, так и не уловив момент засыпания. От этого он часто приходил в отчаяние и всё больше убеждался, что нет у него никакого таланта сновидца.

Даже сами сны он запоминал с трудом, а дневник сновидений после первой же недели отправился туда же, куда и список – под стул у дивана. Алексей решил, что это пустая трата времени. Ну кому интересно читать про сон, который уже прошёл? Он может быть интересен в процессе, но не после того.

Хотя в душе Алексей сильно подозревал, что и тут постаралась его противная лень. И откуда она вообще у человека берётся? В книге про это чётко написано: лень, как и прочие человеческие слабости – это отсутствие безупречности. Но где взять эту безупречность, если тебя одолевает лень? Замкнутый круг получается. Тут уж точно не обойтись без увесистого тумака со стороны Учителя.

– И почему я не Карлос? – с сожалением подумал Алексей и повернулся на бок.

Считать до ста порядком надоело, и он просто заснул. Во сне за ним носились стаи рыжих белок, а он, что есть мочи, пытался от них удрать. Однако ноги предательски вязли в рыхлом песке, и бег получался больше похожим на движения черепахи. Хотя белки и не догоняли его почему-то. Наверное, дразнились.

Ему не было страшно, но во всём этом действии ощущался некий напряг, от которого было неприятно на душе и странным образом давило в желудке.

Так он и промучился до утра, периодически выплывая из сна в полудремотное состояние и снова проваливаясь в зыбучий песок со стаями рыжих бестий.

И только маленькая чёрная мышка всю ночь внимательно следила за ним из тёмного угла комнаты. Во взгляде её была напряжённая сосредоточенность и совсем не мышиный ум. Изредка её прямой, как струна, хвост отчётливо стучал по полу, но не настолько, чтобы услышал и проснулся человек. Будто она отмеряла равные промежутки времени.

Когда стало светать, мышка тяжело вздохнула и сокрушённо покачала головой. Что-то ей не понравилось. Сжав переднюю лапку в кулак, она что-то в него пошептала, затем стукнула им по раскрытой другой лапке и исчезла. Только на пыльном полу остались тонкие полоски от ударов её хвоста.

ГЛАВА 13.

*Держи при себе постоянно кнут и верёвку,
Иначе бык снова скроется за облаком пыли.
Объезжай его до тех пор, пока не станут повадки
чистыми и кроткими,
Даже без узды он должен повиноваться.*

Гоань Шиюань.

– Блин! Да у тебя тут и зацепиться то не за что. Бампер и тот на соплях держится! Того и гляди, отвалится по дороге.

– А чё делать?

– Так известно чего! Давай, за балку цепляй.

– А не оторвёт?

– Потихоньку тронемся, глядишь, и не оторвёт. Ты только тормоз резко не жми.

– Ага.

Сашка ещё раз подёргал трос. Вроде держит. Ну, и ладно. Он кивнул Алексею:

– Давай, загружайся.

Тот полез в свою прогнившую до сквозных дыр «шаху» и, на всякий случай, нацепил ремень.

Сашка усмехнулся. Ну-ну. Сам он легко запрыгнул в машину, с полоборота завёлся и потихоньку тронул. Трос вытянулся, упруго звякнул стрункой, но машины больше не сдвинулись с места. Сашка поднажал – никакого эффекта. «Шестёрка» Алексея словно выросла в землю.

– Тормоз отпусти!

– Отпустил.

– А ручник?

– Дык у меня его и нет совсем!

– Со скорости снял?

– Ага!

– Ни хрена не пойму, – наморщил лоб Сашка, – и чё за фигня такая?

Он ещё несколько раз попытался сдвинуть сцепку, но бесполезно. «Копейка» натужно выла, словно тащила не такую же машинку, как и она, а тяжеленный танк, который заржавел насмерть.

Сашка заглушил двигатель, вышел из машины и стал в растерянности ворошить волосья на голове. Глянул в сторону сарая.

– Кувалда есть?

– Да была, вроде, – ответил Алексей.

– Тащи.

Тот вылез из упрямой развалюхи и через минуту загромыхал в сарае различными железками и прочим хламом. Вскоре вынырнул с озабоченной физиономией и, еле волоча увесистую кувалду, спросил:

– Чего хочешь сделать?

– Ща увидишь. Ого! – присвистнул Сашка, – Откуда у тебя это стенобитное орудие?

– Да бабка раньше на железной дороге работала. От неё и досталась по наследству.

– Ни хрена себе – молоточек! Эдаким любой сейф в лепёшку можно расшибить. Если, конечно, силёнок хватит. А ну, дай!

Сашка ухватился за стальную рукоятку, примерился и несколько раз стукнул в центр колеса. Потом так же простучал и остальные колёса.

– Ну, чё, давай ещё попробуем?

– Давай.

Пилоты опять уселись в свои боевые капсулы. Сашка завёлся и стал тянуть чуть рывками, чтобы стронуть вторую машину с места. Сначала ничего не получалось. Он уже хотел снова простучать колёса, да покрепче, но внезапно сзади что-то с диким скрежетом лязгнуло, и машина подалась немного вперёд. Потом ещё и ещё.

Сашка высунулся в окно. Вторая машина послушно плелась следом, а сквозь лобовое стекло он видел сосредоточенную физиономию Алексея. Тот высунул в окно руку и поднял большой палец к небу. Окейно! Сашка согласно кивнул.

Так они и порулили через весь город с частыми остановками и осмотром едва живой «шахи». Но та, хоть и светила внутренностями сквозь дыры, однако держалась молодцом. Только слегка припадала на правое переднее колесо, резина которого от долгого стояния на одном месте изрядно деформировалась. Алексея внутри равномерно потряхивало, словно он ехал в кресле-качалке.

Таким макаром они за час добрались до мастерской, чудом не застряв ни на одном перекрёстке. Мужики на сервисе сочувственно качали головами.

– Неужели это та «шаха», которую мы ладили года два назад? – с удивлением спросил дядя Ваня.

– Она самая, – подтвердил Сашка.

– Э-э, паря, да ты, наверное, по заливу на ней плавал, – с усмешкой произнёс Михалыч, – Глянь, дыры то какие!

– Ага, а ещё по ней из подводной лодки стреляли, – подколот Васька.

Алексей лишь смущённо улыбался и пожимал плечами.

– Да вот, во дворе круглый год стоит. Прогнила поэтому, – сказал он, словно оправдываясь.

Дядя Ваня хотел, было, высказать всё, что он по этому поводу думает, но сдержался. Да и чего с «чайником» ругаться. Всё равно ни хрена не поймёт. Чего им – молодым. Купят за пятьсот баксов развалюху, да катаются, пока она совсем в прах не рассыплется. Вот попробовали бы купить такую «шаху» лет двадцать назад. Хрен получилось бы. И за версту не подпустили бы. Только особо приближённым к известным товарищам полагалось. Да и то была не хилая очередь. Свою «копейку», на которой теперь гонял Сашка, дядя Ваня купил уже не новую, но тоже с большим трудом. Но тогда это была МАШИНА. Да-а-а...

– Короче так, паря, она тебе ещё нужна? – без обиняков спросил он Алексея.

– Ну, не знаю, а что?

– А то, что восстановление тебе влетит в не слабую копеечку. Даже просто поставить её на ход будет стоить прилично. Оно тебе надо?

– Н-не знаю, – протянул Алексей неуверенно, – А сколько, примерно?

– Чего сколько?

– Ну, чтобы просто ездил?

– Вместе с переборкой движка и прочими делами баксов на шестьсот потянет.

– Ого!

– Вот тебе и ого. Поэтому и спрашиваю, оно тебе надо?

– Дорого как-то.

– Ну, а ты как хотел?

– Так это, Александр говорил, что вы можете из неё вообще конфету сделать, – растеряно проговорил Алексей.

Дядя Ваня строго посмотрел на Сашку, но тот лишь развёл руками. Укоризненно покачав головой, он веско заметил:

– Сашка, конечно, прав. Мы можем из неё хоть джип сварганить. Только кто оплачивать это будет?

Алексей совсем поник головой. Про деньги он как-то и не думал. Не то, чтобы он совсем был тормоз. Нет. Конечно же, он понимал, что любая работа должна быть оплачена. Но Сашка с таким энтузиазмом говорил про восстановление машины и даже о превращении её во что-то такое интересное, что Алексей подумал лишь о бескорыстном желании людей помочь. Ведь ему, в общем-

то, не жалко было отдавать им свою машину для экспериментов. А тут, оказывается ещё и денег надо не меряно.

Видя муки сомнений на лице товарища, дядя Ваня смягчился и сказал:

– Ладно, не вешай нос. У меня такое предложение: мы возьмёмся за твою тачку, но считай, что она уже не твоя. Придётся её потом продать, чтобы оправдать наши расходы. И ты тоже получишь какую-то часть денег с продажи. Немного, баксов двести-триста. Больше она сейчас всё равно не стоит.

– А нельзя ли сразу эти двести долларов получить?

– Ишь ты, какой прыткий! А если её никто потом не купит? Нет, паря, так не пойдёт.

– Ну ладно, – вздохнул Алексей.

– Не переживай, – похлопал его по плечу Михалыч, – Считай, что мы тебе на халяву двор от мусора очистили.

Парни весело рассмеялись. Михалыч был, как всегда, на высоте. Алексей тоже кисло улыбнулся, посмотрел на прощанье на свою бывшую машину и побрёл на автобус. Видеть, как её будут курочить, ему не хотелось. А мужики загнали жертву в гараж, выкурили по сигаретке (все, кроме Сашки) и, вооружившись инструментами, принялись кроить машинку на части, безжалостно выбрасывая ржавое железо в мусорный бак.

Работа спорилась, только искры летели в разные стороны. Васька орудовал большими кусачками и вырывал все провода, какие ещё были, с «мясом». Дядя Ваня колдовал над снятым мотором, явно недовольный, и ежеминутно поругивался в полголоса матерком. Сашка забрался в яму и обильно поливал прикипевшие гайки жидким ключом. Рвать их с места не имело смысла. Только руки побьёшь.

Вскоре у «болгарки» Михалыча странным образом изменился звук. Васька первым это заметил и вопросительно уставился на старика. Тот молча ткнул себе пальцем в живот. Васька заулыбался и закричал:

– Баста, мужики! Брюхо Михалыча говорит, что уже обед!

– И это правильно! – с известным акцентом констатировал Сашка.

Останки, некогда бывшей «шахи», накрыли широким брезентом и пошли умыться. Ломать, как говорится, не строить. От машины осталось только шасси с обрезками пола и крыша, которая была ещё ничего. Всё остальное отправилось в утиль. Туда ему и дорога. Дядя Ваня решил двигатель пока не трогать. Была у него хитрая идея: поставить в «шаху» волговский движок, но это надо было хорошенько обдумать.

После обеда мужики, как обычно, уселись на скамейке и завели неспешный разговор. На этот раз тема была самая, что ни на есть, злободневная – инопланетяне. А началось все с того, что Михалыч, ковыряясь спичкой в редких остатках зубов, многозначительно произнёс:

– Я так думаю, мужики, что сосед мой Серёга вовсе и не сосед даже, а самый натуральный инопланетянин.

– Ха! С чего это ты взял? – ощерился Васька.

– Да вот с того! – строго посмотрел на него Михалыч, – Я их, паразитов, за версту чую.

– Чё, воняют? – прикалывался Васька.

– Сам ты бестолочь! Причём тут вонища? Я их нутром чую. Понял?

– Ага, как же.

Тут в разговор вмешался дядя Ваня:

– Ты, Васька, не глумись над дедом. Может он дело говорит. А с чего ты взял, Михалыч, что именно твой Серёга и есть из этих зеленорожих?

– Да не мой он вовсе! – обиделся старик, – Не верите – и не надо.

– Ну-ну, не обижайся. Народ, ведь, не просто так интересуется.

– Точно, Михалыч, – вступился Сашка, – Давай уж поподробнее как-то.

Дед недовольно пожевал губами, зыркнул подозрительно на честное собрание и начал исповедоваться:

– Так я и говорю: прихожу я как-то домой с работы, брюхо ноет, кефиру просит. Сам еле-еле на пятый этаж вскарабкался. А тут у соседа дверь приоткрыта. Ну, я подошёл тихонько, прислушался – тишина. Думаю, а вдруг это как в детективах забугорных? Сейчас как открою дверь, а там мёртвый Серёгин труп валяется и стеклянными глазёнками на меня смотрит. У меня аж мураши по всему телу промчались. Но кому этот сосед нафиг нужен? Бред какой-то. Ну, я и приоткрыл дверцу-то. Никого. Тишина гробовая. Ни Серёги, ни его жалкого трупа не видать нигде. Наверное, обчистили соседа лихие люди, а сам он где-нибудь шляется. Но замок не сломан. А, думаю, раз уж вошёл, так чего стесняться. Стал я по всем двум комнатам ходить и осматриваться. Стараюсь отпечатков лишних не оставлять...

Васька легонько толкнул Сашку локтем в бок и с усмешкой покачал головой – во завирает дед!

... Вдруг слышу говор чей-то с балкона. За занавесками-то не видать. Так я подкрался потихому и занавесочку-то отодвинул. Смотрю: Серёга стоит ко мне спиной, руки поднял к небу и бормочет чего-то. А чего бормочет, ну ни хрена не понять. Язык даже не то, чтобы иностранный, а совсем ненашинский какой-то. Словно вода в чайнике булькает. Я аж похолодел со страху.

– А чего ж тут страшного? – не понял Сашка.

– Да я и сам не понял. Только вот честно скажу: никогда в жизни я ещё так не боялся. Словно помимо меня этот страх во мне нарисовался, без всякой видимой причины. Я так и примёрз к полу. А тут этот Серёга-не-Серёга медленно так, на одних пятках, разворачивается и глядит прямо мне в лицо. Вот тут, братцы, стыдно сказать, но я на старости лет чуть в штаны не наложил. Потому как у этого типа вместо человеческих глаз были два блестящих треугольника. По ним яркими вспышками проносились какие-то белые огоньки, а в центрах тускло горел красный свет...

Я не помню, как оказался у себя дома. Но только на утро моя сказала, что пришёл я на полусогнутых и весь белый. Она вначале решила, что это я так нахрюкался где-то, но ведь водярой от меня не несло. Чуть «скорую» не вызвала. Да я к тому времени уже очухался. Ничего ей

рассказывать не стал. Да я и не помнил ничего несколько дней. Только потом случайно встретил Серёгу во дворе, и тогда в мозгу всплыл этот случай. А он, подлец, как ни в чём не бывало, поздоровался так вежливо и дальше пошёл посуду сдавать. Вот и не знаю теперь, что и думать. Пожалуй, всё-таки, он инопланетянин.

Мужики помолчали, переваривая рассказ Михалыча и прикидывая – ужратый тот был, или это старческий глюк на него напал? Обычно Михалыч никогда чересчур не завирался. Васька только ухмылялся, да с иронией посматривал на деда.

Тут из-за угла вырuling толстый кот Фёдка – протеже дяди Вани. Он лениво глянул на мужиков, понюхал воздух и, не найдя для себя ничего интересного, ретировался восвояси. Без него тут никто ничего не жрал, а это было скучно.

Дядя Ваня крикнул, затянувшись сильно папироской, мотнул головой и поведал такую же странную историю:

– Я вот тоже однажды видел непонятно кого. Тогда я ещё только начинал заниматься машинами у себя в гараже, но так по-простецки. Методом тыка и такой-то матери. У меня из клиентуры тогда были только два человека: водила моего начальника на работе, который ни хрена в машинах не разбирался, а только ломать умел, и сосед по гаражу Володя – вечный студент. У обоих, как ни странно, были «Волги». Ну, вообще-то с первым понятно – машина казённая, а у второго папа был какой-то большой «шишкой». Ну, да это всё не важно. Главное – ломались они всегда по очереди.

Я сначала просто прикалывался, но со временем стал замечать одну любопытную деталь: как только предстояло любому из них поломаться, так у моего гаража появлялся большой белый кот. Он просто садился на дороге метрах в тридцати и неотрывно смотрел в мою сторону. Причём, как ни кидал я в него камушки или чего из гаек, так ни разу и не попал. Он даже не уворачивался. Только когда я сам подходил к нему, то он спокойно вставал и исчезал за углом. Словно его и не было вовсе.

Через некоторое время я сообразил, что кот появляется именно перед поломкой очередной машины. И что самое невероятное – ломалось всегда то, на что и подумать никогда бы не мог. Проще говоря – всё. Иногда я даже вполне законно полагал, что кот этот засланный и намеренно, гад, издевается. Но в то же время я ловил себя на мысли, что это натуральная шиза. Не бывает такого на самом деле. Однако, вот кот, а вот и машина с поломкой. И хоть ты тресни.

Так продолжалось до тех пор, пока студент не угробился по-пьяни на папиной машине. Из клиентов у меня остался лишь один водила начальника. Через год и он ухайдакал тачку так, что восстановить её стало невозможно. Тогда этот кот просто исчез. А у меня в гараже сам собой поселился мелкий Фёдка. У него тогда ещё, пожалуй, и зубов то не было, а уже норовил колбасу с бутерброда стащить. На того белого кота он и близко не был похож.

Но однажды, когда ему стукнуло два года, я с удивлением заметил, что он точно так же сидит на том самом месте, где обычно сидел белый кот, и внимательно так на меня смотрит. Я его позвал тихонько, но Фёдка словно и не слышал. Только ушами чуть подёргивал и всё смотрел и смотрел. Через некоторое время он словно очнулся от сна и вприпрыжку прискакал в гараж, требуя чего-нибудь пожрать.

Вот тогда я и подумал, что не все коты – это коты настоящие. Есть среди них «другие». И эти другие – явно не из нашего мира.

– Ага, на специальной кошачьей летающей тарелке прилетели! С мышами-наклейками по всему борту, – засмеялся Васька.

– Да причём тут тарелка? – удивился дядя Ваня, – Я же не утверждаю, что это именно инопланетяне в их классическом понимании. Может эти «другие» вообще живут среди нас постоянно, только мы их не замечаем.

– Ну-ну. Лично я никогда и ничего такого не наблюдал. Поэтому, пока сам не увижу, ни за что не поверю!

– Да никто и не заставляет. Хочешь, верь, хочешь – нет, – равнодушно пожал плечами дядя Ваня.

Сашка уже хотел, было, рассказать про свою встречу с чёртом во сне, но вовремя спохватился. Это дурень Васька, чего доброго, вообще засмеёт и скажет, что это натуральная белая горячка, хоть Сашка и не пьющий. Да и не по теме это было. Всё-таки сон, а не реальное житие-бытие.

Из-за угла снова вырулил Федька. На этот раз мужики все вместе внимательно уставились на кота, пытаясь разглядеть в нём пришельца. Федька от такого назойливого интереса к своей персоне нервно задёргал кончиком хвоста, но уходить не хотел. Брюхо основательно урчало от голода и, не выдержав более пытки, он жалостливо проорал пару раз и подошёл к дяде Ване, притираясь боком к его ногам и вопросительно заглядывая в глаза. Взгляд при этом у него был самый, что ни на есть, земной и весьма голодный.

– Что, пришелец Федька, космические припасы закончились, а? – засмеялся Васька, – Ты смотри, от земной колбасы лишний хвост вырастет или там, наоборот, чего отвалится.

Кот не обращал на него внимания и продолжал тереться об ноги хозяина.

– Ладно, блохастый, пошли в гараж. Там у меня нога от куры осталась. Кость будешь?

– Мур-р-р мяу!

– А то! На! Жри, мурзилка.

Дядя Ваня с умилением взирал на своего питомца и вспоминал того белого кота. Он не стал рассказывать мужикам, как после исчезновения необычного животного у него вскоре умерла жена. А на похоронах он снова увидел этого кота, но только на большом отдалении. Тот словно плавал в нескольких сантиметрах от земли и неподвижно взирал прямо на него. Иногда он был больше похож на клочок тумана, зацепившегося за куст акации.

Слезы мешали как следует рассмотреть кота. Дядя Ваня протёр глаза платком и тогда явственно увидел его. Тот сидел на небольшом камне и поэтому казался парящим над землёй. Так они смотрели друг на друга довольно долго, а затем кот просто растворился в хмуром осеннем воздухе. Но за мгновение до этого дядя Ваня понял, что в следующий раз, когда он увидит этого кота – это будет его конец. Он не смог бы объяснить, откуда у него появилась такая уверенность, но сомнений на этот счёт у него не оставалось никаких.

ГЛАВА 14.

Дэшань сидел на крыльце своего дома и присматривал, кому бы вломить посохом по спине. Мимо шёл Сюэфэн, насвистывая мрачную мелодию. Дэшань размахнулся, но не достал до спины Сюэфэна, так как тот обладал «тремя способами уворачивания от посоха».
– Да ты крут! – похвалил его Дэшань.
– Ну дык, ёлы-палы!

– Сашка-сан! Сашка-сан! Вставай, приятеля, пора врагов крошить!

Сашка с трудом продрал глаза и чуть не вскрикнул от неожиданности, увидев прямо перед носом перекошенное от злости лицо О-нами. Японец ловко рассовывал по карманам и рукавам всевозможные виды холодного оружия и часто посматривал в раскрытую настежь дверь. На улице явно назревал приличный шумер. Это было заметно по метущимся япошкам и остервенело лающим собакам. Сашка сел на циновке и потряс головой, словно пытаясь разогнать дурной сон.

« – Опа! Так это же сон! – вспомнил Сашка, – Сейчас всё это растает, и я снова окажусь на своей кровати».

Но «сон» что-то не спешил таять. Даже наоборот. С улицы всё громче звучали гортанные и хриплые выкрики самураев и топот их маленьких лошадей. О-нами стоял в позе героя у окна и наблюдал нечто на горизонте в самодельную подзорную трубу.

Сашка попытался себя ущипнуть за щеку – больно. Ну, блин, попал! Неужто, на самом деле биться придётся? Он ведь и просто драться не особенно умеет. Так, закатать кому-нибудь в ухо, да и всё. А тут наверняка все суперкаратисты или, как их там, сумо, джиу-джитсу и прочие прелести простого японского махача.

В окно со свистом влетела здоровенная чёрная стрела и с треском вонзилась в стол, пружинисто задрожав пёстрым оперением прямо перед Сашкиной физиономией. Все сомнения как ветром сдуло. Ещё бы с полметра и сомневаться было бы уже некому. Сашка вскочил на ноги и со страхом посмотрел на японца.

– Ну, твоя проснулся? Ай, молодец! Айда за мной!

О-нами, слегка пригибаясь и бряцая оружием, выскочил на улицу и нетерпеливо поманил Сашку рукой. Делать нечего. Тот лихорадочно натянул штаны и футболку. Кроссовки обретались где-то возле колодца, но теперь там было столько народу, что пробиться к нему не представлялось возможным.

Как же без обувки-то? О-нами, видя такое дело, грязно выругался по-японски и что-то коротко крикнул старушке – хозяйке дома. Та молча поклонилась и скрылась за перегородкой. Через минуту она вынесла пару колодок, в которых обычно рассекали японцы. Сей нехитрый предмет представлял собой две микро-скамеечки со шнурками. Сашка недоумённо посмотрел на бабульку. Та вежливо поклонилась и с улыбкой поставила колодки перед ним. Во, блин, приколы! Уж лучше бы валенки принесла. Но тут же Сашка вспомнил, что в этих краях про валенки даже не слышали никогда.

Пришлось прикручивать к ногам эти самодельные «найки». Но стоило в них сделать шаг, и Сашка с грохотом растянулся на полированном полу, больно стукнувшись носом. Оказалось, что ходить в подобной обуви было совсем не просто. Словно на бабских каблуках, даже ещё хуже. Если

по привычке ставить на пол первой пятку, то нога предательски скользила, и совершенно невозможно было удержать равновесие. Нужно было обязательно ступать на землю всей ступней. У Сашки это выходило более чем коряво. Он в отчаянии глянул на японца, но тот был целиком поглощён неким действием, которое разворачивалось на другом краю деревни.

Снова глянув в трубу, О-нами что-то коротко пробормотал, и лицо его сделалось весьма озабоченным.

– Етитская сила! Принц со своими отморозками пожаловал. Моя думает, надо сматываться. Нахрапом их не возьмешь.

– Куда сматываться? – заскулил Сашка. От слов японца как-то неприятно сдавило внизу живота и безудержно захотелось по-малому.

– Моя знает! – довольно воскликнул О-нами, – Давай, живо!

С этими словами он быстро двинулся огородами в сторону леса. Сашка засеменял за ним, постоянно спотыкаясь и матерно огрызаясь в адрес изобретателя этой зверской обуви. Не иначе тот был каким-нибудь извращенцем. Точно! Злобный японский извращенец с врождённым дебилизмом и гиперплоскостопием. Падла!

За спиной уже вовсю полыхало яркое зарево. Дальняя часть деревни была охвачена пламенем, закрывая небо чёрными коптящими клубами дыма. По улицам носились ополоумевшие крестьяне, пытаясь спасти себя и свои жалкие пожитки от безжалостных воинов принца. У колодца шёл яростный бой. Местные самураи самоотверженно рубились с врагами, но тех было явное большинство. И с каждой минутой ряды защитников таяли, поливая красным всё окрест.

Сашка содрогнулся от ужаса, понимая всю неотвратимость сей мрачной картины, и что это вовсе не кино какое-нибудь, а самая настоящая реальность. О-нами нетерпеливо подгонял его и, время от времени, смачно матерился. По-японски, естественно.

Минув последние лачуги деревни, они пересекли по узкой тропке рисовое поле и нырнули в густые заросли кипариса. Но отдохнуть О-нами Сашке не дал. Он продолжал чесать напрямки, не обращая внимания на Сашкины стенания по поводу мозолей от сволочных колодок. Только часа через два он резко остановился и весь превратился в слух. Сашка хотел, было, что-то спросить, но тут же получил увесистый подзатыльник и заткнулся.

– Тихо, блин! – яростно прошептал О-нами. Физиономия при этом у него была крайне суровая.

Сашка досадливо потёр затылок, но промолчал. Ноги просто горели и даже немного распухли. Сашка скинул колодки и облегчённо ступил на мягкую и влажную от росы траву.

О-нами ещё немного постоял, словно статуя, затем обмяк и тоже присел на травку. Лицо его при этом озарилось довольной улыбкой и, казалось, не было сейчас на земле более добродушного человека. Он хитро посмотрел на Сашку, потом довольно рассмеялся и выудил из вещмешка чумазые Сашкины кроссовки. Тот вначале обомлел от неожиданности, потом нахмурил брови и ядовито так промолвил:

– Ну, и чё за грёбаные шутки такие?

– Э, да твоя злой совсем! – опять рассмеялся О-нами.

– Ты что же это мне голову морочишь, япошка гадский? Я чуть ноги до костей не стёр, а мои чухасы у тебя в торбе всё это время валялись, да?

– Э-э, да твоя неблагодарный свинья называется. Я, понимаешь, под вражеские стрелы и копья подставлялся, терпел невыносимую вонь твоей обуви, а ты обзываешься так нехорошо.

– Чё!?

– Пока ты скулил, да шнурки на колодках завязывал, я успел метнуться к колодцу и прихватить твои кроссовки. Только ты этого ни хрена не заметил.

– Так что же ты мне их сразу не отдал?

– Некогда было, – флегматично отмахнулся О-нами, достал из котомки рисовую лепёшку и принялся неторопливо жевать.

– Будешь? – протянул он половину Сашке.

– Давай, – вздохнул тот.

Некоторое время они молча жевали. Лепёшка оказалась на удивление вкусной. К тому же позавтракать они так и не успели, а время близилось к обеду. О-нами достал кожаную флягу, отпил сам и протянул Сашке. Тот подозревал, что внутри плещется сакэ, но ошибся. Это оказалась обыкновенная вода.

После завтрака японец впал в медитацию, а Сашка от нечего делать просто лицезрел окружающую природу и откровенно тащился. Злобный принц со своими воинами отошёл на задний план, ноги гудеть перестали и в брюхе урчать – тоже. Кругом тишь, да благодать. Лафа, одним словом! Что ещё мирному человеку для счастья надо?

Комары со слепнями почему-то обходили Сашку стороной. Видимо не хотели пробовать незнакомый продукт. Мало ли что. Сашка был этому только рад. В верхушках деревьев носились удивительные птицы и звонко покрикивали оттуда. Сашка вдруг подумал, что они тоже, наверное, кричат по-японски. И наши воробьи с воронами вряд ли их поймут. Хы! Прикольно. Придёт же в башку такое.

Тут Сашка снова стал размышлять: спит он или не спит? Получалась какая-то мура. Ведь выглядело всё совершенно натурально, но умом Сашка понимал, что быть такого не может совершенно.

Каким, хотя бы, макарон он вообще тут оказался? Ведь на самолётах не летал и на пароходе не плыл. Обитал тихонько у себя в курортном городке и вдруг — на тебе! В Японию угораздило попасть. Да ещё и в древнюю. Но тут память изменяла Сашке, и он не мог вспомнить, как здесь очутился.

Тогда он стал размышлять о самых простых вещах и с удивлением понял, что с памятью его стало что-то не так. Клинило её напрочь. Он хорошо помнил, что зовут его Сашка, что работает он в автосервисе, и что любит кофе и жёлтый сыр. Но он совершенно забыл свою фамилию, путался в количестве собственных лет и не смог перемножить 6 на 9. Многие такие мелочи словно прятались от него за непроницаемой стеной тумана и никак не хотели оттуда вылезать. Это было более чем странно.

Чтобы совсем уж не поехать крышей, для себя Сашка решил, что пока не будет заморачиваться на этот счёт. Пусть это даже и сон, но уж слишком конкретно всё ощущается, а поэтому и вести нужно себя соответственно. То есть не пробовать сигать с обрыва в глубокое ущелье или выходить безоружным на кучу отмороженных бойцов, чтобы проверить, спит он или нет.

О-нами тем временем выпал из медитации и осоловело огляделся по сторонам. Его мутный взгляд остановился на Сашке и долго так внимательно изучал, словно увидел впервые. Но вскоре Нирвана уступила место Сансаре, и японец облегчённо вздохнул.

– Привет, Сашка-сан! Какие дела!

– Привет Банзай Самураич, выспался?

– Э-э, брат. Моя не спать. Моя медитировать!

– Плавали, знаем. Ну, и чё там намедитировал?

– Так это, ништяк всё, – удивлённо произнёс О-нами, – Пустота там и всё такое.

– А-а, понятно. Ну, куда теперь двинем?

О-нами огляделся по сторонам, принялся по-собачьи и уверенно ткнул пальцем за спину:

– Туда!

– А чё там?

– Там моя склад оружия и, как это по-вашему, штаб.

Сашка с тоской посмотрел в ту сторону, куда указал японец. Топать предстояло сквозь лесные заросли и, скорее всего, не близко. Хорошо ещё, что кроссовки его нашлись. В колодках он не сделал бы больше ни шагу. Уж лучше совсем босиком ходить, пусть даже и по колючкам.

О-нами бодренько поднялся, сделал пару-тройку быстрых и сильных движений, подхватил свою котомку и весело зашагал по еле видной тропке. Сашка побрёл следом, на ходу срывая ягоды рябины и морщась всеми складками лица и затылка, бо кислоющие были — страсть!

Идти пришлось довольно долго. Японец был словно на бесконечных батарейках. Всё пилил и пилил сквозь кусты и деревья, не снижая темпа. Сашка с трудом поспевал за ним и время от времени расспрашивал о местных порядках.

– Слушай, а чего это принц со своей коблкой напал на деревню?

– Как это чего? – удивился О-нами, – Он же принц! Ему по службе положено воевать, захватывать и грабить.

– Ни хрена себе, порядочки тут у вас!

– А ты думал? А что, у вас по-другому?

– Ну, в общем-то, тоже самое, только более цивилизованно, – вынужден был согласиться Сашка.

– Да везде так, – констатировал японец.

Сашка недоумённо потёр лоб:

– А почему мы от них удрали? Ты же целым морем управлять умеешь! Неужели не справился бы с этими отморозками?

– Ха! Конечно бы справился, но какой ценой! Твоя сам посуди: их ровно тысяча. Казалось бы, ерунда на постном масле. Но вот они выпускают тысячу стрел одновременно. Фигня, говоришь ты, и одним движением руки сметаешь всю тучу стрел. Но они снова пуляют. И так раз за разом. Ты отмахиваешься и попусту тратишь свою энергию. Причём заметь, стрел у них не меряно. Сзади всё подвозят и подвозят телеги, только заряжай. Ну, и что это за бой получится? Глупость, а не бой. Ты с ними справишься, только когда все стрелы на складе закончатся. А это слишком долго. Тут надо применить военную хитрость.

– Какую?

– А вот этого я ещё не придумал, – развёл руками О-нами, – Сдаётся мне, что не даром ты здесь объявился. Давай, брат, вместе соображать.

С этими словами японец нырнул в кусты и словно исчез. Сашка последовал за ним. За кустами обнаружился узкий проход между двумя каменными глыбами. Далее тропинка исчезала в тёмной норе, куда и запрыгнул О-нами.

Сашка пригнулся. Пришлось выставить руки вперёд, чтобы не наткнуться носом на что-нибудь твёрдое. Японец чиркнул кремнем и запалил небольшой факел. Нора постепенно вырастала в просторный тоннель. Потолка не было видно, но кто-то там явно шевелился. Хорошо, если просто летучие мыши. Сашка содрогнулся от сырости и от чего-то неясного.

Вскоре впереди показался свет. Это был выход из пещеры, за которым взору открылась уютная лужайка, со всех сторон окружённая скалами. Тут стоял весьма симпатичный домик, и росли миниатюрные деревья. В центре лужайки возвышалось некое сооружение, похожее на фонтанчик. В микробассейне плавали золотые рыбки.

– Добро пожаловать в моя хата! – добродушно пригласил О-нами и слегка поклонился.

– Штиблеты сымать?

– А как же! Только не вздумай мыть ноги в фонтане. Рыбок угробишь. Вон там за домом есть умывальник.

– Есть, командир!

– Валяй.

Японец уселся на пятки и, положив оба своих меча сбоку, снова откинулся то ли в медитацию, то ли в молитву.

Сашка уже в который раз поразился несколько вывихнутой японской мысли. «Умывальник» представлял собой обыкновенную деревянную колоду с выдолбленным в ней небольшим углублением. Колода эта лежала на берегу маленького ручейка, который протекал за домом и, по

всей видимости, питал фонтанчик и микробассейн. Совершенно непонятно было, зачем вообще понадобилось корячиться над этой деревяшкой, если можно просто умыться прямо в ручье?

Что Сашка и сделал. Свои закоксованные кроссовки он оставил под разлапистым лопухом. Уж тут то их никто не затопчет и не стырит. Хотя кому такая рвань теперь нужна?

Потом Сашка присоединился к японцу и приземлился на пятки рядышком. Сидеть в такой позе поначалу было неудобно. Но, немного поёрзав, Сашка уловил более-менее удобное положение и вперился взглядом в деревянно-бумажный переплёт двери дома.

Эдак они просидели довольно долго. Вскоре непривычная поза дала о себе знать ноющей болью в икрах и подъёмах ступней. Сашка уселся на задницу, вытянув ноги. Моментально тысячи мелких иголок помчались по ним в различных направлениях и, с каждой секундой, количество их возрастало в геометрической прогрессии.

Решив прилечь, Сашка чуть не взвыл от боли, охватившей икры при малейшем движении. Аж слёзы из глаз брызнули. Он замер в неловкой позе, боясь снова пошевелиться, и только усиленно засопел носом. Постепенно кусачие иголки растворились, но в дальнейшем Сашка решил больше не экспериментировать со всякими там «лотосами» и прочими восточными заковыристыми позами. Кто их знает. Может, у этих ребят вообще ноги по-другому устроены. Взять хотя бы йогов индийских. Те свои конечности в любой крендель завернут и хоть бы хны.

О-нами сделал глубокий вдох и открыл глаза.

– Моя ни хрена не придумал. А твоя?

– Моя тоже, – ответил Сашка.

– Кончай дразниться. Это я специально так разговариваю.

– А зачем?

– Чтобы соответствовать, – внушительно ответил О-нами, – Понятно?

– Угу, – ответил Сашка, хотя совершенно не понял, чему тот хотел соответствовать.

В желудке тоненько завыло и заскреблось.

– Пожрать бы. На пустое брюхо много не придумаешь.

– Твоя прав. Сейчас устроим, – бодренько подхватился япошка и метнулся внутрь дома.

Рыбки в бассейне повысовывали носы и смотрели на Сашку с явным интересом. Им ещё не приходилось видеть бледнолицего, да ещё такого странного — ни кимоно, ни меча. Словно оборванец какой-то. Наверное, и корма у него, скорее всего, нету. А потому рыбки, одна за другой, развернулись и стали докучать мирно дремавшему сому, чтобы тот покопался своими длиннющими усами в грунте и нарыл чего-нибудь съедобного. Сому это совершенно не понравилось. Он зловеще зашевелил усами и принялся гонять пузатых золотух по всему бассейну, учинив в рядах последних нешуточный переполох.

Сашка усмехнулся:

– Во дают! И эти дерутся. Ну и страна.

Солнце, тем временем, выкатилось из-за скал, но жарче от этого не стало. Прохладный воздух держался в этом круглом ущелье, как пробка в бутылке. Со стороны дома потянуло чем-то жареным и вкусным. Сашка только надеялся, что япошки, не в пример китайцам, не жрут всё, что шевелится. При мысли о жареных тараканах или каши из пиявок на душе становилось тошно.

Он уже хотел, было, войти в дом, но внезапно небо над головой потемнело, и сверху раздался резкий крик, похожий на вороний. Сашка машинально пригнулся, прикрыв голову руками, затем глянул наверх и похолодел. Опять эта страшная чернота с парой горящих красных глаз! Она стремительно приближалась, заполняя собою всё ущелье и не оставляя никакой надежды на спасение. Сашкино сознание поплыло куда-то вбок и вниз, придавливая тело к земле. В последний миг он заметил удивлённую физиономию японца в проёме двери, а потом тихо отключился.

ГЛАВА 15.

Ма-цзу и Байчжан молча сидели на крыльце и наблюдали за стрекозой.

– А-а-а! – оглушительно заорал Мац-зу прямо в ухо ученику.

– Учитель, я ведь уже прозрел, – удивился Байчжан.

– Блохи, – ответил коротко Мац-зу.

Сашка приоткрыл правый глаз. Темно. Вставать ещё очень рано, но уже не спится. Он бездумно разглядывал незатейливый рисунок обоев на стене. В памяти медленно угасали обрывки какого-то странного сна. Что-то про японцев. Через минуту он уже не помнил и этого. Леня было шевелиться. Он стал водить взглядом по линиям рисунка и вдруг подумал о самом процессе изготовления обоев. Как, интересно, они умудряются на каждом рулоне совершенно одинаково нашлёпать одно и то же? Хотя нет. Вот тут завитушка чуть короче, чем на соседнем узоре. А вот тут наоборот длиннее. Тьфу ты, глупости какие!

Он повернулся на другой бок и посмотрел на часы. Будильник показывал четыре утра и продолжал спать. До работы оставалось ещё три часа. Сашка нехотя поднялся. Шлёпанцы, гады, опять разбрелись по всей комнате. Один он выудил из-под кровати, чуть не вывихнув ногу, а второй почему-то оказался на телевизоре. Сашка в недоумении почесал затылок. А-а! Вспомнил. Это он вчера вечером гонялся за мухой и прихлопнул её как раз где-то в районе ящика.

Сашка поставил греться чайник и вышел на балкон. Ночи становились всё темнее, хотя до осени было ещё далеко. В сумраке всё казалось таинственным и совершенно не таким, как днём. Вообще странно было иногда думать о том, что этот мир всегда один и тот же. Ночью он выглядел совсем по-другому и воспринимался соответственно. Даже расстояния выглядели разными. Тьма сливала пространство в единый монолит, тогда как днём вещи становились отдельными. И, конечно же, во всех самых тёмных закоулках мерещилось нечто потустороннее.

Вот и сейчас Сашка пристально вглядывался в крону ближайшего тополя и не мог понять, что его так насторожило. Внезапно в глубине ветвей что-то тускло блеснуло. Вот опять! Ё...! Да это же чьи-то глаза! Сашка почувствовал, как мороз пробежал по коже. Глаза отражали далёкий свет фонаря и смотрели на Сашку неотрывно. Вот они немного приблизились. Принадлежали они явно не привидению, а человеку. Кому это взбрела в башку дурная идея лазать по деревьям ночью?

– Стёпка, ты? – хрипло спросил Сашка.

Тишина. Только глаза стали ещё ближе. Точно Стёпка. Вот дурак. Чуть не напугал нахрен! Однако что-то удерживало Сашку на месте. словно Стёпкин взгляд гипнотизировал и не давал просто развернуться и уйти. Внезапно Стёпка заговорил:

– Ты переступил врата. Обратного пути нет. Берегись тени. Она – это ты, но не совсем. И она гораздо могущественнее тебя. Следи за собой и всё подвергай сомнению. Иначе погибнешь!

– Чего-чего?

Глаза так же неожиданно исчезли и, сколько Сашка не вглядывался, но больше не смог разглядеть кого-либо среди ветвей. Тогда он сбегал в комнату и прихватил фонарик. На дереве никого не оказалось. Да и во всём дворе тоже. Только ветер тихонько шуршал листьями и чуть раскачивал ветки. Может, Стёпка успел спрыгнуть и убежать? Он ведь псих. Эти всё могут.

Сашка с досады плюнул вниз и пошлёпал на кухню пить кофе. Слова Стёпки навевали уныние, хотя ничего конкретного в них не было. От этого становилось ещё тоскливее. Какая тень? Какие такие долбаные врата? Ни в какие ворота он не лазал и не собирался даже. Чушь полная. Кого бояться-то? И надо ли вообще бояться? Но что-то в словах Стёпки было от безысходности. Сашка чувствовал это и потому обламывался.

Кружка крепкого кофе несколько поправила дело. Немного поразмыслив, Сашка пришёл к выводу, что всё это бред сумасшедшего и не стоит обращать на него внимания. На душе стало веселее. Он снова плюхнулся на кровать. Спать не хотелось совершенно. Сашка раскрыл книгу на загнутой странице и погрузился в загадочный мир Востока:

... Тхаганана – значит «вечный лжец». Он жил на востоке Индии, где из-за плохой кармы попал в одну из низших каст. Однажды он сидел на пне, соображая, что бы еще придумать. Мимо проходил, умудрённый опытом, монах и он спросил:

– Что ты тут делаешь?

– О, ваше преподобие, я не хочу говорить! – ответил Тхаганана.

– А ну-ка не ври! – сказал монах. – Соврешь, натворишь плохой кармы и переродишься в аду. Подсядешь на ложь, как на наркотик, и не найдётся дураков тебе верить. Потом у тебя начнет вонять изо рта и будешь нести одну чепуху. Но главный результат дожидается тебя в следующей жизни, когда язык твой будет подобен плугу в каменистом поле, производящем чахлые плоды.

Конечно, Тхаганана не представлял себе, что столько всего может выйти из его вранья. Послушав монаха, он испугался и сказал:

– О, ваше преподобие, меня зовут Тхаганана и я всегда вру. Я ещё не сказал правды и на сотую долю волоса. Что мне делать с тем, что я вру и вру?

– Медитировать будешь? – спросил монах.

– О, если бы ваше преподобие согласилось научить меня! Но, раз уж я всю жизнь немножко привирал, я, наверное, не смогу говорить много правды сразу.

– Успокойся, есть методы, где не обязательно это бросать, – сказал монах примирительно.

И просиявший Тхаганана устроился слушать Дхарму. Учитель дал Тхаганане посвящения, подходящие к его телесному сложению, уму и предрасположенностям. Он говорил, что как водой можно вымыть воду из уха, точно также можно лгать, чтобы не лгать. Потом предложил медитировать на то, что с самого начала нет ничего истинного. Эта медитация привела поток ума Тхагананы к полной зрелости. Суть же наставлений была такова:

– Все, что мы знаем – ложно. Все, что переживается, как шесть полей чувственного восприятия и шесть типов объектов – видимое, слышимое и так далее, – абсолютно не достоверно. Так медитируй на все это, как на полное надувательство.

*В этом мире, где появляются вещи,
Все существующее – ложно и ложно.
В самом деле, знание и объекты знания обманывают нас,
Шесть чувств и их объекты смеются над нами, где найти правду?
Так ты остаёшься среди бедствий Сансары.
Дитя, если ты не увидишь, что обман есть обман,
Ты будешь думать, что это – истинно,
И ты, как колесо в воде, снова и снова будешь исчезать в Сансаре.
Поэтому живо медитируй на ложность всего сущего,
На ложь слова и ложь физических форм.
Поняв сказанное, сосредоточься на лжи.*

Получив такие наставления, Тхаганана медитировал на ложность всех данных сознания. После семи лет занятий он действительно начал усматривать аспект ложности во всех появляющихся вещах; и он понял, что всё, существующее в мире, ложно. Поэтому он перестал относиться к вещам, как к реальности. Вновь появился учитель и сказал ему:

– Все вещи недействительны, даже в смысле ложности. По природе они совершенно пусты, не создаются и не разрушаются. Медитируй на это.

Так Тхаганана пришел к реализации. Он начал с мировоззрения и достиг сиддхи. Во всех направлениях он стал известен как гуру Тхаганана. Многим посчастливилось учиться у него, пока он в своем теле не ушел в ясный свет...

Сашка широко зевнул. До подъёма оставалось ещё часа полтора. А всё-таки ловко у этих ребят индусов получается — потрепался с Учителем, помедитировал двенадцать лет и хоп – ты уже Просветлённый. И делать, главное, ничего не требуется. Сиди себе на коврике и думай о какой-нибудь фиговине. Здорово!

Только что-то они лукавят. Не может всё быть так просто. Где-то в этих историях скрыта хитрость, которая пока от Сашки ускользала. Ну, и фиг с ней. Он повернулся на бок и решил доспать эти полтора часа. А то ведь как начнёт колбасить на работе, будешь, как сонная муха, на ровном месте спотыкаться. Через минуту он уже тихо сопел в обе носопырки и периодически жмурился, будто от яркого солнца. Ему снилось море...

Стёпка очень тихо слез с дерева. Он никуда не исчезал. Просто спрятался за широким стволом и затих. Лёгкой, почти скользящей походкой он направился в свою квартиру. Ему некого было опасаться. В этот ранний час почти все в доме спали и вряд ли кто его заметит. Бодрствовали только два человека. Это соседка Сашки Маринка, которая сохла по Тарелкину который год, и древняя старушка Семёновна, обитавшая в угловой квартире в северной части дома. У той была

обыкновенная старческая бессонница. Всё это Степан прекрасно видел внутренним взором, двигаясь совершенно бесшумно.

Лёгкая тень мелькнула в сумраке утра и скрылась за кустами в глубине двора. Степан замер. Показалось? Вряд ли. Ему давно уже ничего не кажется. Но кто бы это мог быть? Он внимательно взгляделся в темноту густых веток, словно хотел прожечь их своим взглядом. Странно, но на этот раз, похоже, именно показалось. За кустами никого не было, и Степан это знал наверняка. Он сделал резкий выпад в сторону зарослей. Тишина. Никакого движения. Ладно, поживём – увидим.

За всеми его телодвижениями внимательно следил кот Васька, сидевший на крыше Сашкиной машины. Он всегда подозревал, что Стёпка – не тот, за кого себя выдаёт. Глупые люди считают Стёпку дурачком, а он совсем не дурак. Далек-о-о не дурак. Прикидывается, хитрюга. Вот только непонятно, зачем это ему понадобилось. На халяву его всё равно никто не покормит и молока в блюдце не нальёт. Собаки от него сами шарахаются. Чего ещё для счастья надо? Нет, непонятно.

Степан неслышно проскользнул в свой подъезд. На лестнице пришлось остановиться и переждать, пока два бесплотных духа спорили, кому из них сегодня переться на кладбище на профсоюзное собрание. Степан прекрасно знал, что стоит ему приблизиться, как духи моментально разбегутся. Поэтому он спрятался за мусоропроводом и с любопытством прислушался.

– Чё за ботва, чувак? Я в прошлый раз ходил. Теперь ты давай.

– Так я ж не рублю ни фига, чё там говорить-то надо!

– А ни чё и не надо. Стой себе в общей кучке и поддакивай вместе со всеми.

– Э-э, а если спросят чё?

– Да кому ты там обосрался? Главное – присутствие, а остальное – фигня.

– Так, может, вообще не ходить?

– Нет, так нельзя. Если из профсоюза исключат, навечно останешься духом.

– Блин! Вот попадалово.

Духи ещё долго спорили и чуть не подрались. Степану пришлось вмешаться, иначе эта парочка проторчала бы тут до самого рассвета. Гулко стукнув по мусорке, он вышел из-за укрытия и мрачно угукнул. Духи в панике ломанулись сквозь стену, оставив на ней два чуть светящихся пятна серого цвета. Степан усмехнулся:

– Салабоны. Бывшие нарики, не иначе.

Дома он скинул мешковатую одежду, смыл грим и уселся за комп. В верхнем углу экрана мерцал фиолетово-голубой символ, похожий на хищную птицу в стремительном броске. Степан кликнул на нём. Появилось приглашение ввести пароль. Быстро набрав знакомую комбинацию, он откинулся в кресле и от души потянулся. Ходить целый день в полусогнутом состоянии не так-то просто.

Комп выдал затейливую трель и запустил программу распознавания. Степан почти два часа рылся в базе, связывался со сновидящими, но ничего не нашёл хотя бы близко похожего на объект из Сашкиных снов.

Было совершенно ясно, что это не плод Сашкиного воображения, а самый, что ни на есть, натуральный неорганик. Причём, довольно сильный. Сашку пока спасало только его подсознание, которое в случае опасности вырубало последнего довольно дубово. Хотя это и к лучшему. Была только во всём этом одна странность: непонятно, что вызвало этого неорганика из его мрачного мира? Уж конечно не жалкие Сашкины попытки заниматься медитацией или влияние его знакомого Алексея. Всё это лишь отражение давно начавшегося процесса, но найти его начало пока никак не удавалось.

Он задумчиво откинулся на спинку кресла, глядя в сумрак нового утра. Хороший парень этот Сашка. Жаль будет, если крыша у него слетит раньше времени. Как-то помочь ему пока не представляется возможным. Степан и так уже несколько раз нарушил маскировку. Пока это прокатывало, как выходки сумасшедшего, но дальше продолжать в том же духе было опасно.

Да и бестолково. Сашка довольно закаменелый во многих отношениях тип. Пробить его броню будет совсем не просто. Хотя это пока и не требуется. Эта закаменелость сейчас ему даже нужнее. Главное – чтобы к психиатру не зачастил. Если определят в дурку, то дело почти конченное. Среди тамошних обитателей найдётся немало «советников», которые за короткий срок захомутают Сашку в свою компанию.

На экране замигал тревожно черепок в красном кружочке. Степан кликнул по нему. Пришло сообщение из Питера от Каппы:

... «Может, я и ошибаюсь, но данный тип неорганики, похоже, не был вызван кем-либо намеренно. Есть большая вероятность, что это, так называемый, Дух Места, который как-то связан с домом или данной местностью. На всякий случай, попробуй узнать, не шабашили ли какие-нибудь чернокнижники-недоделки в ваших краях в последнее время. У них иногда случайно получается вызвать Нечто, от которого потом бегут сломя голову или просто не видят. Но это уже крайняк. По твоему описанию это не похоже на обычного Демона. Будет что-то новое – сообщу. Пока»...

Степан задумался. Дух Места. Это вполне может быть. Но как он нарисовался тут? Никаких оголтелых сатанистов здесь не появлялось. Это он знал наверняка. Были отдельные экземпляры, но они легко отслеживались и не представляли потенциальной угрозы. Нет. Всё это слишком просто выглядит. Объект не удаётся распознать именно в силу его чрезвычайной сложности и могущественности. А раз так, то остаётся только наблюдать. Если, конечно, получится.

Он встал, выключил комп и направился в ванную. Нет ничего лучше, как расслабиться в горячей воде и поваляться там часок-другой. Потом заварить крепкий матэ и размеренно потягивать его из небольшой калебасы. Сон, как рукой снимает. Но с горячей водой вышел облом. Не было её, хоть ты тресни. Степан усмехнулся:

– Индугирование – штука бесполезная, конечно, но сейчас самое время выругаться матом.

Пришлось довольствоваться холодным душем. Хотя и это неплохо бодрит. На кухне он удобно устроился в уютном закутке, между столом и мойкой и с наслаждением попивал индейский напиток.

– Мир – это не просто Тайна. Мир – это Ништяк!

ГЛАВА 16.

*Семеро монахов сидели кругом и пили зелёный чай.
Внезапно один из них не удержался и пустил газы.
Четверо поморщились, пятый дал ему в ухо, а
шестой сказал:*

– Ты выронил разум, Шеньсань, поздравляю.

– Ты считаешь, я прозрел?

– Это вряд ли. Но начало положено.

Просыпаясь утром, человек вряд ли предполагает, что этот день может стать для него последним. Если, конечно, он не смертельно болен. С тем же основанием он не ожидает каких-либо глобальных изменений в собственном образе жизни. Женитьба, поступление в ВУЗ, поход в армию и другие подобные вещи в расчет не берутся. Обычное, летнее утро, привычный набор действий: туалет, зарядка, кофе, торбочка с бутербродами и бегом на работу. Всё предельно просто и понятно. Скажи такому человеку, что сегодня его ожидает нечто экстраординарное он, скорее всего, не поверит. Хотя некоторые особо мнительные товарищи могут смутиться и начать старательно обходить всех чёрных кошек и судорожно отводить взгляд от треснутых зеркал.

Сашке в это утро никто и ни о чём подобном не намекал. Однако внутри у него, как только открыл глаза, появилось странное ощущение какой-то нереальности всего происходящего. Он не мог с уверенностью сказать, откуда взялось это чувство. Скорее это было похоже на некоторое неудобство внутри организма. Словно чего-то не хватало. А может наоборот – появилось что-то лишнее.

Некоторое время он полежал в постели просто так, не шевелясь и глядя бездумно в потолок. В углу комнаты небольшой паучок старательно чинил свои сети. Пара дохлых мух зависла в его тенетах, напоминая усопших индейцев, старательно развешанных соплеменниками на ветвях деревьев.

В открытую форточку доносились вопли пернатых и размеренное шорканье метёлки дворничихи. В памяти тускло всплывали обрывки снов, никак не желая оформиться в полноценную картину. Что-то такое мрачное возникало на краткий миг и тут же терялось в общей куче-мале. Сашка глубоко вздохнул. Что-то неприятно дёрнуло в рёбрах.

« – Опять, наверное, мышцу прищемил», – подумал Сашка.

Он медленно сел на кровати и оглядел комнату. Всё на своих привычных местах. Телевизор в углу, продавленное кресло у стены, шлёпанцы у балконной двери.

Сашка вспомнил, как ночью выходил на балкон и видел Стёпку на соседнем дереве. И чего этот придурок там делал? Хорошо ещё, что до балкона с дерева не допрыгнуть. А то пришлось бы решётки на окна ставить. Мало ли, что у этого увальня на уме. Да и есть ли у него вообще ум? Гы, да Гы – вот и весь сказ. Постой! Ведь ночью Степка опять про что-то там твердил. И, вроде как, вполне отчётливо. Хотя ничего конкретного Сашка вспомнить не смог. Осталось лишь некое тревожное ощущение и только.

– А, ну его в баню! – решительно выдохнул он и вылез из постели.

Наскоро позавтракав и закинув сумку на плечо, Сашка на минуту задержался в коридоре и внимательно осмотрел себя в зеркале. Немного бледноват, подстричься бы не помешало, а так вполне сносный субъект располагающей наружности. Он улыбнулся своему отражению, но улыбка вышла какой-то натянутой. Он повертел головой и так и эдак. Ладно, сойдёт для пролетария.

По лестнице спустился не торопясь. Да и куда было спешить? Под окном стоит тачка. До работы езды всего то пять минут. Успеется. Тем более, сегодня пятница. На носу выходные, а это уже заранее расслабляет. Так же не спеша он завёл машину, немного прогрел её и спокойно тронулся со двора.

Ему и в голову не пришло взглянуть в окно Стёпкиной квартиры, иначе бы он увидел полный сочувствия и сожаления взгляд последнего. Степан знал, что для Сашки сегодняшний день будет отнюдь не простым. Но вмешаться он не мог. Пока что не мог.

На работе Сашка трудился до самого обеда, как автомат. Закончив с подвеской древнего «Опея», он вытер руки ветошью, присел на скамеечку и бездумно уставился в мусорный бак. Вспомнилась взбалмошная девица на золотистой «восемьёре». Чего-то она тогда увидела за этим баком.

Потом вдруг припомнился дядечка в круглых очёчках – невропатолог. Может, сходить в аптеку? Чего-то на душе беспокойно стало. И хотя утренних приступов оцепенения больше не было, сами сны навевали какое-то смутное беспокойство.

Он подошёл к дяде Ване, поглощённому разборкой хитроумного датчика, который, как всегда, хрен найдёшь, и поэтому приходится изобретать нечто самопальное.

– Дядь Вань.

– Яволь, Шурик, чё хошь?

– Ты бы это, отпустил меня сегодня пораньше. Чё-то неможется в организме. Схожу в поликлинику, что ли.

– А! Так давай, конечно. О чём речь! Простыл, наверное?

– Может быть. Сам не знаю.

– Давай-давай, топай. Если чё – звони.

– Спасибо, дядь Вань.

– Да не за что. Иди, лечись.

Сашка сел за руль. А к кому идти то? Опять к невропатологу? Вряд ли. Он снами не заведует. К этому, как его, к психу? Стрёмно как-то. Ну, да ладно. Авось прорвёмся.

В поликлинике, как всегда, толпился нездоровый люд. Старичьё наполняло спёртый воздух запахом лекарств и прочими миазмами, в двух-трёх местах обязательно орала груднички, жалуясь на очередную дырку в заднице от укола, а по коридорам суетливо носились люди в белых халатах, создавая видимость больничных трудобудней.

У психиатра, однако, не было никого. Сашка даже подумал, что тот сегодня не принимает, но ошибся. Вежливо стукнув костяшками пальцев в дверь, он услышал такое же вежливое: «Войдите».

Врач оказался добродушным маленьким толстячком безо всякой растительности на пышущем здоровьем лице. Почему-то Сашка представлял себе, что психиатр должен быть с окладистой

бородой и непременно в пенсне. Врач бодренько так выскочил из-за стола и чуть ли не под руку подвёл и усадил Сашку на высокий стул.

– На что жалуетесь, уважаемый?

– Да вот, не знаю с чего и начать.

– А с самого начала и начните, – отчего-то хихикнул толстячок.

– Ну, в общем, заморочки начались с того, что иногда по утрам я не мог выбраться из постели. Я, как бы, проснулся, но пошевелиться не могу. Невропатолог сказал, что это я много кофе пью. А где ж много? Утром кружка и вечером кружка. Да в обед иногда. Разве ж это много? А потом мне стали сниться странные сны.

– Какие именно?

– А вот этого я не могу вспомнить. Только чувствую, что после них меня как-то плющит нехорошо.

– Ну, хорошее запоминание снов – это вообще редкость, – согласился дядечка, – Многие люди даже склонны утверждать, что совсем не видят снов, хотя это и не правда. Сны видят все, только помнят их плохо. Это характерное свойство сознания. Так что же вас конкретно беспокоит?

– Конкретно – ничего. Если б я знал, то и рассказал бы об этом.

– Ну-ну, не надо нервничать. Вот, скушайте конфетку.

– Спасибо, – буркнул Сашка и сунул леденец под язык.

– Значит, вы полагаете, что во сне с вами происходит что-то странное, но не можете сами распознать, что конкретно. Может быть, кошмары? Или что-то эротическое? Вы, кстати, женаты?

– Нет, не женат. И ни кошмары, ни порнуха мне не снятся.

– Уверены?

– Точно.

– Позвольте, но ведь вы только что сказали, что не помните содержания своих снов.

Сашка растерялся. Ишь ты! Как ловко этот толстячок его подловил. Надо держать с ним ухо остро.

– Не знаю я, как объяснить. Но чувствую, что ни то и не другое.

– Чувства могут нас порой обманывать. Вот что вы ощущаете сразу после сна?

– Будто внутри у меня образовался какой-то бардак, хотя ничего и не болит.

– Ага! Вот видите! Стало быть, ваши сновидения содержат некий негативный элемент, который влияет на вашу соматику.

– На что влияет?

– Физиологические ощущения, но это не важно. Не хотите ли испытать гипноз? Мы можем попытаться выяснить, кто или что появляется в ваших снах и постараться с этим справиться. Ну, как?

– Стрёмно как-то, – засомневался Сашка.

– Не бойтесь. Это проверенная методика. Никаких побочных эффектов. Считайте, что это обычный сон, в котором я буду вас сопровождать. В случае появления каких-либо неприятных или устрашающих образов я сразу же разбужу вас, и всё будет окей. Идёт?

Сашка пребывал в некоторой растерянности. Про гипноз он, конечно же, слышал, но не предполагал, что это дело когда-нибудь будут испытывать на нём самом. По ящику он как-то видел выступление одного гипнотизёра. Тот усыпил на сцене сразу человек двадцать. Они потом делали всё, что он им приказывал: плавали, пилили дрова, декламировали стихи и множество других подобных глупостей.

Тогда у Сашки закралось подозрение, что всё это подстава. Людей заранее подговорили, может даже денег сунули. Не зря ведь пишут в газетах, что в стране до фига развелось этих жуликов-гипнотизёров, которые облапошивают доверчивых граждан и собирают невиданные бабки.

Но перед ним же сейчас настоящий врач. Вряд ли он станет изгаляться над своими пациентами. Кто ж потом к нему придёт снова? Да и выгонят нахрен из лекарни за такие шуточки в два счета.

Сашка глубоко вздохнул и сказал:

– Хорошо, я согласен. Только если чего вы уж меня сразу будите. Не то, чтобы я чего-то боялся, но как-то немного стрёмно.

– Конечно-конечно! О чём речь. Не волнуйтесь. Всё пойдёт, как по маслу, уверяю вас. Метод давно испытанный и осечек практически не даёт. Заодно узнаете получше, что вам снится. Смеею заверить, что после сеанса вы будете отчётливо помнить весь процесс, в отличие от обычного сна. Ведь это любопытно, не правда ли?

– Д-да, наверное, – неуверенно ответил Сашка.

– Ну, хорошо. Вот, прилягте на этот диванчик и попытайтесь расслабиться.

Сашка улёгся на пухлый дерматиновый диван и закрыл глаза. Доктор присел рядом, слегка прокашлялся и вкрадчивым голосом стал произносить слова внушения.

Вначале Сашка ничего не почувствовал и хотел, было, открыть глаза. Но это у него не получилось. Более того, всё тело внезапно налилось знакомой тяжестью и оцепенением. Так что теперь он при всём желании не смог бы сбежать из кабинета. А доктор всё говорил и говорил, погружая Сашку в некую вязкую темноту, в которой ощущалось нечто тревожное и гнетущее.

Вскоре голос доктора отодвинулся куда-то далеко-далеко, словно звучал из маленького приёмничка, лежащего под подушкой. Сашка уже не мог разобрать слов. Только некий писк в правом ухе. Этот писк медленно перемещался через центр головы и через минуту звучал уже в левом ухе. При этом Сашка чувствовал, как его самого тащит за этим звуком то вправо, то влево. Словно маятник в больших, напольных часах.

Внезапно всё стихло. Писк превратился в еле слышное шелестение, которое скорее угадывалось, чем ощущалось. Перед носом замелькали тысячи очень мелких светящихся мушек. Они носились во всех направлениях, чуть освещая непроглядную темноту.

Сашка несколько раз моргнул. Картина немного прояснилась. Он увидел, что находится в длинном, узком коридоре. Оба конца его терялись в сумраке и намекали на явную бесконечность. От этого Сашке стало совсем неуютно. Вспомнилось нечто похожее, когда ставишь два зеркала друг напротив друга.

Мельтешашие мушки рассосались. Пространство коридора освещалось тусклым светом. Сашка потрогал стены. На ощупь они казались влажными и очень холодными. Словно были покрыты жидким льдом. Почему-то появилась странная уверенность, что при желании эти стенки можно проткнуть руками. Только делать этого совсем не хотелось.

Сашка постоял некоторое время на месте, соображая, чем заняться. Пойти что ли в какую-нибудь сторону? Всё лучше, чем стоять на месте. Выбирать направление долго не пришлось, куда смотрел, туда и потопал.

Идти пришлось очень долго. По ощущениям Сашка пилил уже часа три-четыре. За всё это время в облике коридора ничего не изменилось. Только в одном месте он увидел на стене под самым потолком что-то продолговатое. Присмотревшись внимательно, он понял, что это куколка какой-то бабочки, скрученная в тугое веретено и прихваченная несколькими нитями к стене.

Кто-то внутри куколки шевелился, и Сашке вовсе не хотелось увидеть этого кого-то. Почему-то появился неосознанный страх. Куколка казалась одновременно очень маленькой и в то же самое время неизмеримо громадной и жуткой. Сашка прибавил шагу, стараясь не бежать, но как можно скорее уйти подальше от странного насекомого.

Он уже шёл, казалось, целые сутки. Ничего нового в коридоре не появлялось. Страх и растерянность давно улетучились. Сашка шёл совершенно бездумно, переставляя ноги, как автомат. Усталости совсем не чувствовалось. Краем сознания Сашка это понимал, но ничуть не удивлялся. В голове было пусто. Ни мыслей, ни желаний. От этого было так хорошо, что хотелось только идти и идти себе потихоньку всю оставшуюся жизнь.

На лице у Сашки блуждала едва заметная улыбка. Он даже не помнил, что зовут его Сашка. Взгляд его был устремлён в глубину коридора, проникая в невидимую даль и ничего, совершенно ничего не выражая. Будто два прожектора работали на холостом ходу, не принося своему хозяину никакой полезной информации.

Так же бездумно Сашка остановился. Он не смог бы сказать, почему он это сделал. Не было никакой причины. Просто встал и всё.

Продолжая глядеть в необъятную пустоту, он прислушался. На границе предела слышимости он уловил некий пульсирующий звук. Словно тикали очень маленькие часы. Звук этот, однако, стал очень быстро нарастать и вскоре напоминал глухие и очень тяжёлые удары чего-то огромного по стенам. Да и сами стены начали противно дрожать, отчего Сашке стало дурно.

Звук ударов становился всё громче. Внезапно коридор мгновенно расширился. Стены резко отодвинулись в стороны и исчезли в мутном тумане. От грохота Сашка почти оглох. Он зажал ладонями уши, но это мало помогало. Гремело в самой Сашкиной голове. Но это ещё можно было

терпеть. Хуже всего было то, что на Сашку неумолимо наваливался дикий ужас, поднимая дыбом волосы на загривке и сжимая ледяными клещами внутренности.

Причина этого гиперужаса не заставила себя долго ждать. Из клубящегося бурого марева выпорхнула знакомая чёрная тень с красными горящими глазами. Мгновенно она заполнила собою всё пространство. Гулкий грохот, который Сашка слышал прежде, происходил от ударов громадных крыльев этой тени. Свирепо горящие глаза резко приблизились, накрыв всё пространство полыхающими языками огня. От нестерпимого жара, казалось, плавился сам воздух.

Но Сашка уже этого не чувствовал. За мгновение перед тем, как ужасная тень угрожающе приблизилась, он уже выпал в осадок, потеряв всякие признаки сознания. Осталась стоять только его жалкая оболочка, которой всё равно деваться было некуда. В глазах этой оболочки застыл недоумённый и печальный взгляд. Это длилось всего лишь мгновение, а потом то, что было когда-то Сашкой, поглотила чернота, смачно при этом чавкнув.

* * *

... – Держите руки, руки держите! Убьётся ведь!

– Да держим мы.

– Трифтазин, три кубика, быстрее!

– Да куда колоть то? Судорога у него, мышцы словно камень! Иглу сломаем.

– Всё равно колите!

Над Сашкой колдовали трое: хирург из соседнего кабинета, могучая медсестра с пачкой больничных карт в пухлом кармане и сам психиатр, который с трудом удерживал трясущуюся Сашкину голову и отдавал команды.

Вид у доктора был весьма бледный, но не растерянный, а очень даже сосредоточенный. За внешней мягкостью скрывалась довольно решительная натура. Как только с пациентом случился этот странный приступ, он тут же подскочил к Сашке и схватил его сзади, пока на крики не прибежали хирург и медсестра. Они с трудом придавили Сашку к дивану, удерживая последнего от попыток расплющиться об стены и другие твёрдые предметы. Это было не легко. Совсем не легко. Руки у доктора немного дрожали, поэтому укол он попросил сделать хирурга. Тот долго возился с ампулой, а потом никак не решался уколоть задеревеневшего Сашку. Наконец, ткнув иглой в сгиб локтя, ему удалось ввести лекарство.

Сашка дёрнулся ещё несколько раз, напуская пены изо рта и затих. Доктора перевели дух, а медсестра сокрушённо покачала головой и с жалостью в голосе произнесла:

– Эх тебя разобрало, родимый. Что, алкаш? – спросила она у психиатра.

– Если бы, – устало ответил тот, – Похоже, дело совсем дрянь. Что-то у него с мозгами не в порядке. Жаль парня. А на вид совсем здоровый молодой человек. Да-а-а... Не берегут они себя. Хотя о диагнозе пока рано говорить. Что ж, придётся звонить в больницу.

Через час приехала скорая, и спящего Сашку отвезли в малопривычное заведение бледно-розового цвета с решётками на окнах, плечистыми санитарями и весьма колоритными пациентами. Сие заведение всем было известно под коротким и ёмким названием – дурка.

ГЛАВА 17.

Бодхидхарма и Хуэйкэ поехали на великах на рыбалку. У развилки дорог они остановились, и Хуэйкэ спросил:

– Куда дальше, Учитель?

– Назад!

– ???

– Это уже не рыбалка, а сплошной дуализм, чтоб его!

Пустыня. Такая безмолвная и бесконечная, будто и нет больше другого мира. И абсолютно ровная. Ни бугорка, ни холмика. Странно, обычно в пустыне должны быть барханы, колючки там всякие и ящерицы, но здесь ничего. Один лишь песок. Тёмный и прохладный. От него веет чем-то мрачным и бесконечно тоскливым. Если начинаешь идти, то кажется, будто и вовсе не двигаешься с места, так как вокруг ничего не меняется. Даже следов сзади не остаётся. А ещё это безжизненное небо ярко-синего цвета. Оно словно нарисованное. Очень близкое и оттого страшное. Невыносимая тяжесть его словно прижимает к песку и лишает сил. Ничего не хочется. Ни идти, ни думать. Только лежать лицом вниз и не шевелиться.

Сашка не помнил, как тут оказался. Он даже не помнил, что зовут его Сашкой. В памяти мелькали несвязные картинки из чьей-то жизни, не говоря ему ни о чём. Его словно не было. Так, бесхозный призрак без образа и без имени. Даже эта мрачная пустыня не рождала в его сознании соответствующих чувств и эмоций, которые назывались страхом, тоской или отчаянием. Это были пустые слова, не имеющие смысла. Он не чувствовал ровным счётом ничего. Только осознание, что он есть и всё. А кто он, зачем здесь – не имеет значения. Стоишь ты, идёшь или лежишь, уткнувшись носом в песок – всё едино.

Так он и лежал неизвестно сколько времени. И неизвестно, сколько бы ещё пролежал без единого движения, если бы на самом краю сознания не возник едва уловимый шорох. Тот, кто был когда-то Сашкой, вначале не придал шороху никакого значения. Пусть себе шуршит – не жалко. Но шорох медленно приближался, нарастая по громкости.

Он перевернулся на спину и упёрся пустым взглядом в мёртвое небо. В поле зрения плавно всплыла огромная белая простыня. Она летела на небольшой высоте и всё время то комкалась, то расправлялась, производя непрерывный шорох. От этого её дерганого движения неудержимо затошнило. Он попытался снова перевернуться на живот, но что-то его удерживало. Руки и ноги словно цепями прихватило к земле, лишая какой бы то ни было возможности пошевелиться. К горлу подкатил противный удушливый комок, а потом всё вокруг взорвалось, выворачивая внутренности наизнанку. Свет погас...

– Сестра! Сестра! Опять новенький обделался!

– Эдак захлебнётся, ведь, а на нас потом свалят, – заскулил маленький мужичок.

– Никто на тебя валить не собирается, – веско возразил крупный дядька лет пятидесяти с пушистыми усами, – Ты ж даже до кровати сам не допрыгнешь.

– А вот и допрыгну! А вот и допрыгну! – затараторил мужичок, – Мне б только разбегу взять побольше. Вот, если бы от Москвы начать разбегаться, то как раз хватило бы!

– Ишь, загнул! Кто ж тебя в Москву отпустит? Дурак ты, Кешка!

– Сам дурак! – обиделся мужичок.

– Конечно дурак, иначе не торчал бы тут, – согласился Дед. Так звали этого усатого.

На том разговор и закончился. Пришла сестра и утёрла заблёванного Сашку серым полотенцем. Затем немного ослабила жгуты и повернула его на бок.

Сашка тяжело дышал, хлюпая носом и беззвучно шевеля губами. Зрачки за закрытыми веками стремительно носились из стороны в сторону, словно он читал во сне книгу.

Сестра покачала головой и решила, что бельё пока менять бесполезно. Этого малого ещё будет рвать, пока лекарство всё не выйдет. Что и говорить, перестарались в поликлинике с дозой. Куда ж им! Только градусники ставить и умеют. Костоправы недоделанные.

Усатый и Кешка толклись возле кровати новенького и с любопытством заглядывали через плечо медсестры. При этом они громко перешёптывались. Сестра, которую звали Анна Ильинична, шикнула на них строго и погрозила пальцем:

– А ну, живо рассосались по койкам! Отбой для кого был?

– Не, мы ничего. Помочь вот хотели, – смутился Дед.

– Точно, точно! Помочь там, туда-сюда, в общем, хотели да! – быстро проговорил Кешка.

– Идите уж, помощники, без вас управлюсь.

Остальная публика уже давно спала, так как было два часа ночи. Дед и Кешка оказались с новеньким соседями по койкам, и обоих разбудил его сдавленный хрип. Когда медсестра ушла, они ещё долго тихо шептались, о чём-то споря.

Кешка боязливо косился на новенького, заглядывая ему в лицо и пытаясь понять: спит тот или прикидывается. Спорили они с Дедом о профессии парня. Дед полагал, что тот очередной косарь, как и их Боец. А Кешка отрицательно вертел головой в разные стороны и утверждал, что из армейского возраста парень давно уже вышел.

– Да ты, Кешка, тормоз. Натуральный ручник!

– Это, ещё, почему это? – обиделся Кешка.

– Ты видишь у этого субъекта седую бороду? Или дембельскую парадку? А может, ты его военник разглядывал с печатью об увольнении в запас?

– Ни хрена я не видел! Но этот гораздо старше Бойца.

– А может, он студент-второгодник? В армию, знаешь ли, могут и до 27 лет забрать.

– Ну, не знаю! Только если он и косит, то уж больно взаправду. Ишь, ублевался как!

– Фигня! Может, гадости какой наглотался, вот и глючит. Ладно, спать давай. Утром поглядим.

На утро в сумасшедшем доме творился форменный бардак. Разнокалиберные пациенты шумели в ожидании лекарств, завтрака, утренней прогулки и прочей больничной радости, изобретая новые глюки и борясь со старыми.

В палате, куда поместили Сашку, обитало ещё, по крайней мере, около десятка человек. Если приглядеться, то конкретно пристукнутыми были, пожалуй, лишь трое из них. Самый тихий пациент практически всегда занимал горизонтальное положение, лёжа в своей койке. Его так и звали – Репа, потому что он был «овощ».

Другой товарищ стильно отличался от остальных формой головы. Она у него была на самом деле квадратная. И большая. Сам человек был худосочен и мал ростом. Видимо, всё в голову и ушло. Однако сие геометрическое отклонение было ему совсем не на пользу. Все звали человека Кубиком.

Любимым делом Кубика было брожение по палате и коридору исключительно по прямым линиям, и сворачивал он куда-нибудь только под прямым углом. Даже макароны он ел, предварительно согнув их по пластмассовому угольнику со скруглёнными краями (это, чтобы в глаз кому-нибудь не засандалил). Среди больных муссировались слухи, что Кубик и гадит тоже уголками, но проверить это пока никак не удавалось.

Третий псих имел неприглядную кличку Могила. А всё потому, что он постоянно был угрюм, носил исключительно чёрную одежду и длинные чёрные волосы. Он очень любил рассуждать о смерти и покойниках, а когда впадал в глюк, то сам мнил себя трупом, предлагая всем понюхать свою руку и утверждая, что она пахнет могилой. Потом он ложился на койку, складывал руки на груди и старался дышать совсем незаметно. Чтобы соответствовать. Ему не верили, и от этого он становился ещё угрюмее.

Остальная публика особой шизанутостью не отличалась. Ну, разве что, в периоды кризисов, да в полнолуние. Хотя пошуметь любили все. Кроме Репы, разумеется. А раз в палату прибыл новенький, то оставить без внимания сей предмет было просто верхом глупости.

Поэтому, немного пошумев для приличия, больные закинулись своими таблетками и сгрудились возле Сашкиной койки. Тот продолжал валяться без сознания и приходить в него явно не торопился. До завтрака оставалось ещё пятнадцать минут.

– Смори! Смори, смори, смори! Смори, смори! Смори, смори, смори, смори, смори... – затараторил Кешка.

– Цыц! – приструнил его Дед, – Чего загалдел?

– У него глаз дёргается!

– Ещё бы он не дёргался, – съязвил Дед, – Он же псих!

На лице у Деда отобразилось сострадание. Нет, на косаря парень явно не похож. Не салабон какой-нибудь. Да и не студент вшивый. Вона руки какие мозолистые. Сразу видать – работяга. Может, дряни бодяжной выпил, вот и мается родимый. Дед сурово одёрнул Кешку, когда тот стал без тени смущения тормозить новенького, пытаясь разбудить.

– А ну, сгинь! Не мешай человеку в себя приходиться.

– Дык, я ж помочь хотел, – заскулил Кешка.

– Иди лучше Кубику помощи. Вон, опять башкой в косяк упёрся. Сдвинь его на метр в сторону.

– Ладно! – бойко подхватился Кешка и кинулся выручать буксующего Кубика. Помогать он любил и делал это всегда искренне.

К любопытствующим подошёл вразвалочку местный авторитет Вован. Этот был явно не псих и обретался тут «исключительно за канкретные бабки, типа прячась от лохов поделельников, которых он, чиста канкретна кинул на не хилую кучу бабла, и всё такое...».

И хоть любил Вован иногда растопырить пальцы и прогнать какую-нибудь телегу про своё боевое прошлое «чиста по бизнесу», но на деле был вполне нормальным пацаном и, что удивительно, совсем не жмот. При случае он частенько угощал своих «сокамерников» всевозможными деликатесами, которые ему щедро доставляли прямо в коробках кореша с воли.

Вован почесал обширную грудь, наклонил голову на один бок, на другой, как бы примериваясь, и вынес свой вердикт:

– Короче, братва, новенького не обижать, носки на морду не класть, «велосипеда» не устраивать! Когда прочухается, тогда и прикинем, чё почём. В натуре.

Никто из психов спорить не стал. А тут и время завтрака подошло, и расторопная медсестра Анна Ильинична быстро погнала весь контингент в столовку. Репа кормился автономно, а Сашке пища пока не требовалась.

На завтрак было овощное рагу и компот. Пациенты относились к пище по-разному. Кто-то привередничал и выковыривал из тарелки несуществующий лук, кто-то размазывал блюдо по физиономии, и не только по своей собственной, а кто-то наоборот усиленно молот челюстями, словно от этого рагу зависела вся остальная жизнь.

Компот нравился всем. Поэтому у раздачи вскоре выстроилась целая очередь со стаканами. Добродушная повариха тётя Маша щедро плескала в них добавку, жалостливо приговаривая:

– Пейте, мои хорошие, дай вам Бог здоровья.

– И ты, тётка Маша, не болеей! – улыбаясь в усы, пророкотал Дед и подмигнул одним глазом.

В душе он всегда мечтал о такой супруге – доброй, ласковой и увесистой. И чтоб готовить хорошо умела. Повариха зарделась пухлыми щеками и шутливо стукнула поварёшкой Деду в лоб.

– Топай уж, прапорщик!

– Да какой же я теперь прапор? Я ж ненормальный!

– Одно другому не мешает, – рассудительно ответила тётка Маша, – На-ка тебе пирожок.

– Вот спасибо! Это я страсть как люблю. Всю жизнь только твои пирожки бы и ел.

– Иди, иди, не смущай женщину.

За столиком Кешка внимательно рассматривал содержимое своей тарелки, так и не попробовав ничего. Только компот выдул одним махом. Взгляд из-под насупленных бровей был суров и непримирим. Напротив Кешки сидел Петруха – профессиональный алкаш – и на полном серьёзе подначивал:

– Ты чё, молишься?

– Нет, – коротко ответил Кешка, стараясь не отвлекаться.

– А чё тогда? Чёртики бегают?

– Это у тебя «белка», – огрызнулся Кешка, – А я думаю!

– Ду-у-умаешь? – протянул Петруха, – Да ты гонишь, наверное.

– Не веришь, не надо.

– Да верю я, верю. А о чём можно в тарелке думать?

– А-а-а, – хитро прищурился Кешка, – Ты вот рагу слопал и не подавился даже.

– Хы! А чё им давиться то? Нормальная жратва. Я, бывало, и не такой дрянью закусывал.

Кешка укоризненно покачал головой. Ну, что с пьяницы возьмёшь! Неужели кроме него, Кешки, никто и никогда не задумывался, из чего сделано это рагу, а?

– Я думаю, – сказал он, подняв к виску указательный палец, – Что это блюдо настругали из «овощей».

– Хы! Понятно дело – не из колбасы!

– Я имею в виду Репу и таких, как он.

– Чё?! Да ты опух что ли? На кой хрен их кто-то будет стругать? Мы чё, каннибалы, что ли какие?

– Не знаю, не знаю, – медленно протянул Кешка и подозрительно оглянулся по сторонам, – Да только сдаётся мне, что не зря Репу и других, таких же, обозвали овощами.

– Ну ты и тормоз, Кешка! Хы! Во придумал! А компот, по-твоему, из ихних какашек наварен?

Кешка не успел ответить, так как его неудержимо затошнило, и он умчался в туалет. А Петруха только пожал плечами и стал невозмутимо поглощать Кешкину порцию. Чего зря добру пропадать?

Он вообще за последние пятнадцать лет только в дурке нормально и питался. Его б воля, он бы тут на постоянку остался. Но вот с выпивкой здесь строго, а выпить порой хотелось до дури. Поэтому Петруха периодически менял среду обитания. И как только по его квартире начинали бегать черти с «калашами» наперевес, он надевал всё чистое и топал в дурку. Все знали: если Петруха в чистом, значит у него «белка». Своё настоящее имя он почти не помнил. Петрухой его назвали из-за того, что по-пьяни он часто приставал ко всем с одной и той же глупостью:

«Гюльчатай, открой личико». За что бывал часто бит. Особенно, когда вопрос задавался мужскому населению планеты.

После завтрака пациентов выпустили во внутренний двор больницы для насыщения кислородом и прочими воздушными процедурами. Первым из дверей, как водится, выскочил пулей Боец. С кувырком через голову он слетел со ступеней небольшой лестницы и зигзагами помчался по двору, прячась за кустами и преодолевая «огневую» полосу на животе.

Боец косил от армии и прикидывался опытным спецназовцем. Отчего часто бывал весь в синяках и ссадинах. Для боевой раскраски физиономии он использовал гуталин и зелёнку. Получалось довольно зверски. Более мирных психов пугала его безбашенная «войнушка», и они старались не попадаться на пути неугомонного Бойца.

Вот и сейчас он с диким воплем атаковал мусорные бачки в углу двора и стал молотить по ним кулаками, производя немыслимый шум. Пришлось двум крепким санитарам слегка встряхнуть его и дать более мирное «задание» – метёлкой собрать опавшие листья в кучки и затем доложить «командованию» о проделанной работе. Боец смирился, сказав, что на войне любая работа почётна и стал расторопно шуршать веником.

День выдался солнечным и почти безветренным. Листья на деревьях понемногу готовились к осени и кое-где уже слегка пожелтели или даже покраснели. В воздухе всё ещё пахло летом, но уже проскакивали лёгкие ароматы преющей травы и грибов.

На территории больницы росли исключительно поганки. Дабы неразумные пациенты не воспользовались этими «дарами» леса, санитарам приходилось делать периодические зачистки.

На высоких тополях парка всегда тусовались вороны. С каждым годом их поголовье всё увеличивалось, появлялись новые гнёзда. На пациентов клиники они практически не обращали внимания и совсем не боялись. Бывало, вороны бродили среди больных почти у самых ног, собирая стройматериалы для гнёзд и нисколько не смущаясь, когда кто-нибудь из пациентов тянулся, чтобы их погладить.

Это всегда немного озадачивало главврача больницы Владимира Николаевича Громова. Он часто наблюдал за больными из окна своего кабинета и не мог понять, чем обусловлено такое отношение животных к пациентам. Про кошек и говорить не приходится! Те так вообще бродили по территории больницы стаями и льнули к людям. Причём здесь они практически не дрались с воронами, словно соблюдали некое негласное перемирие.

Пациенты любили своего главврача. Он был строг, но справедлив. Чего не скажешь о его правой руке – заведующей отделением Эльзе Адольфовне по фамилии Шлихтен. Немка до мозга костей, она выглядела словно классический вариант надзирателя из концлагеря – тощая, высокая, в круглых очках и в строгом шерстяном костюме типа френча. Для полной картины не хватало плётки или, на худой конец, хлыстика. Правда в помещении она всегда надевала сверху белый халат, но от этого мало менялась. Пациенты её не то, чтобы не любили. Они её просто боялись, так как именно она отдавала распоряжения на различные процедуры, многие из которых были не самыми приятными.

И когда часа через полтора двери центрального корпуса распахнулись, и на пороге появилась фрау Шлихтен, по кучкам больных пронёсся унылый вздох. Настало время экзекуций. В такие моменты многие пациенты даже чуть-чуть завидовали всевозможным Репам и Капустам. Им эти процедуры были до задницы. Всё равно ни хрена не чувствуют и вряд ли сообщают.

Больше других боялся процедур Боец. Он хоть и храбрился и делал отсутствующую физиономию, но всегда опасался, что после «шокера» или внушительной дозы нейролептиков на самом деле слетит с катушек, и тогда будет полный даун. Это, пожалуй, похуже армейки.

Санитары подгоняли буксующих и выуживали прячущихся по кустам больных, снаряжая самых непослушных лёгкими пинками под зад. В отличие от многих, Кешка любил процедуры. После них он чувствовал себя спокойнее. Поэтому часто становился в очереди за таблетками сразу же за Бойцом, потому что тот украдкой отдавал ему свои лекарства.

Владимир Николаевич отвернулся от окна и надел свежий халат. Нужно было проведать нового пациента. Что-то уж долго тот не приходит в сознание. Странный тип. Весьма странный.

ГЛАВА 18.

– Три! – сказал Ифу.

– Рупь! – ответил Пуцзы.

– Я есмь!

– Шо це таке?

Пришёл Шенсю и навалял бездельникам по шее:

– А ну, марш навоз месить, мудрецы недоделанные!

– О, Сашка-сан, здорово! Давай, давай, заходи. Ты куда исчез?

– Привет, О-нами. Как сам?

– Моя ништяк! А твоя как?

– Моя совсем потерялся, – вздохнул Сашка.

– Как это?

– Сам не знаю. Только не помню я, что со мной происходило за последние пару дней. Это как в том фильме: «тут помню, а тут не помню».

– Что такая «фильма»?

– Ах да, извини. Это такая история в картинках.

– Истории моя любить!

Сашка уселся на циновке и бездумно уставился в угол комнаты. Японец почувствовал, что с его товарищем что-то неладно и заметно обеспокоился. Подхватив полы обширного кимоно, он тоже уселся рядом и стал смотреть в угол.

– Твоя там чего видать?

– Ни-хре-на, – по слогам ответил Сашка.

– И моя – ни хрена. Давай, рассказывай, чего помнишь.

И Сашка стал по кусочкам вспоминать и пересказывать японцу всё, что только смог выудить из своей заклинившей памяти:

– Последнее, что я хорошо помню – это как я у тебя на заднем дворе в ручье умывался. Фонтанчик твой прикольный помню...

– Что такое – прикольный?

– Ну, короче, замечательный.

– А-а-а, это да. Это правильно! Давай дальше.

– А дальше – одни обрывки. Что-то случилось со мной. Что-то совсем нехорошее. Темнота какая-то и эти страшные глаза. Бр-р-р-р! Словно насквозь прожигают. Потом ещё звук такой странный. Будто большая птица крыльями хлопает. Хлоп, хлоп, хлоп... Всё громче и громче. А потом – бах! И я в осадке. Больше ничего.

Японец задумчиво почесал иссиня-чёрный затылок.

– Мда-а-а... А ещё чего-нибудь помнишь?

– Говорю же, ни-хре-на! Хотя нет, постой. Ещё была пустыня!

– Какая пустыня? – насторожился О-нами.

– Да так, самая обыкновенная. Вроде бы.

– Нет уж, приятеля, ты давай хорошо вспоминай. Это важно!

Сашка пожал плечами. И чего это японец так разволновался? Он потёр лоб ладонью и прикрыл глаза. Буквально сразу, словно на экране телевизора, перед внутренним взором замелькали чёрно-белые картинки. Вот он идёт по тёмному песку, пустыня ровная и безжизненная, низкое небо давит на плечи. Картинка дёргается, словно плёнка в кинопроекторе скачет. Постепенно появляется цвет. Он какой-то ядовитый. Вот Сашка уже лежит на песке. Да Сашка ли это? Какой-то сильно похудевший субъект, только отдалённо напоминающий его самого. Как больно давит небо! Его затрясло.

Сашка застонал и с трудом разлепил веки. Сильно побледневший японец тряс его за плечи и хлестал по щекам.

– Сашка-сан! Сашка-сан! Очнись, пожалуйста! Давай, давай!

Сашка обвёл мутным взглядом жилище японца. Предметы выплывали, как из тумана. Он потряс головой и сел по-турецки.

– Что случилось?

– Твоя совсем плохой, – расстроился О-нами, – Чуть опять не исчез. Ты колдун?

– Нет, что ты.

– Мда-а-а... Тогда ещё хуже. Я видел, куда ты попал. Это плохое место.

– Что ты о нём знаешь? Расскажи, пожалуйста.

О-нами нахмурил кустистые брови и посмотрел на Сашку искоса. Потом он молча встал и вышел из дома. Сашка последовал за ним. Японец мерил пространство дворика широкими шагами и периодически бросал на друга оценивающий взгляд. Иногда он резко подходил почти вплотную и долго всматривался в Сашкины глаза, словно хотел найти в них какой-то ответ. Потом рывком разворачивался и снова начинал маршировать по двору. Наконец, он резко остановился и указал на Сашку пальцем. Вид при этом у него был весьма грозный.

– Твоя – колдун! Хоть ты это и не знаешь.

Сашка весь как-то сник. Ну, вот ещё. Теперь колдуном обзвали. Да с какого перепугу?

Японец скрестил руки на груди и откровенно любовался произведённым эффектом. Только друг его что-то совсем не рад. О-нами подтянул спадавший пояс, брякнув мечами, принял весьма важный вид и произнёс:

– Не расстраивайся. Теперь у тебя будет другое имя, друг мой. К тому же, ты всё равно не помнишь ничего из своей прошлой жизни. Разве не так?

И тут Сашка с ужасом осознал, что японец прав на все сто: он не помнил не только события последних двух дней, но и большую часть своей прежней жизни. Вот почему его имя кажется ему таким чужим! Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Вот гадство! Что же теперь делать-то, а? Ему совсем стало худо.

Видя, что друг его сейчас начнёт рушиться в обморок, О-нами успокаивающе похлопал бывшего Сашку по плечу и усадил на край фонтана.

– Моя знать, кто ты! Твоё имя – Мокугай «Молчащий Гром». Позволь мне первому пожать твою мужественную руку!

И с этими словами О-нами от всей души потряс вялую ладонь того, кто был когда-то Сашкой, а теперь обзывался кличкой, сильно напоминавшей Супермена или, на худой конец, Бэтмена. От такого известия ему не стало веселее. С кислой физиономией он наблюдал, как золотые рыбки в фонтане гоняются друг за дружкой и изредка высовывают из воды носы, чтобы поглазеть на мир.

Японец озадачился. Похоже, его друг совсем не осознавал величие этой новости. Он заглянул Сашке в глаза и медленно, с расстановкой повторил:

– Ты – Великий и Ужасный колдун по имени Мокугай «Молчащий Гром». Это не шутка! Ты ещё пока не чувствуешь своей Силы, но я вижу её. Она огромна и неумолима. Если ты не совладаешь с ней, то никогда не станешь снова Сашкой, а превратишься в жестокого и чёрного колдуна, которым ты и был когда-то.

– Сказки всё это, – устало отмахнулся Сашка, – Какой из меня колдун? Да ещё «Великий и Ужасный». Это как Гудвин, что ли?

– Гудвин – чмо! Это даже не колдун, а так, сказочный персонаж. Ты мне не веришь, – заключил японец. – Ну ладно, тогда смотри сюда, – сказал он как можно равнодушнее, указав на свой рубиновый перстень.

Сашка взглянул на сверкающие грани камня и тут же провалился в тёмный тоннель. Он летел сквозь черноту, ощущая только невыносимую скорость движения и ничего не видя вокруг. Его уже перестали пугать подобные вещи. Уж слишком часто за последнее время с ним происходило нечто похожее. Он всё летел и летел, раскинув руки, словно птица.

« – Эй, да ведь я и есть птица!» – подумал Сашка.

Он посмотрел на свои руки. Странно, вокруг было очень темно, однако он смог разглядеть, что вместо рук у него теперь были два огромных чёрных крыла. Как у ворона, только гораздо, гораздо больше. Он плавно взмахивал ими и нёсся сквозь черноту мрачного мира, подобный чёрному призраку. Только ледяной ветер свистел в перьях и яростными вихрями срывался с концов крыльев.

Этот неистовый полёт пробуждал в Сашке незнакомые прежде ощущения. Свобода, такая дикая и отчаянно сладкая опьяняла, наполняя упругие мышцы птичьего тела пружинистой силой и щекочущим жаром. Хотелось лететь всё быстрее и быстрее. Так, чтобы перья с болью выдирались из тела, а полёт длился бы вечность!

Страшное возбуждение уже готово было разорвать каждую клеточку нового Сашкиного тела на миллионы кусочков и раскидать по всей вселенной, когда впереди показались тускло мерцающие огоньки. Они стремительно приближались. Сквозь мглу Сашка различил ещё более тёмные очертания острых скал. Если он не остановится, то разобьётся в лепёшку.

Огоньки, казалось, мерцали на фоне этих скал и были больше похожи на отражения далёких звёзд. Их было два. Что-то во всём этом показалось Сашке странно знакомым. Он машинально развернул крылья навстречу ледяному ветру и стал отчаянно тормозить. Откуда он знает все эти птичьи приёмы? Скалы неумолимо надвигались, и вскоре Сашка уже мог различить, что поверхность их блестящая, словно грани огромного кристалла.

В одном из таких зеркал он и увидел то, что заставило мгновенно застыть от ужаса и чуть не вышибло из него дух.

Он увидел себя. Это была та страшная чёрная тень с горящими багровыми глазами, что так пугала его раньше. И это был он сам!

Дикий, безысходно тоскливый вопль вырвался из его нечеловеческой груди, напоминая крик раненого ворона и скрежет разрываемого железа одновременно. Чёрный мир, наконец, взорвался мириадами брызг, рассыпав Сашкино восприятие, словно кто-то встряхнул приличную бутылку шампанского. В последний миг он увидел смеющихся золотых рыбок, а затем стал задыхаться и тонуть.

Оказалось, что это японец прилежно окунает Сашку головой в бассейн и при этом что-то монотонно напевает себе под нос. Сашка стал вырываться и шумно фыркать.

– Эй, ты чего творишь-то? Отпусти!

– Твоя успокоился?

– Угу! Тьфу, блин! Я, кажись, рыбину проглотил.

– Что!? Как проглотил? – разволновался О-нами и вытащил Сашку из бассейна.

– Да пошутил я! А то ты бы меня точно утопил в этой лоханке.

– Э-э-э, шутник! – погрозил пальцем О-нами.

Сашка тяжело дышал и утирал мокрое лицо. Японец внимательно разглядывал его, готовый в любой момент продолжить водные процедуры.

– Твоя точно успокоился? – спросил он подозрительно.

– Да точно, точно. Не надо меня больше макать.

– Ты видел его?

– Если ты имеешь в виду ту громадную птицу с горящим взором, то да, видел.

– Ты узнал его?

– Угу. Похоже, дело совсем дрянь. Ведь это был я, не так ли?

– Не совсем. Это лишь часть тебя. Причём, очень древняя. Я же говорю: ты – это Мокугай, древний и очень могущественный колдун. Ты про реинкарнацию слыхал?

– Да читал где-то.

– Ну вот! Это, можно сказать, твой далёкий предок. А, вернее, ты сам и есть.

Сашка был вовсе не рад этому чудесному откровению. Вот, блин, счастья-то привалило! И что прикажете со всем этим делать? Японец словно услышал его мысли:

– Твоя пока ничего сделать не сможет.

– Ну, спасибо, утешил друг ситный.

– Не за что. Моя говорить правду. Ты – Мокугай, но ещё не имеешь Силы. Когда она к тебе придёт, то тебе предстоит сразиться со своей Тёмной Сущностью. От того, кто из вас победит, будет зависеть, кем ты станешь потом. Если победит твоя нынешняя Сущность, то ты останешься Сашкой, хотя и не совсем таким, как раньше. А если победит твоя Тёмная часть, то больше никогда не будет никакого Сашки, автомастерской, курортного городка и всего прочего, что ты считаешь своим. Останется только тот мрачный и холодный мир, который ты только что видел. Впечатляет?

– Впечатлят?! – воскликнул Сашка, – Да я просто тащусь от всей этой дребедени! Вот попадалово, блин!

– Не злись. Я тут не причём. Это твой мир, твои заморочки и...

– Да уж конечно мои! Чьи же ещё!

– Не перебивай старших, – повысил голос японец, – Твоя не понимать. Судьба ничего не делает просто так. То, что ты встретился со мной – это Знак. Моя должен помочь тебе. Так же, как твоя должен помочь мне справиться с моими врагами.

– Давно пора! – весь как-то сразу подхватился Сашка.

В глазах его теперь была отчаянная решимость. Нет ничего лучшего в таком состоянии, как набить кому-нибудь морду. Он вопросительно взглянул на японца.

– Оружием снабдишь, Банзай Самураич?

– Эж ты меня заковыристо обозвал! Тогда ты – Мокугай – «Орущий Слесарь».

Оба с минуту постояли молча, глядя друг на друга в некотором недоумении, а потом истерично заржали, распугав рыбёшек в бассейне и брызжа слезами. Это было нервное.

Потом оба успокоились и стали скрупулёзно обдумывать план нападения на войско принца. Тот всё ещё торчал в деревне и предавался пьянству. Однако его охранял отряд головорезов самураев,

которые посменно бдели и защищали переносную пагоду принца. Эти господа были самые шустрые и стоили сотни воинов каждый. Против такой силы нужно было применить военную хитрость. Поэтому О-нами притащил из дома бочонок сакэ для себя и другой бочонок с квасом для Сашки-Мокугая, а в широкой бадейке – целую горку ароматных рисовых лепёшек.

– Мы с тобой, как Василий Иванович с Петькой, – усмехнулся Сашка.

– Это Чапай что ли?

– Ну да! – удивился Сашка, – А ты откуда знаешь?

– Да кто ж Чапая не знает! Герой! Настоящий самурай.

– Ничего себе корки. Ну, ты даёшь!

– Плавали, знаем. Ладно, не отвлекайся.

Оба опять уткнулись в старинную карту, намалёванную сизыми чернилами на плохо выделанном пергаменте.

Стратег из Сашки оказался никудышный, и японец отвёл ему роль главного советника. Сам он, естественно, назначил себя главнокомандующим. Ни много, ни мало. Да Сашка и не спорил. Уж кто в войнушке разбирался лучше было очевидно. Однако и Сашка высказал несколько дельных мыслей, в основном подсмотренных в различных боевиках. Большинство таких идей японец отмёл, как совершенно дурацких, но некоторые мысли ему понравились.

Так они совещались до самой темноты. Когда на небе возшла полная луна и осветила лужайку мертвенно-белым светом, О-нами устало потянулся, затрещав суставами, и довольно произнёс:

– Окейна! Выступаем завтра.

– На рассвете? – широко зевая, спросил Сашка.

– Да ты чё! Какой дурак идёт воевать на рассвете? Спать же охота! Нет, приятель, на войнуху попрёмся завтра ночью. Эдак всяко прикольнее. Согласен?

– Ага. Только надо выспаться хорошенько.

– Это легко.

И не успел Сашка дойти до циновки, как японец ловко прижал ему большим пальцем точку где-то в районе шеи. Сашка как шёл, так и упал точнёхонько на койку, начиная храпеть ещё в падении.

– Так то лучше! Отличное снотворное, – довольно потирая руки, сказал О-нами, а потом сам ткнул себя пальцем в шею и отключился. Во сне он управлял пшеничным морем и был несказанно этому рад.

ГЛАВА 19.

Два монаха встретились на пустынной дороге. Один был тхеравадин, а другой – махаянист. Первый спросил:
– *Сы да цзе кун?*
– *Ну дык, ёлы-палы!* – *ответил второй.*
– *А ты сам?*
– *И меня тут нет. Тебе это снится!*
– *Ага! Тогда получи по роже!*

Он тихо лежал с закрытыми глазами и прислушивался. Странно, совершенно чужая речь. Не англичане и не португальцы. Где он? Что произошло? В голове мелькали обрывочные картинки, не желая сплетаться в единое целое. Может, он был ранен? Ну, конечно! Отряд самураев господина Ямады, чтоб он провалился! Они застали его врасплох, когда он спал под кустом акации, уставший от семидневного перехода. Три стрелы пронзили самое сердце. Это он хорошо почувствовал. Но тогда почему он до сих пор жив? Так не бывает. Может, он всё же мёртв? И эти странные голоса принадлежат самой преисподней?

Мокугай осторожно приоткрыл один глаз. Самую малость. Так, чтобы только удостовериться, что он на самом деле в аду, каким его живописно рисовали христианские проповедники. Но что это? Какая-то гостиница или приют? Он почему-то лежит, привязанный к постели, а рядом толпятся весьма колоритные типы и с любопытством заглядывают ему в лицо. В каждом из них было что-то смутно знакомое. Не может быть! Да ведь это же идзёу – ненормальные. Взгляд у них совершенно бестолковый. Но это не ад, и не рай. Может, чистилище? Но почему он попал именно сюда – в компанию идзёу? Странно, очень странно.

Любопытствующие засуетились, видя, что новенький очнулся, и стали весьма громким шёпотом спорить: наш или не наш?

– Охаё годзаимас! – чуть хриплым голосом поприветствовал их Мокугай.

– Опа! Точно – дурик! Держи кардан, братела, – с добродушной физиономией подвалил к постели новенького Вован и протянул пухлую пятерню. – Ах да, извини, тебя ж повязали, как распоследнего урку. Ща поправим. Сестра! Сестра, я тя умоляю! Распакуй новенького, он уже при параде.

Прибежала медсестра Анна Ильинична, всплеснула руками и стала проворно распутывать тугие ремни, которыми был пришнурован больной, аки дурной парашютист.

Мокугай ошалело смотрел на всё это действие и не мог поверить, что его тут держат за сумасшедшего. Иначе, зачем все эти ремни? Так только буйных или горьких пьяниц привязывают к чему-нибудь тяжёлому. Но ведь он не сумасшедший! Неужели они не видят!

– Сумимасэн, доко дэс ка боку?

– О даёт! Ты чё, японец?

– Нихон! Нихон! — закивал Мокугай.

– Не, чувак, правильно говорить: жапань. Слыхал, может – маде ин жапань? А?

– Нихон! Нихон!

– Вот заладил. Ну, хрен с ним, пусть будет нихон. Тебя как звать то? Как, спрашиваю, звать? Чё, не врубаешься? От, блин! Во, слушай сюда: я – Вован, – при этом авторитет ткнул себя в грудь пухлым пальцем. – Понимаешь? Я – Вован, а ты кто? Ты, ты, да. Кто?

– Вакаримасэн, – замотал головой новенький, – Вакаримасэн.

– Чё, не понимаешь? Ну, смотри, – и Вован стал поочерёдно тыкать пальцем, указывая то на себя, то на других обитателей палаты и называя по именам. Затем он указал на самого Мокугая и вопросительно мотнул головой. Тот, наконец, понял, что от него требуется и, впервые за всё это время, улыбнулся:

– Мокугай. Ватаси ва Мокугай дэс.

– Значит, Мокугай. Прикольная кликуха. Но тут не покатит. Мы будем звать тебя Самурай, идёт? Ты – Самурай. Понимаешь? Ты, да вот ты – Самурай.

– Самураи. Вакаримас! Орэ самураи.

– Ну, вот и познакомились. Жрать хочешь?

Мокугай наморщил лоб. Так много всего сразу! Мысли его разбежались, словно стайка мышей от кота. Что они от него хотят? Почему спрашивают самурай он или нет? Разве по нему не видно? Ах, ну да! В таком виде его, пожалуй, только за бедного крестьянина примут. Где его оружие, где доспехи?

А Вован, тем временем, делал весьма красноречивые и вполне интернациональные жесты, забрасывая невидимой ложкой невидимую пищу в распахнутую пасть. Это товарищ с востока понял сразу.

– О-нака га суйтэимас.

– Ну, что я говорил! Хочет Банзай нерусский жрать. Ща организуем!

Дед аж присвистнул от удивления:

– Эй, буржуй, а ты где это так по-японски наблатыкался?

– Да не знаю я японского!

– А как же ты его понимаешь?

– А чё тут непонятного? Нормальный базар. Не по-фене же японской он ботаает!

– Ну да, ну да, – так ничего и не понял Дед.

Вован пошарил у себя под подушкой, выудил внушительного вида мобилу и стал диктовать своим парням нехилый заказ. Праздник сегодня, в натуре! Оторвёмся по полной!

Сзади скромно подрулил Петруха.

– Слышь, Вован. Распорядись, пожалуйста, пусть пузырь в ларьке прихватят, а? Не могу я забугорную водяру пить. Химия одна.

– Дурак ты, Петруха! Это в ларьке твоём одна химия голимая. У меня же – чистейший продукт!

– Так ты ж сам понимаешь, привык я уже к нашей. Фирму мой желудок не принимает.

– Ладно, уговорил. Только сюда я её не потащу. Сам сгоняешь на задний двор и подберёшь возле забора. Не хватало ещё, чтобы про Вована трепали, будто он своих корешей бодягой голимой угощает.

– Конечно, конечно! О чём речь! Спасибо, братуха!

– Канай, давай.

К новенькому уже пристал Кешка и настырно так выпытывал:

– А ты, это, рукой кирпич сможешь разбить, а? Кья!!! Сможешь? А три кирпича, а? Ну, скажи, скажи! Сможешь, а?

– А вот он сейчас тебе все зубья высадит с одного плевка, тогда узнаешь, – саркастически заметил Дед. – Отвянь от человека. Чего пристал?

– Да чё сразу отвянь-то? Чё я? Жалко ему что ли?

– Тормоз ты, Кешка. Он же ни хрена тебя не понимает.

– Ага, ага! Чё я, совсем тупой? Какой он, нахрен, японец? Морда – чисто рязанская! Во, сами поглядите!

– А это не имеет значения, – справедливо рассудил Дед, – Все мы тут пристукнутые. Вот Наполеоны оба – тоже не французы, а наши, местные. Да ты и сам, когда в отключке, такую пургу несёшь, что прям как инопланетянин Замес из третьей палаты. Только он тебя и понимает.

Кешка нервно подёргал верхней губой и отвалил от «японца», пока Дед не навешал подзатыльников. А в палату уже вошёл главврач в сопровождении Анны Ильиничны и заведующей отделением. При виде последней больных как ветром разметало по своим койкам. Вид у дамы был самый решительный.

Консилиум сгрудился возле кровати новенького и наморщил лбы. В глазах главврача при этом наблюдалось дежурное добродушие. Немка напротив – смотрела хищником, и от её взгляда по спине Мокугая забегали мурашки. Он хоть и самурай, но предел есть всему.

Главврач прокашлялся в кулак и спросил:

– Ну, как мы себя чувствуем?

Повисла тишина. Мокугай непонимающе хлопал ресницами и поочередно переводил взгляд то на доктора, то на его свиту. Владимир Николаевич обернулся назад:

– Он что-нибудь говорил?

– Да, да! – возбуждённо отозвался Кешка, – Ещё как говорил! Только всё по-японски, ага!

– По-японски? – озадачился главврач, – Э-э... Охае? Охае годзамас!

– Охаё гозаимас! – радостно закивал головой Мокугай.

Увы, доктор знал только эту фразу. Услышал в каком-то фильме. Больше он сказать ничего не мог и потому перешёл на русский.

– Вы себя хорошо чувствуете?

– Тэцудаттэ кудасай. Доко дэс ка боку?

– Мда-а... Что вы думаете, коллега? – обратился он к немке.

Та с минуту неотрывно вглядывалась в лицо новенькому, словно хотела влезть в его шкуру. От её взгляда Мокугаю стало нехорошо. Он натянул одеяло к самому носу, пытаясь хоть таким образом отгородиться от мрачной тётки.

– Шизофрения постэмотивная. Явное расщепление личности.

– Делирий?

– Нет! Гипнотическое осложнение. Он поступил к нам прямо из поликлиники. Острейший приступ истероэпилепсии.

– Хм, – доктор в задумчивости мял подбородок и с любопытством поглядывал на пациента, – Ну, что ж. Пусть пока полежит, отдохнёт. Там посмотрим.

На прощание он с улыбкой помахал пациенту рукой и вместе с немкой вышел из палаты. Осталась только Анна Ильинична, которая сочувственно качала головой, глядя на ввалившиеся щёки больного.

– Экая напасть! Он же ж теперь по-русски ни бельмеса. Поди разбери, что ему вдруг понадобится?

– Всё путём, сестра! Мы, если чё, и на пальцах добазаримся, в натуре. Точно, Самурай Банзаич?

Мокугай через силу улыбнулся и закивал:

– Самураи, самураи боку.

– Ну вот! Говорю же, путём всё. Ты давай, сестрица, топай. Мы за ним присмотрим и в божеский вид приведём.

Спустя два часа, когда во всей больнице остались только дежурные няньки и медбрatаны, в палате стоял дым коромыслом и назревал нешуточный el skandal. Кешка, который терпеть не мог сигаретного дыма, набылчил глаз и мелкими прыжками всё наседавал и наседавал на копящего Деда. Тот вяло отмахивался, словно от надоедливой мухи. Причём, иногда довольно чувствительно задевал внушительной грабалкой по крючковатому носу оппонента. От этого Кешка зеленел лицом, рвал на груди майку и пронзительно визжал:

– А-а-а, сука! Порву, как грелку!!!

Сидевший рядом медбрат Володя тихонько сгрёб экстремиста в охапку и отнёс на койку. Там Кешке сделали безмолвное внушение, путём внятного тычка под рёбра, и наступила благословенная тишина. Хотя тишиной это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Скорее непрерывный гул, как в пчелином улье.

Вован в обнимку с новеньким по третьему кругу рассказывал ему про свою боевую молодость, с каждым разом добавляя всё новые подробности. Мокугай с дебильной улыбкой на пьяненьком лице что-то бормотал неразборчиво и изредка кивал головой. Ему было хорошо и легко с этими чужими людьми. Смутные обрывки его далёкого прошлого смешались в серую кашу. Он даже не помнил, как зовут его последнего хозяина. Осталось только собственное имя – Мокугай. Но сейчас он готов был поспорить с кем угодно, что у него совсем другое имя, которое он, к сожалению, не помнит. Да и хрен то с ним! Кайф – он и в Японии кайф.

Петруха заглотил палёную водку в одно лицо и немедленно вырубился на своей койке. В последнее время спирт действовал на его дохлый организм именно таким образом. В какой-то мере это было даже удобно, не требовалось бежать за добавкой. Но это и огорчало. Какая же тогда радость в выпивке? Растянуть удовольствие никак не получалось. Причём, порции было достаточно самой минимальной. Хоть 50 грамм. Поэтому Петруха и заглатывал сразу все, что было, и мирно валился спать. Одно хорошо — после такой «пьянки» практически не было отходняка. Так, чуток помутит с утра и всё. Почти как новенький.

Оба Наполеона тихо спорили в уголке о суровостях русской зимы и выдумывали собственные способы завоевания непокорных варваров. Каждый стоял на своём и не желал уступать сопернику. Они бы и подрались, да только медбрат Володя так же безмолвно сделал обоим внушение и вскоре оба уже сидели в обнимку и пускали сопли радости в предвкушении будущих блистательных побед.

Репе плеснули стопку водки в капельницу. Так как он считался «овощем» с большим стажем, то на каменном лице его не дёрнулась ни одна морщинка. Но, судя по едва уловимому блеску в глазах, водка пошла по назначению. Хотели ещё добавить, но медбрат Володя не дал.

– Ша! Я сказал.

Никто с ним спорить не захотел. Только Кешка зло сверкнул глазёнками из-под одеяла и отвернулся к стенке. Они ещё у него пожале-е-еют! Ещё как пожалеют! Козлы, блин!

Могила с Бойцом сидели в позах лотоса на колченогих стульях и вели неспешную беседу про их будущее посмертное существование. Боец просто прикалывался, а Могила рассуждал очень серьёзно и даже вполне здраво. Во всяком случае, логика его не хромала и не перескакивала с пятого на десятое. Он нисколько не сомневался, что после смерти останется таким же молодым, как и сейчас. Может даже, ещё моложе. Ну, это уже по желанию. Главное, чтобы тело его всенепременно спалили в качественном крематории. Чтоб ни крошки не осталось. Одна пыль.

– А какая разница? – спросил Боец, – Что зарюют тебя, что спалют – один хер.

– Ну, не скажи! Ты знаешь, почему на кладбищах так много призраков? Это потому, что их тела очень долго разлагаются и душам приходится наблюдать за этим неприятным процессом.

– А на фига?

– Да ты чё! Это ж любой дурак знает – чтобы всякие там колдуны, да вудуисты грёбаные их не выкопали для своих грязных делишек.

– Не, чё-то ты гонишь, приятель. На кой хрен им трупаки сдались? Они же только живым всякие пакости устраивают. С мертвяка что возьмёшь?

– Не скажи-и-и. А пыль с гроба? А берцовую кость для курительной трубки? А, наконец, черепушку для крови всяких там жертв? Усекаешь?

– Где ты только всего этого набрался, блин! Аж мурашки по коже забегали.

– Я, брат, и не такое видел. Вот потому и говорю: тело обязательно надо спалить. Ещё лучше – дезинтегратор. Чтоб сразу на молекулы! Но это пока фантастика.

Кубик не особенно то принимал участие в пирушке, так как ничего прямоугольного на столе не оказалось, за исключением коробки конфет. Сами конфеты были круглые, и Кубик аккуратно высыпал их в миску, а вот квадратную коробку с удовольствием покусал.

Ещё в тёплую компанию пытался затесаться Саблезуб – неряшливый, круглолицый и сутулый дядька лет сорока с торчащими в разные стороны кривыми зубами, которые никогда не чистил, и потому изо рта его жутко воняло. Ещё он любил причёсываться на прямой пробор, обильно рассыпая перхоть по мятой пижаме. Он часто приставал к другим обитателям палаты с дурацкими разговорами ни о чём, и чаще всего был матерно прогоняем последними. Вот и на этот раз Саблезуб сунулся, было, к общему достархану, но получил увесистый пинок под зад от самого Вована и с кислой физиономией убрался в свой угол.

После пятой серии своих подвигов Вован откровенно умаялся и задремал на плече Мокугая. Медбрат Володя вместе с Дедом отнесли авторитета на его фирменную койку, а сами ещё долго и размеренно попивали импортную водочку под балычок и вели неспешную беседу о военной службе.

Ведь Володя до больницы был самым настоящим кадровым офицером. Что его заставило так резко изменить место службы, он никогда и никому не рассказывал. А Дед и не пытал. Захочет человек – сам расскажет.

Мокугай плыл в каком-то красноватом тумане под звуки незнакомой речи. Его тело стало ватным и совсем почти не ощущалось. Иногда ему казалось, что он улавливает смысл некоторых слов. Особенно тех, которые были короткими и выразительными и, чаще всего, произносились в конце предложений. Он не мог бы точно сказать, что они означают, но чувствовал, что без этих слов беседа была бы неполной.

Ночь постепенно скрадывала все звуки. Вскоре и Дед отправился на боковую. Медбрат Володя аккуратно прибрал остатки пиршества и прикорнул в своём закутке. Утром его разбудит сменщик, так что можно не беспокоиться. Над больницей медленно всплывала крупная долька луны. Полнолуние ожидалось только через три дня.

ГЛАВА 20.

Как-то император Шунь-цзун спросил наставника Жуманя:

– Слышь ты, нерусский. А ну, скажи-ка мне, сколько тут навозных лепёшек?

– Где?

– Да вот, на моём тапке, понимаешь!

– Это не я! Не я это! Зуб даю!

– Сашка-сан! Сашка-сан! Жрать ходи! Давай, давай!

О-нами пинками растолкал заспанного Сашку, примеряясь, не плеснуть ли ему в опухшую физиономию ковшик ключевой водицы. Вид у «военного советника» был тот ещё. Можно было подумать, что это он, Сашка, засадил вчера целый бочонок сакэ, а уж никак не квасу. Это было странно. О-нами подозрительно оглядел товарища и вежливо попросил дыхнуть. Невероятно! От Сашки несло спиртягой за версту.

– Э-э-э... нехорошо, брат, – покачал головой японец. – Говорил – не пьющий, а сам?

– Да не пил я! – удивился Сашка, хотя сам не мог понять, почему от него так разило.

– Ври больше.

– Я не вру. Мы же вчера вместе кучковались. Я – квас, ты – сакэ свой цедил. Может, квас у тебя такой бодрящий?

– Хрена лысого! Квас у меня самый обыкновенный. Вот пойду сейчас свои бочонки проверю!

– Проверь, чего там. Я к ним не прикасался.

Через несколько минут озадаченный японец вылез из подвала, ничего не понимая.

– Твоя не врать! Все бочонки на месте. Но где ты мог спиртяги нахлестаться, а? Может, ночью в деревню смотался? Колись давай!

– Да куда я ночью не шлялся! Тем более, в деревню. Что я, совсем очумелый? Там же принц этот долбаный окопался. Вот, блин, мне больше делать нехрен, как во вражеские тылы ползать!

Японец, как и в прошлый раз, внимательно заглянул в слезящиеся Сашкины глаза и через некоторое время сказал:

– Ну, блин, колдовское твоё племя! Выходит, что это твоя вторая сущность, которая есть Мокугай, где-то успела нажраться, пока ты спал.

– Ни хрена себе! – возмутился Сашка, – Это что же такое получается? Я – человек с детства не пьющий, а какой-то там Попугай грёбаный в моей шкуре шляется и водяру глушит, падла! А всё это долбаное похмелье мне оставил, да? Вот урод! Не, ну я тащусь!

– Куда тащишься? – не понял О-нами.

– В зад! – огрызнулся Сашка и засопел от обиды.

О-нами покачал головой, но ничего не ответил.

А после завтрака он уселся на циновке и указал Сашке место рядом с собой.

– Твоя что-нибудь знать о Пустоте?

– А чё про неё знать-то? – удивился Сашка, – Пустота – она и есть пустота, то есть, вообще ничего.

– Э-э, не мешай сопли с мухоморами!

– Это чё, поговорка такая?

– Угу. Моя говорить о Великой Пустоте Воина, а не о какой-то там просто пустоте.

– А в чём разница? По-моему: где пусто, там и нет ни хрена. Хоть воин ты, хоть дворник обыкновенный.

– Ну, не скажи-и-и... Вот сможет твой дворник с одного маху свалить мечом во-о-он ту сосенку? Или положить парой приёмчиков с десятков других воинов?

– Конечно же, нет! Он же дворник! Зато он их так облает, что мало не покажется.

– Зачем лаять? Он что, собака?

– Да нет. Это выражение такое – облаять. Обматерить значит.

– Ну, для этого Пустота вовсе не требуется. Ты не отвлекайся, ты меня слушай.

– Да слушаю я.

Сашка устроился поудобнее на циновке и прислонился спиной к бортику фонтана. Похмелье быстро улетучилось, особенно после пары кружек горячего зелёного чая. Кофе у японца не было, да это и не важно. Главное – больше не мутило и не тянуло блевать. Хотя внутри Сашки осталась некая горечь обиды на своего «двойника» из далёкого прошлого. Вот ведь учудил, падла. Даже захотелось сделать что-нибудь с собой в отместку, чтобы там, в его мире у «двойника» случился жуткий понос или ещё чего похуже. Но ничего безопасного для себя нынешнего Сашка так и не придумал. Да и вряд ли чего из этого получилось бы. Наверняка тот долбаный колдун, как его, Мокугай-Попугай, за свою грёбаную колдовскую жизнь такой дряни напробовался, что его уже ничем не свалишь. А жаль.

Словно издалека до него донёлся голос японца:

– Ты, мазафака, слушать меня или где?

Сашка уставился на него округлившимися глазами.

– Слушай, ты где таких слов нахватался?

– Где, где. В кине!

– Заливаешь! У вас тут кинотеатров нету.

– Что такое кинотеатров?

– Во-во! А говоришь, в кино ходил. Ври больше!

– Моя не врать! Моя кино и так может видеть.

– Как это?

– Так это!

О-нами набычился и весь отвернулся от Сашки не меняя позы. Получилось прикольно. Словно он на заднице, как на карусели, крутанулся. Сашка вежливо постучал пальцем в широкую спину японца, но тот только дёрнул плечами.

– Да ладно тебе. Верю я, верю.

– Правда, веришь?! – обрадовался О-нами словно младенец и с надеждой посмотрел в Сашкины глаза, будто хотел найти в них некое подтверждение.

– Ну, конечно! Зуб даю.

– Не говори так, – сразу стал серьёзным японец, – Здесь тебя неправильно поймут и запросто этот твой зуб вышибут вместе с мозгами. Если они есть, конечно.

И тут О-нами весело рассмеялся, держась за живот. Сашка желчно заметил, что это не смешно.

– Так вот, повторяю специально для прапорщиков: Пустота – это не такое место, где ничего нет, словно в пустой комнате. Нет и самой этой комнаты. То есть, вообще ничего. Усекаешь?

– Усекаю. А как же добиться этой Пустоты?

– А ничего добиваться совершенно не требуется. Это не то, чего у тебя нет и нужно получить. Как раз наоборот: Пустота была и есть в тебе всегда. Нужно лишь отбросить всё лишнее и тогда останется она самая.

– Лишнее – это что?

– Всё, что не является Пустотой.

– Заморочно как-то.

– Да никаких заморочек. Всё просто: сядишься в медитацию и отбрасываешь все мысли. Вот попробуй сам.

Потом они немного помедитировали. Потом ещё немного. Сашка быстро умирался и свернулся калачиком у фонтана, слушая, как тоненько журчат прозрачные струйки и плещут хвостами золотые рыбки. В голове снова забредилось. Он уже ничему не удивлялся. И если бы сейчас у него вырос хвост или появилась вторая голова, то это было бы в порядке вещей. Весь этот мир был похож на долгий и очень яркий сон. Даже если случится погибнуть в неравной схватке с самураями принца, то нет никакой гарантии, что он, Сашка, тут же не возродится вновь, аки птица Феникс. Ну, или типа того. Поэтому он особенно и не переживал. Да и японец что-то не спешил в бой. Ах, да! Войнушка, ведь, намечена на предстоящую ночь. Так что можно хоть целый день дрыхнуть.

Однако вскоре О-нами растолкал его и молча приказал следовать за ним. Сашка протёр зеньки, широко зевнул, аж в скуле щёлкнуло, и поплёлся за японцем куда-то вглубь ущелья.

По дороге он, не глядя, срывал крупные ягоды с раскидистых кустов, нимало не беспокоясь об их внутреннем содержании. Почему-то он был уверен, что теперь ему хоть волчьи ягоды бочками подавай, хоть мухоморы жареные – ничего не случится.

Японец глядя на это безобразие только посмеивался и что-то там бормотал про сумасшедшего колдуна и гадское зелье, поплёвывая через плечо. Иногда в его взгляде проскакивало лёгкое беспокойство. Но, видя, что Сашка не собирается превращаться в дракона или ещё кого похуже, он несколько расслабился и стал напевать себе под нос старинную японскую песню про три шишки:

*В лесу глухом, ненастным днём,
Шумели две сосны,
С одной упала шишка Ко,
С другой свалился Ки.*

*Когда они собрались в путь,
Чтоб море посмотреть,
Пришлось канаву обогнуть,
И десять песен спеть.*

*С опушки леса, под горой,
Открылся грозный вид,
Приятель Ко налил в итаны,
За ним наделал Ки.*

*Когда припухшие друзья
Собрались повернуть,
Навстречу вышел из куста
Еловый шишка Му.*

*Смеясь и хлопая бока,
Он стал друзей стебать,
«Герои» хмурились слегка,
Желая в морду дать...*

И ещё таких вот куплетов десятка три-четыре. Сашка слушал в пол-уха и прикалывался. В конце песни трое приятелей зарылись в одну общую ямку, из которой впоследствии выросло офигенное дерево гибрид – Соснель. А шишки на нём были очень похожи на мужское достоинство в полном боекомплекте.

Японец со всей серьёзностью стал утверждать, что это голимая правда, и что подобные деревья до сих пор встречаются в его стране, но только в очень старых лесных борах. Туда теперь и не пролезть – сплошные буреломы.

– А нафига туда лазать? – не понял Сашка, – Чё в этих чудо шишках такого?

– Они дают Силу! Много Силы! Ты такой ещё не встречал. Мои морские вожжи – ерунда по сравнению с той Силой. Вот так.

– Брехня.

– Сам ты, брехня! Это ж песня! Старинная, японская. В ней только правду поют.

– Ну да. Типа: «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки...».

– Ты это про каких самураев сейчас спел? – насторожился японец.

– Да так, ты их всё равно не знаешь. Интервенты, одним словом.

– Это чё, матерно?

– Да нет. Интервенты – значит оккупанты. Ну, как этот твой принц долбаный.

– Он не мой. Он сам по себе.

– Ну, сам, так сам. Короче, Сусанин, куда это мы сейчас пилим?

О-нами хитро прищурился и погрозил Сашке пальцем:

– Твоя стоять смирно и глядеть во все глаза.

С этими словами он лихо гикнул и исчез в ближайших кустах. Сашка остался стоять посреди тропинки в полной растерянности. Вот, блин, тебе и прогулка. И куда это нерусского понесло?

В кустах раздался громкий треск, невнятные ругательные возгласы и ещё некий непонятный звук, больше похожий на свист плётки. Это буйство продолжалось минут десять. Сашка уже не мог и предположить, чем там занимается японец. На ум лезли нехорошие мысли.

Однако вскоре О-нами так же проворно выскочил из кустов, держа в руках внушительного размера боевые луки. В каждой руке по паре. Тетива на них пружинисто вздрагивала и тоненько пела на ветру. Каждый лук звучал по-своему.

Японец молча поманил Сашку к себе и приказал сесть в позу для медитации. Сашка нехотя приземлился. О-нами с мрачной физиономией заговорил строго и отрывисто на старо-японском, положив два лука на Сашкины плечи. У того промелькнула мысль, что эдак сейчас его посвятят в рыцари. Хотя, скорее в самураи. Ну, или типа того. Он тоже скорчил серьёзную морду, сдерживаясь, чтобы не заржать. Японец что-то ещё такое прорычал хриплым басом и уже вполне миролюбиво произнёс:

– Ну, вот! Теперь ты можешь взять это оружие, – и протянул ему оба лука.

Те, что побольше, он оставил себе.

– Так это я чё, самурай теперь?

– Не смей мои колодки. Какой ты, нафиг, самурай? Этот ритуал нужен для того, чтобы ты по дурусти сам себя не застрелил ненароком. Понял?

– Ага, – ответил Сашка, хотя так и догнал, как это можно из лука застрелиться. Чай не пистолет какой.

Внезапно Сашке поплохело. В глазах стало двоиться, а в желудке что-то бурно завертелось, желая непременно вырваться наружу. Он со стоном опустился на землю, прислонившись спиной к большому камню. Японец обеспокоено склонился над ним и для профилактики пару раз хлопнул по щекам.

– Сашка-сан, ты чего это, а? Твоя дурно?

– Не знаю, О-нами. Что-то со мной не то. Я, наверное, сейчас опять исчезну. Брюхом чую.

– Э-э-э, да!? Вот запахло! Выходит, придётся мне одному оружие домой переть. Ну, блин, подалово! А когда вернёшься? Ты не забыл, что нам сегодня ночью на войнуху топать?

– Всё путём, братуха. К ночи вернусь.

– Откуда ты знаешь? – усомнился японец.

– Чую.

Хлоп! На месте Сашки взвился маленький буранчик пыли. О-нами ещё с минуту постоял в задумчивости, затем подхватил все четыре лука и поплёлся в обратный путь, матерясь в полголоса и прикидывая, что ещё предстоит настругать этих грёбанных стрел не меряно.

– Ну, блин, в натуре засада!

ГЛАВА 21.

Сидят в пустыне на гребне бархана Бодхидхарма и Хуэйкэ и смотрят в даль.

– Как ты думаешь, есть там что-нибудь или нет? – спросил Бодхидхарма.

– Где?

– На той стороне.

– Там мы сидим.

– Как это?

– Вот чудак! Так Земля же круглая!

Шёл второй час утренней прогулки. Пациенты разбрелись по парку, не желая попадаться на глаза строгой немке. После ночной гулянки в палате стоял густой смог перегара и табачного дыма. Заведующая аж посинела от злости, когда обнаружила *Das ist Unordnung*, но конкретных улик не было найдено. Вполне справедливо она полагала, что тут не обошлось без сговора с санитарями. Однако те угрюмо помалкивали и отводили опухшие физиономии.

Вован, напротив, как всегда выглядел бодрячком и невинно улыбался упитанным фэйсом. Даже попытался подмигнуть фрау, но та мрачно стрельнула колючим взглядом, и желание подмигивать куда-то улетучилось.

Бедной Анне Ильиничне досталось больше всех. Немка отвела её в ординаторскую и долго там отчитывала. Кешка несколько раз подбегал к двери, чтобы подслушать, но его молча выставлял за шкварник медбрат Толик, добавляя вдогонку смачный подзатыльник. Медсестра вышла вся в слезах, сокрушённо качая головой и ни на кого не глядя. После чего заведующая распорядилась всех пациентов отправить на четырехчасовую прогулку вместо двухчасовой, а помещение нещадно проветрить и продезинфицировать.

Мокугай сидел на лавочке и рассеяно смотрел вдаль. Психи к нему больше не приставали, потеряв всякий интерес, да и самому не хотелось с кем-либо общаться. Он никак не мог понять, каким чудом оказался в этом мире, в чужой стране. Разобрать бестолковую речь местных аборигенов не представлялось возможным. Он хоть и потомственный колдун и знает массу языков, но это было что-то невразумительное. Особенно короткие и ёмкие слова, от которых исходила определённая сила. Они словно заклинания придавали речам этих людей некую насыщенность и округлость.

Боль от стрел в груди прошла. Да и та была просто фантомной. Мокугай нисколько не сомневался, что случайно реинкарнировался в результате какого-то сложного эксперимента, подробности которого ускользали от его сознания, как бы он не силился вспомнить.

Лишь один образ смутно всплывал в памяти – какая-то мрачная чёрная пустыня. Но что он там делал и был ли там вообще? Может, это всего лишь мираж? Странно, почему он совершенно не помнит своего посмертного существования. Теперь он практически не сомневался, что в прошлой жизни был убит. Но, судя по всему, с тех пор прошло довольно много времени. Он ведь не просто какой-нибудь чмошный крестьянин. Потомственный колдун не может умереть, как обычный человек. У него на этот счёт были свои планы. Видимо, что-то пошло не так. Что-то определённо случилось уже после его смерти. Куда же девалась память, будь она не ладна?

Сейчас Мокугай не дал бы за свою жизнь и ломаной монеты. Да и какая это жизнь среди сумасшедших! Оставалось только ждать и надеяться, что в голове что-нибудь прояснится. Может, тогда он найдёт путь, чтобы выбраться из этого мира. Просто свернуть башку самому себе было бы глупо. Кто знает, сможет ли после этого его сознание вообще сохраниться. Не говоря уже о полном восстановлении памяти. Нет, нужно ждать. Ждать и наблюдать за всем. Подсказка может оказаться где-то рядом. Нужно лишь вовремя её заметить.

Тем временем публика в парке заметно активизировалась. Пациенты суетливо стали рыскать среди кустов и деревьев, выкрикивая непонятное слово «Кубик». Мокугай медленно привстал со скамейки, глядя рассеянно по сторонам. Среди пациентов замелькали халаты санитаров. Они тоже выкрикивали это слово, будто кого-то искали. Мимо него пулей просвистел Кешка. Мокугай хрипло окликнул его.

– А, Самурай, здорово! Как сам? Ништяк? Ну ты вчера да-ал! Водяру глушить ты горазд не хуже русского. Колись давай, под кого косишь?

Мокугай из всего этого понял только слово «самурай». Он нетерпеливо закивал головой, подтверждая бестолковому товарищу:

– Самураи, самураи. Корэ ва нан дэс ка?

Кешка застыл на месте в позе пойнтера с поднятой левой ногой и заскрежетал извилинами. Языками он явно не владел.

– Чё?

– Корэ ва нан дэс ка? Нан-но тамэ дэс ка?

– Моя твоя ни хрена не понимать! – ощерился Кешка, ставя ногу на землю и гордо вскинув голову.

Мокугай просёк, что товарищ ни в ухо, ни в рыло, и стал руками показывать на суесящихся пациентов и санитаров, пытаясь выговорить это странное слово «Кубик».

– А-а-а! Ку-убик! Так бы сразу и сказал, – обрадовался Кешка, – Так это мы Кубика куда-то потеряли. Вернее, это он сам куда-то смылся. С ним это бывает. Он же только прямо ходит и под углом сворачивает. Может, застрял где в узком месте, вот и буксует. Пока его не развернёшь, он так и будет землю рыть. Айда с нами искать!

Мокугай пожал плечами, разводя руки и показывая, что ничего не понял. Кешка нетерпеливо заёрзал на месте всем телом, желая поскорее сорваться в галоп, но что-то словно удерживало его возле этого японца. Он почесал затылок, затем вскинул обе руки над головой и стал на себе показывать квадратную форму черепа Кубика.

– Во-о-от с такой башкой, понимаешь? Кубик, вот с такой, блин, репой. Вот так и так. Кубик. Ну, просекаешь, нет? – заныл Кешка.

Мокугай скорее почувствовал, чем понял слова и жесты этого психа. Он вспомнил странного человечка с квадратной головой и чёткими движениями. Похоже, что этот тип куда-то потерялся. Поэтому такая суеда вокруг.

– Кубука-сан?

– О, точно! Кубука, мать его, сан! Потерялся сволочь! А-а-а, понял теперь, Банзай нехороший. Ну, чё? Порыли вместе искать?

Мокугай указал ему на ближайшую группу деревьев, а сам двинулся в противоположную сторону. Кешка обиделся и, вздёрнув нос, желчно выдал:

– Поду-у-умаешь, какие мы важные! Да пошёл ты, япошка грёбаный! Я сам его найду и в палату доставлю в лучшем виде. Йоу!

По всему парку разносились нестройные голоса пациентов и более остервенелые крики санитаров. Кубик как сквозь землю провалился. Его не было нигде. Сбежать он явно не мог, но и раствориться в воздухе тоже. Причём все видели его в самом начале прогулки. Кубик с упорством бороздил по квадрату вокруг обширной клумбы. Это был его привычный маршрут. А тут вдруг взял и исчез.

Мокугай дошёл до забора и стал оттуда внимательно обозревать окрестности парка. Тут было небольшое возвышение, и весь парк лежал, как на ладони. Было совершенно ясно, что на дерево этот тип влезть никак не мог. Бачки с мусором санитары уже давно перевернули и теперь с матами и досадными плевками запихивали весь этот хлам обратно. Неистовее всех носился по территории Кешка, распаляясь всё больше и больше. Пришлось его скрутить и отправить на внеочередную шокотерапию.

Внезапно что-то привлекло внимание Мокугая. В чердачном окне больницы мелькнуло что-то и опять исчезло. Он протёр глаза. Померещилось? Нет! Вот опять! Кто-то помахал быстро рукой и так же быстро одёрнул её. Ещё раз. Нет сомнений, что это и есть пропавший псих, но почему вдруг стало так тревожно? Что это? С ним такое давно уже не случалось.

И тут Мокугай с удивлением понял, что этот Кубука-сан зовёт именно его! Но как?! Как этот неуклюжий тип сумел забраться на чердак и, что более невероятно, как он увидел его, Мокугая, с

такого расстояния, да ещё почти скрытого за большим кустом? В этом была какая-то мистика. Подобные вещи Мокугай чувял за версту.

Он незаметно махнул рукой в ответ, а затем медленным шагом двинулся вдоль забора, намереваясь обойти парк и здание больницы, чтобы зарулить с чёрного входа. Причём он уже каким-то десятым чувством знал, куда идти, чтобы попасть на чердак.

К поиску пропавшего пациента уже подключились главврач и фрау Шлихтен собственной персоной. Её резкий с шепелявым акцентом голос пробирал больных до мозга костей, и все старались держаться от неё на приличном расстоянии.

Вслед за главврачом, словно курица-наседка, причитая и вскидывая руками, семенила Анна Ильинична. Доктор старался успокоить старую женщину, но всё чаще слова его звучали с некоторым напряжением, выдавая раздражённость и усталость от бессонной ночи.

Ведь как назло именно сегодня его срочно вызывали в Питер на консультацию по весьма тяжёлому случаю с одной важной персоной. Пришлось срочно нестись в город и полночи участвовать в консилиуме таких же спецов. Все знали, что случай безнадежен, но очень многие зависели от этого «шишки». В том числе и клиника Владимира Николаевича. Лучшим вариантом было, если бы этот субъект тихо «отъехал», но физически тот был весьма крепок, и оставалось только уповать на сильнейшие нейролептики.

Некоторые из новомодных лекарств Громов вообще видел впервые. Он даже подозревал, что часть из них вообще неизвестна официальной медицине, но об этом лучше было помалкивать. Только в четыре утра крутой пациент затих. А потом пришлось ещё приводить в чувство его обслугу, так как многие уже находились на грани нервного срыва.

Поэтому у главврача сейчас из желаний был только полновесный и восстановительный сон, часиков эдак на двенадцать, а вовсе не поиски пропавшего пациента.

Мокугай же тихой сапой проник в здание через служебный вход, который забыли запереть санитары, когда ломанулись на поиски Кубика. Пройдя незамеченным несколько пролётов лестницы, он услышал, как кто-то этажом выше хлопнул дверью и стал спускаться вниз. Он метнулся в первую попавшуюся дверь, оказавшись в длинном коридоре, где стены были окрашены в насыщенный синий цвет. В противоположном конце коридора светились белым двойные створки дверей, за которыми раздавалось мерное и низкое гудение. От этого странного звука у Мокугая почему-то стало судорогой сводить живот. Он не мог объяснить причину этого, но явно ощущал, что там, за светящимися створками, находится нечто весьма опасное.

Звук на несколько секунд усилился, и одновременно свет немного померк. За белыми дверцами раздался сдавленный вскрик, от которого Мокугаю стало совсем неуютно. Он спрятался за дверью с нарисованным человечком и стал наблюдать. Через пару минут из-за белых дверей выкатилась тележка, которую толкал дюжий санитар. Следом вышел очень худой врач, на ходу снимая большие резиновые перчатки и закуривая сигарету. Он что-то сказал санитару. Тот угрюмо кивнул и покатиł тележку к лифту.

На самой тележке лежал спелёнутый, словно мумия, Кешка с посиневшим лицом и розовой пеной на губах. У Мокугая больше не было сомнений в том, что пациентов тут, ко всему прочему, нещадно пытаются. Хотя, как знать. Может, это и есть такой способ лечения, о котором в его времени ещё не знали?

Он чуть плотнее прикрыл дверь, чтобы не светиться. Однако худой врач явно направлялся в его сторону. Так и есть! Что делать?! Он оглянулся. Комнатка, в которой он находился, была совсем маленькой, а у стены стояли два фарфоровых кувшина странной формы. Ещё один был на стене, а над ним нависала какая-то блестящая трубка. Спрятаться было совершенно негде.

Мокугай встал у стены и приготовился. Дверь распахнулась, прикрыв его в углу комнатки. Доктор, не вынимая сигареты изо рта, помочился в один из кувшинов и стал мыть руки из той блестящей трубки. Мокугай следил за ним, затаив дыхание и стараясь не чихнуть от едкой вони табака. Он понял, что это помещение что-то вроде туалетной комнаты. Ещё он совершенно чётко осознал, что стоит доктору повернуться к выходу, как он его обнаружит. Поэтому действовать нужно было немедленно.

Словно кошка Мокугай выскользнул из своего укрытия, неслышно сделал два скользящих шага и почти вплотную приблизился к доктору. Тот, видимо, что-то почувствовал. Оглянувшись, он с удивлением открыл рот, но тут же получил короткий и жёсткий удар в шею и сразу отключился. Сигарета прилипла к нижней губе. Мокугай подхватил безвольное тело, брезгливо отлепил вонючий бычок, бросив его в унитаз, и аккуратно усадил доктора в углу у стены.

Прислушался. Тишина. Похоже, что на этом этаже больше никого нет. Он снова выскользнул на лестницу, поднялся на самый верх и оказался перед решёткой, которая закрывала проход на последний лестничный марш. Там дальше виднелась узкая дверка грязно-коричневого цвета, за которой, по-видимому, и был выход на чердак. Но как пройти сквозь решётку? Как смог Кубука-сан туда пролезть?

За коричневой дверцей раздался шорох. Она немного приоткрылась и в щель высунулась квадратная голова Кубика. Тот радостно заулыбался и призывно поманил рукой. Мокугай пожал плечами, указывая на решётку. Улыбка на лице Кубика стала ещё шире. Он вышел из-за двери и вполне нормальной походкой направился к Мокугаю. У самой решётки остановился, снова широко улыбнулся и очень отчётливо произнёс:

– Привет! Хочешь пройти?

– Привет. Что?! Но... Что ты только что сказал? – спросил ошарашенный Мокугай.

– Я сказал: Привет! Хочешь пройти?.

– Постой! Ты что, знаешь японский язык?

– Это вовсе ни к чему. Ты меня понимаешь, и я тебя понимаю, остальное не важно.

– Но как такое возможно?!

Кубик скорчил ироничную гримаску. Словно это Мокугай тут ненормальный, а вовсе не он.

– Перестань. Будто ты не знаешь, как это делается! Это же элементарно. Ты что, ничего не помнишь?

– Нет. Я был мёртв, там, в своём мире. А после этого ничего не помню.

– И пустыню не помнишь? – спросил Кубик с хитрой улыбкой.

– Пустыня! Да, точно! Была пустыня. Чёрная и страшная. Но даже это я помню лишь как смутный мираж. Как сон.

– Да-а-а... Здорово тебя шандарахнуло. Но ты не стой тут. Проходи давай.

– ...?

– Дай руку.

Мокугай просунул ладонь сквозь прутья решётки. Кубик крепко ухватил его за руку, и Мокугай в очередной раз поразился несоответствию внешности этого странного человечка и той громадной силе, которая в нём ощущалась. Тот слегка прикрыл глаза, и в один миг Мокугай оказался на другой стороне. Он лишь почувствовал лёгкое дуновение, и что-то немного встряхнуло его, будто небольшое землетрясение.

Кубик, продолжая иронично улыбаться, поманил за собой и скрылся за узкой дверцей. Мокугай потряс головой. Уж не снится ли ему всё это? Колдовство? Конечно же, колдовство! В этом нет никаких сомнений. Но как ловко! Высший класс! Он, наверное, тоже умел так раньше, но забыл. Даже мурашки по спине забегали. Он шагнул за дверь и зажмурился от яркого света. Свет исходил от Кубика, который внезапно стал больше раза в два. И он висел между полом и потолком!!!

ГЛАВА 22.

Лежат на поле боя два мёртвых воина. Один спрашивает другого:

– Как думаешь, Акура-сан, Будда придёт за нами или как?

– Думаю, не придёт.

– Почему, Акура-сан?

– А зачем мне приходиться? Я и так здесь.

На этот раз Сашка проявился прямо на куче стружек, которую успел соорудить японец. Ни грома, ни молнии – просто появился из ниоткуда с удивлённой физиономией и всё. О-нами даже спрашивать не стал, где тот шлялся. В колдовские дела он не любил вмешиваться. Только кивнул и молча сунул короткий нож, указав на заготовки стрел.

Сашка с радостью взялся за работу, вспомнив, как в детстве любил строгать перочинным ножиком всякую деревяшку и резать скамейки в парке в том числе. Но после нескольких часов работы руки горели от мозолей, и радости заметно поубавилось.

– Куда так много? — спросил он недовольно.

– Боеприпасов много не бывает. Давай, ещё строгай.

– Не могу больше. Все руки в волдырях! У тебя чё, нет ножика поострее?

– Есть, но я тебе его не дам.

– Почему это?

– Мал ещё.

– Ну, ни хрена себе корки! – обиделся Сашка, – Как на войну – так можно, а как ножик дать – так мал ещё. Ну ты, О-нами, даёшь, в натуре!

– Да пошутил я! – рассмеялся японец, – Нет у меня больше ножигов острых. Я пока тебя ждал, целый воз стрел наделал. Вот и затупил почти всё железо. Только мой меч ещё острый, но его я никому не даю. Сам понимаешь.

– Так я и говорю, хорош уже строгать. Нам этого добра хватит на три атаки и десять контратак.

– Эк ты заковыристо выражаешься! Контрата-а-аки. Это чё такое?

– Ну, не знаю. В кино слышал. Наверное, это когда терять уже нечего, то ломаются в бой напролом.

– А! Так это «Банзай» по-нашему. Не, нафиг. Мне так не нравится. Это только психи так поступают. Мы врага хитростью возьмём. Ладно, пошли жрать. Обед уже.

Сашка с облегчением вздохнул, со скрипом поднялся с кучи стружек и стал разминать затёкшую поясницу.

Японец уже что-то жарил на терраске над маленькой масляной горелкой. При этом он постоянно бубнил себе что-то под нос, что отдаленно напоминало песню. В воздухе поплыл густой аромат приправ, навевая приятные мысли и заранее наполняя рот слюной.

Сашка сходил к ручью за домом и с офигенным наслаждением опустил в прохладную воду пылающие ладони. Аж физиономия просветлела. На дне ручья недовольно зашевелился крупный пескарь, косо поглядывая на оккупанта.

« – И чё этим людям неймётся? Полоскали бы свои грабли в другом месте. Так нет, блин, надо именно тут воду мутить! Уроды, блин».

Сашка с умилением уставился на усатого обитателя ручья, и что-то в памяти его всплыло очень похожее. Да! Точно! Ведь совсем недавно он тоже был на рыбалке! Но где? В каком мире? Было ли это на самом деле или только приснилось? Он с тоской посмотрел на свои руки.

– Вот вы чьи, а? Сашки Тарелкина или ещё кого? Кто я на самом деле? Может, меня и нет вовсе, а я всё чего-то дёргаюсь?

В последнее время он что-то часто стал спрашивать сам себя о разных вещах и не находить вразумительного ответа. Это было стрёмно и как-то тягуче тоскливо. словно он очнулся от мирового бодуна лет в тридцать длинною и ничего не может вспомнить из той долгой пьянки. А может, это предстоящая битва его так плющит? Боится ли он? Нет, вряд ли. Чего бояться тому, кто ни хрена не помнит! Терять всё равно особенно нечего.

Он встряхнулся, брызнул несколько раз водой в лицо, чем окончательно разозлил пескаря. Тот забился под крупный валун, высунув наружу усы, и стал нервно поддёргивать ими, отчего песок со дна ручья взвился маленькими тучками. Сашка напоследок напился, сложив ладони ковшиком, и почапал на террасу, где японец уже призывно гремел тарелками и медными кружками.

– А, Сашка-сан, проходи, проходи. Давай садись. Я тут намешал кой-чего.

– Чего это ты намешал?

– А-а. Твоя лучше не знать. Это блюдо непростое. Оно даёт Силу.

Японец искоса поглядел на Сашку.

– Я, правда, не знаю, как оно подействует на бывшего колдуна, но думаю, ничего страшного не случится. На всякий случай возьми вот это.

– Это чё?

– Слабительное. Ну, мало ли.

– Да ладно, не суетись, хозяин. Харчевню твою мы не заблюём. Можешь не надеяться.

О-нами расплылся в широченной улыбке:

– Ага! Твоя шутить. Это хороший знак. Значит, мы победим!

– Посмотрим.

– А тут и смотреть нечего. Я уже всё придумал. Ты давай рубай, а я тебе расскажу свой план.

Сашка стал с удовольствием уплетать весьма вкусное жаркое, по виду больше похожее на азу, и слушать сумасшедший план японца.

Сумасшедшим он был по двум причинам. Во-первых, О-нами намеревался взять принца в плен, то есть живьём. А во-вторых, потребовать за него такой бакшиш, чтобы хватило на выкуп всей местной округи. О-нами давно хотел выселить подальше всех вредных фермеров, которые постоянно катили на него бочку за то, что он своими упражнениями с морскими вожжами нарушает природный баланс. С этим японец был совершенно не согласен.

– Ну, твоя сам посуды: моя волны гонять? Гонять. Моя ветер создавать? Создавать. Да если бы не я, то их грёбаные пастбища давно бы на солнце выгорели. Кто, по-твоему, этим уродам дождь обеспечивает?

Сашка молча, с набитым ртом, указал ложкой на японца.

– Правильно! Моя их обеспечивает. А они что? Как ни неделя, так донос. И кому? Местному прыщавому надзирателю. А тот, сволочь, на меня давно зуб точит. Того и гляди, сдаст императору с потрохами. Кстати, не забудь, его мы тоже сразу замочим. Надзирателя. Будто бы по ошибке. В общей свалке никто и не заметит, что это мы его. Окей?

– Угу.

Сашка лопал и качал головой. Как, интересно знать, этот чудак собирается взять принца живьём? Судя по их самурайским привычкам, сдаваться эти ребята совсем не любили и, чуть что, сразу саблей по пузу, и адью. Честь, понимаешь, и всё такое. Правда, оставалась некая надежда на то, что сам принц не был таким уж честным человеком, раз позволял себе грабёж и прочие бандитские радости. Но его окружали настоящие самураи. Эти уж точно живым принца не сдадут. Получается,

что нужно прежде замочить их всех, оставив только наследника. Как себе это представлял японец, собираясь выпустить всю тучу стрел, было не понятно.

Прожевав очередную порцайку, Сашка спросил об этом О-нами.

– Ха! Твоя чё, думать, что мы станем весь этот ворох стрел выпускать? Моя похож на идиота?

Сашка удивлённо вскинул брови.

– А на кой хрен тогда мы их мастерили?

– А-а. Это и есть моя военная хитрость. Смотри сюда.

С этими словами О-нами схватил лук и, не долго думая, стрельнул прямо Сашке в живот. От неожиданности тот поперхнулся, представляя, как сейчас вылетят его внутренности вместе с обедом. Но произошло удивительное: стрела на полпути развернулась и со звоном впилась в стену, где только что была голова японца. Тот успел вовремя отклониться.

– Ну, как тебе?

– Блин! Да я чуть в штаны не навалил! Ну, и шуточки у тебя.

– Нет, ты скажи, как?

– Да я, прям, не знаю. Что это было?

– Я же говорю, военная хитрость. Воинов у принца много, стрел тоже. Если мы начнём просто пулять друг в друга, то вопрос только в том, у кого быстрее боеприпасы закончатся. Чтобы нам столько стрел заготовить, как у войска принца, понадобится целый год ножичком орудовать. А мы сделаем проще. Через подставных лиц продадим наши стрелы самому принцу. Прикинь, они в нас стреляют, а мы выходим из-за укрытия такие все из себя крутые и показываем им всем факи. А их стрелы летят обратно в них самих. А? Каково? Все подумают, что мы суперкрутые колдуны, и сразу инициатива будет на нашей стороне. А там, главное, не зевай.

Сашка с восхищением посмотрел на японца.

– Вот это да-а-а! А всё меня каким-то Мокугаем-колдуном обзывал. Сам-то тоже не промах. Как это тебе удалось?

– Ты не поверишь, но это ты сам мне подсказал.

– Как это?

– Да вот так. Пока ты прошлой ночью дрых, напившись квасу, то во сне постоянно о чём-то бормотал. Большею частью нёс всякую пургу. Но в один момент, когда я собрался сходить отлить, ты довольно отчётливо произнёс, что стрелы надо смазать автореверсом. При этом ты продолжал спать и говорил, как лунатик. Я спросил тебя, что это такое. Ты мне и рассказал про движение в обратную сторону, а главное — назвал необходимые ингредиенты смазки. Правда, я не понял, что такое «литол» и «отработка», но ты сказал, что это вполне можно заменить старым салом. Вот я и опробовал твой рецепт. Как видишь, всё получилось замечательно.

У Сашки отвисла челюсть.

– Так ты это что же, на мне впервые испытал эту байду?

– Ага, – расплылся в улыбке О-нами.

– Ни хрена себе! – осипшим голосом прохрипел Сашка, – А если бы всё это был просто бред? Ты ж меня мог запросто пришить!

– Твоя говорил очень серьёзно. Вовсе это не бред. Хау!

В эту минуту Сашка окончательно решил, что японец безвозвратно двинулся умом. Причём, уже давно. Хотя, если быть честным, то и сам Сашка вряд ли похож на нормального, если связался с подобным типом, да ещё и собирается идти вместе с ним на войну. Однако идея со стрелами ему понравилась.

– А как мы их толкнём принцу?

– Я же говорю, есть надёжный человек. Торгует оружием. Он кому хочешь продаст наш товар. После обеда я его навещу. Тут недалеко. Ты пока здесь останься. Не надо, чтобы он тебя видел. Сам понимаешь, вопросы лишние возникнут, то да сё.

– Да ладно, чего там. Не светиться, так не светиться. Ты когда вернёшься?

– Это как управлюсь. Думаю, до темноты успею.

Когда О-нами уехал на гружёной телеге, Сашка решил прогуляться по окрестностям. Но к своему большому удивлению не смог найти проход в скалах. Вот, вроде бы, тут они пролезали сквозь кусты и камни, но на деле вокруг была сплошная стена. Ни дырочки, ни щёлки. Только за домом ручей впадал в небольшую расселину у подножия скалы. Странно. Может, это хитрость какая? Вроде самозакрывающейся пещеры, типа Сим-Сим и всё такое? Сашка ещё немного побродил по двору, но понял, что занятие это бесполезное. И, раз японец предусмотрительно оставил его тут, то значит, так и нужно.

Он уселся возле фонтана, прислонился к бортику спиной и прикрыл глаза. В следующий момент его уже кто-то настойчиво тряс за плечо.

– Сашка-сан, Сашка-сан! Очнись. Ты чё, дома не выспался?

Он встряхнул головой. Кругом была темень, только впереди слабо брезжил желтоватый отсвет от пламени костров. Над ним склонился О-нами со зверской физиономией и пытался растормошить.

– Где это мы? – не понял Сашка.

– Как где?! Ты чё, опух? Мы ж, мать твою, на войне! Что с тобой такое? То ты в бой рвёшься, то падаешь, как подкошенный?

– Не помню. Давно мы тут?

– Да уже часа два торчим. Я всё жду, когда мой человек подгонит туда телегу с нашими стрелами, а тут ты в осадок выпадаешь. Ты так больше не делай, ладно?

– Да я то тут при чём? – нервно огрызнулся Сашка, – Говорю тебе, не помню ничего. Сидел, блин, возле твоего фонтана, и вдруг – бах! – уже здесь.

– Э-э, паря, да у тебя провалы в башке. Тьфу ты, то есть в памяти. Ты чё, совсем не помнишь, как мы сюда топали?

– Говорю же, не помню.

– Ну-ка, стой! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Он повертел Сашкину голову и так, и эдак, ощупал руки, ноги. Вроде, всё цело. Не ранен.

– Ладно, смотри: вон мой человек выходит из большого шатра. Судя по его роже, всё тип-топ. Через полчаса я начну психическую атаку, а ты будь здесь и наблюдай. Как только солдаты начнут выбегать из своих палаток, запускай вот это. О-нами протянул Сашке здоровенную ракету-фейверк.

– Вот тут поджигать.

– Да знаю я. А куда пулять то?

– Прямо в небо. Это будет сигнал. Я сразу же подскочу. Хоп?

– Хоп, ништяк.

– Но пасаран и всё такое! Ну, ладно, я порыл.

– Давай.

Японец исчез в кустах, оставив Сашку наедине с целым полчищем противника, который пока ещё не догадывался о близком присутствии диверсанта. От таких мыслей Сашке стало как-то холодно. Ладони покрылись противным ледяным потом. Он пытался согреть их, неистово растирая, но это плохо помогало. Куда же делся этот чёртов японец? Какой, блин, сигнал от него ждать?

И тут неподалёку раздался дикий вопль, от которого Сашку словно кипятком обожгло. Он даже почувствовал, как позвоночник его заходил ходуном вверх вниз, жёстко задевая внутренности.

Солдаты ломанулись из палаток как горох. Их было так много, что вскоре вся улица была запружена толпами громыхающих латами людей. Ужасный крик повторился. Сашка сообразил, что настала его очередь. Он чиркнул концом ракеты о камень. Фосфор на запале брызнул ярко-зелёными искрами, затем разгорелся ярче и сильнее. Сашка чуть не обжёг руки. Выпустив ракету в чёрное небо, он откровенно залюбовался. Не каждый день такое увидишь. Ракета взмыла высоко над посёлком и разорвалась с шумным треском, рассыпав вокруг море малиновых огоньков.

Сашка краем глаза увидел мелькнувшую тень японца. Тот, сверкая белками глаз, словно большая кошка неслышно нырнул в укрытие и, довольный произведённым эффектом, радостно хлопнул Сашку могучей ладонью по спине.

– Молодец, Сашка-сан! Ты смотри, чё делается! Они уже почти в панике.

Солдаты принца в суматохе носились по центральной улице. Сотники пытались построить их в единую цепь, но это плохо получалось. Собаки орали на всю деревню. К ним примешивались вопли крестьян, кудахтанье кур и прочий тра-тарарам. Выглядело всё довольно сумбурно.

Вокруг шатра принца выстроились самураи. Те были по-военному собраны и зорко наблюдали за местностью. Этим психической атакой не напугаешь.

– Смотри, Сашка-сан, у них наши стрелы! Вот что значит толковый маркетинг. Я был уверен в своём человеке. Вот сейчас мы начнём их плющить по-полной.

С этими словами О-нами взобрался на вершину холма и зычно крикнул:

– Банза-а-ай! Мочи козлов!

Самураи принца невозмутимо подняли свои луки, выпустили залпом стрелы и сразу же перезарядили. Но произошло невероятное: на полпути боеприпас аккуратно развернулся и положил изрядную кучу солдат, стоявших спереди. Лица у самураев вытянулись и побледнели больше обычного.

Повторный залп повторился в точности, как и первый. Рука у некоторых из стрелков дрогнула. А сияющий от счастья О-нами просто угорал со смеху, хлопая себя по бокам и показывая факи воинам принца. Самого наследника нигде не было видно.

Сашка вдруг поверил японцу и их волшебной неуязвимости. Он выскочил из-за укрытия, помолотил себя в грудь, как Кинг-Конг, и с гиканьем ломанулся на неприятеля, размахивая дрыном. Последний он машинально вывернул из ближайшего забора.

Он не слышал, как японец предостерегающе крикнул ему что-то вдогонку, не слышал посвиста волшебных стрел, вообще ничего не слышал. Всё вокруг словно замерло. Он легко двигался между застывших фигур солдат. Казалось, что весь мир замёрз в едином движении, словно какой-то Вселенский Киномеханик остановил свой фильм, оставив одного только Сашку движущимся объектом.

Сашка с интересом разглядывал испуганные физиономии солдат и сосредоточенные лица самураев. Он каким-то шестым чувством знал, что сейчас они его не видят. Это было так опьяняюще здорово! Словно сбылась далёкая мечта детства — стать человеком-невидимкой. Ты можешь позволить себе всё, что угодно. И тебе за это ничего не будет! Лафа!

Так он летел и летел сквозь замерший мир, наслаждаясь свободой...

Но что это так звенит? Будто кучка комаров приближается. Звук становился всё настойчивей и противней. Сашка остановился. Мир продолжал быть замороженным, но что-то в нём явно двигалось.

Внезапно всё резко изменилось. Мир, такой тягучий и застывший, вдруг мгновенно ускорился. Лица, отблески костров на оружии, тучи стрел – всё пришло в невероятно быстрое движение. Теперь, казалось, что это Сашка замер на месте, а всё вокруг него несётся куда-то со сверхзвуковой скоростью. Исчезли почти все звуки. Остался только этот противный вой стайки комаров. Сашка почувствовал, что не может пошевелить даже пальцем руки. Так он и стоял в неудобной позе, ничего толком не понимая.

Бах! Бах! Бах! Три мощных удара в грудь откинули его назад. Сашка в первое мгновение даже не понял, что случилось. Только противный комариный вой исчез, а перед носом что-то задрожало. Посмотрев вниз, он с ужасом увидел, как три чёрных стрелы торчат из его груди и вибрируют белым оперением. Он поднял глаза. Один из самураев самодовольно взирал на него, опуская лук и

ухмыляясь. Из его колчана торчали исключительно чёрные стрелы с белыми перьями. В следующее мгновение жгучая боль заполонила собою всё вокруг, окрашивая мир в алые цвета.

« – Кажись, я умер», – подумал Сашка и отключился.

ГЛАВА 23.

*– Бардо Тодо-о-ол! Бардо Тодо-о-ол! Свежий номер!
Специально для отъезжающих на Тот Свет!
– Почём?
– Три рубля.
– Чё так дорого?
– Стыдись, странник, это ж билет в жизнь Вечную! А ты: до-о-орого. Дешевле только у Харона. Оно тебе надо?*

... Прошло почти миллион лет. Слабо мерцающее марево плыло над чёрной пустыней, больше похожее на замороженную пыль. На горизонте неестественно синее небо почти сливалось с тёмным песком. Вокруг не слышно было ни шороха. Даже обычного в таких случаях звона в ушах не было.

«В каких таких ушах? Что это такое?». Дух медленно брёл сквозь зыбкое пространство и вдруг резко остановился. «Что это сейчас с ним такое произошло? Когда сейчас? Что это значит?». Странно, он не мог вспомнить, что означают эти мелькания. Ничто вокруг не могло стать причиной случившегося. Он наблюдал этот незатейливый пейзаж уже целую вечность. Но ведь что-то же сейчас произошло. Это что-то было совсем рядом. Но зачем? Откуда?

Дух растерялся, не зная, что делать дальше. Опустившись на тускло отсвечивающий песок, он стал беспокойно осматривать горизонт, чувствуя, что это Нечто появилось оттуда.

Прошла ещё пара десятков тысячелетий, и Дух стал замечать, что мелькание, которое он воспринял, как нечто постороннее, есть ни что иное, как он сам. Это появлялось и исчезало где-то в его Сущности. Через некоторое время он осознал, что это его мысли. Слово было таким древним, что смысл его не мог проявиться даже в виде намёка. Но Дух точно знал – это его мысли. Они были раньше. Задолго до того, как он оказался здесь.

Оказался?! Что это значит? Он был тут всегда! Это без сомнений. Но тогда откуда берутся ТАКИЕ мысли?

Он в отчаянии обратил взор назад. Ничего. Такая же ровная и мрачная пустыня. Почему мрачная? Она всегда была такой. Вернее никакой. Дух точно знал, что кроме него тут никого нет. Да и вообще нигде никого нет. Во всей Вселенной, которая и есть эта самая пустыня, никого больше нет и быть не может. Так было всегда.

Осознание, словно из плотно закупоренной банки, стало медленно просачиваться наружу сквозь едва заметную дырочку. Дух молча созерцал это новое движение внутри него и с удивлением открывал нечто необъятное и грандиозное. Будто кто-то невидимый выдернул пробку из Ничего, и это Ничто оказалось сразу Всем.

Дух, конечно же, не мог принять Это. Оно мелькало всё быстрее и быстрее, создавая невообразимый гул, и так же внезапно закончилось. Кругом повисла тишина. Но это уже была совсем другая тишина. Со звоном и ощущением наполненности.

Дух поднялся с песка и впервые за много веков ощутил себя отделённым от этой пустыни. Более того, он почувствовал, что имеет некий объём. Бесформенный, конечно, но всё же отдельный. Когда-то так оно и было. Только он об этом забыл.

Забыл? А что такое – забыл? Если забыл, значит до этого помнил. Помнить! Вот оно, это слово! Он помнил. Но не сейчас. Сейчас это лишь пробуждалось в нём. А самое главное – он знал, что это случилось не просто так и не само по себе. Кто-то появился в его мире. Он ощущал это каждой своей самой заухудалой эманацией. О! Эманация. Хорошее слово. Слово! Он знал раньше слова!!! Точно. Эти мысли, что рождались в нём. Они назывались раньше разными словами. Только он ничего о них не помнит. Как жаль.

Прошло ещё несколько сотен лет. Дух не знал почему, но считал время столетиями. Так было удобнее. Теперь он уже точно знал, что в этом мире он не один. Более того, он чувствовал, что этот кто-то ищет его. Но зачем – было вовсе непонятно. Он никому не нужен. До недавних пор он и не предполагал, что есть кто-то кроме него. И вот теперь этот Некто бродит по его пустыне и хочет его найти. Это выглядело довольно странно. Пустыня – она, конечно же, бесконечная, но не настолько, чтобы в ней было так трудно найти всего лишь одного Духа. А, может, этот Некто просто присматривается к нему так долго? Может, чего-то опасается? Или наоборот, задумал какую-нибудь пакость. О! Пакость! Какое неприятное слово. В последнее время Дух всё чаще вспоминал похожие слова. Некоторые вовсе не имели смысла, но звучали сильно.

Постепенно он стал замечать, что куда бы он ни посмотрел, везде в поле его зрения появлялась едва заметная тень продолговатой формы. Она словно говорила: «Ну, вот же я, посмотри на меня. Неужели ты не видишь?». Дух смотрел на неё и в упор, и вскользь, но кроме слабого мерцания ничего не видел. Он и себя-то никогда не видел. А потому предположил, что этот кто-то тоже Дух. Только почему-то он не хочет разговаривать. Может, не умеет? А он сам умеет говорить? И что это означает – говорить? Эта мысль надолго отвлекла его от пришельца. Про него он вспомнил лишь спустя пять сотен лет. Да и то потому, что пришелец сам обратился к нему. Это было, как Вселенское потрясение:

– Ты куда пропал?

– ЧТО!?! КТО ЗДЕСЬ?

– Не надо так пугаться и кричать заглавными буквами. Это всего лишь я.

– Кто я?

– А ты не узнал?

Тут только Дух осознал, что видит перед собой уже не прозрачную тень, а вполне отчётливый образ. Но какой странный! Фигура представляла собой нечто продолговатое, с двумя парами различных конечностей и округлым выступом сверху. На этом выступе имелось несколько объектов. Некоторые были парные, а другие по одному. По всей видимости, пришелец обращался к нему именно из этого выступа.

– Ну, ты даёшь! – рассмеялся Пришелец, – Сам ты выступ с конечностями! Ты что, не помнишь, как выглядят люди?

– Кто такие люди? – немного испуганно спросил Дух.

– Да-а-а, приятель, видимо ты тут совсем опух от безделья. Ничего не помнишь? Совсем-совсем ничего?

– Нет. Я только знаю, что когда-то умел это делать. А ты кто?

– Ну, раз ты ничего не помнишь, то и моё имя тебе ни о чём не скажет.

– Что такое – имя?

– Это название чего-нибудь. Вот тебя, к примеру, как зовут?

– Н-не знаю. Никак не зовут.

– Хорошо, а эту пустыню ты как называешь?

– Так и называю – пустыня. Это просто.

– Вот именно! Просто! Ха-ха! Это и есть имя. Пустыня – имя пустыни. У каждой вещи есть своё имя.

– И у меня?

– Ну, – смутился немного Пришелец, – У тебя, пожалуй, уже его и нет совсем. Ты, ведь, сам говоришь, что ничего не помнишь.

Дух тяжело вздохнул. Пришелец подошёл поближе и сочувственно произнёс:

– Да ты не расстраивайся. Это всё ерунда. Мы можем придумать тебе новое имя. Хочешь?

– Не хочу.

– А чего хочешь?

– Не знаю. До недавнего времени я ничего не хотел. Я даже не знал, что это такое. Я просто был тут и всё. Но потом что-то случилось. Во мне стали появляться мысли...

– Мы-ы-ысли! Ага! Это уже совсем другое дело. Значит, со временем ты сможешь всё вспомнить. Мысли – это первое дело. Можешь мне поверить.

– Но ты так и не сказал, какое у тебя Имя.

– Кхм... Зови меня Степан.

– Степан?

– Да, а что тебя так удивляет? – насторожился пришелец. « – Нет, не может быть. Неужели вспомнил? Только бы не вспугнуть», – подумал он.

– Да так. Это имя?

– Точно. Так меня зовут. Точнее, не меня, а того, кем я сейчас являюсь.

Дух с интересом посмотрел на нового знакомого.

– Ты что, не настоящий?

– Нет, конечно же, настоящий. Только я тут не весь.

– А-а, так вас много, да?

– Кхм... Сложно сказать. Положим, я состою из двух частей. Одна тут, а другая, соответственно, в другом мире.

Дух с сомнением посмотрел на него. Что-то здесь не так. Как такое вообще возможно? Вот, ведь, он сам, один единственный в своём мире и точно знает, что нигде его больше нет.

– Я тебя не понял.

– Ну, смотри: ты уже здесь давно, не так ли?

– Да.

– Никого не встречал тут практически никогда?

– Ага.

– Как, по-твоему, я тут оказался?

– Не знаю, – растерялся Дух.

– Вот. Не знаешь. Вернее, не помнишь. Ведь когда-то и ты сам очутился здесь.

– Это неправильно. Я был тут всегда.

Степан усмехнулся и уселся на песок, ловко подвернув нижние конечности, которые он обозвал ногами, под себя. Дух тоже опустился на землю, приготовившись внимательно слушать пришельца. Что-то ему подсказывало, что этот его новый знакомый может прояснить причину всех необычных событий за последние тысячелетия.

Степан прокашлялся, скорее для виду, потому как духи не кашляют, и начал рассказывать удивительную историю. Он часто упоминал про своего соседа, некоего Сашку, с которым они практически не общались, но который был чем-то очень важен для пришельца.

Из его слов Дух понял, что с тем Человеком, а именно так называл себя и других таких же Степан, случилось что-то очень нехорошее. Случилось очень давно. Много больше, чем помнил себя Дух. Каким-то образом этот Сашка потерялся неизвестно где, и вот теперь Степан ищет его по всяким мирам, надеясь вытащить. Потому что его первая половина осталась в его мире, но не может быть полноценной, пока не найдётся вторая.

– А если она так и не найдётся? – спросил Дух.

– Тогда первая умрёт.

– Что такое – умрёт?

– Как бы тебе сказать. Вот ты всегда себя помнил тут, в пустыне?

– Нет. Только несколько тысяч лет назад стал помнить. А до этого меня словно не было.

– Вот! Это и есть смерть.

– Это грустно.

– Нисколько! Это здорово! Таким образом, ты всегда знаешь, что можешь потерять эту свою память.

– Что же в этом хорошего? – не понял Дух.

– Это не даёт тебе остановиться и прозябать в наивной надежде, что смерть пройдёт мимо тебя, и всё будет длиться и длиться бесконечно.

Дух задумался. Странно как-то говорит этот Степан. Вот он – Дух, обитает тут почти вечность. Может быть, ещё столько же, или столько раз по столько будет носить его по этой безмолвной пустыне. Но смерть... Он чувствовал, что в этом слове таится какая-то загадка, которую ему не разрешить. Однако представить её он примерно мог.

– Я думаю, что понял тебя, хотя и не совсем уверен.

– Это хорошо. Нельзя быть уверенным ни в чём. Иначе это может обернуться против тебя. Вот мой сосед Сашка тоже думал, что всё знает про свою несложную жизнь. Но оказалось, что всё это только иллюзии.

Степан склонил голову набок и посмотрел на Духа вскользь. Было уже отчётливо заметно, что в центре его бесформенного объёма стала появляться золотистая полоса. Но была она ещё очень бледная и часто мерцала, словно пыталась вновь раствориться в прозрачной дымке. Степан незаметно выпустил пару тонких петель и попытался закрепить на этой полосе. Дух сразу почувствовал что-то неладное.

– Что ты делаешь?

– Хочу помочь тебе вспомнить своё прошлое.

– Ты думаешь, что это необходимо?

– А разве тебе самому не интересно? – парировал пришелец.

– Не знаю. Я боюсь.

– Боишься? Чего? Ты, ведь, всё равно ничего не помнишь! Как ты можешь бояться?

– Я чувствую. Нет, я даже знаю, что там есть что-то плохое.

Степан, однако, не стал убирать петли, а как можно спокойнее стал рассказывать Духу про людей, про Землю, про то, как много ещё во Вселенной различных миров, и в каждом из них есть своя неповторимая жизнь. Многие из этих миров были доступны другим людям, но не всем. Нужно было очень постараться, чтобы проникнуть хотя бы в один из них. А ещё труднее было вернуться обратно. Не всем это удавалось.

Вот и сосед Степана то же таким образом застрял в одном из миров. Только в его случае ситуация ухудшалась тем, что он не умел толком перемещаться по параллельным мирам. Именно так они и назывались. Это получилось у него совершенно случайно. Степан уже избороздил вдоль и поперёк не один такой мир и всё попусту. Главное, что и спросить-то он никого не мог, потому что где-то опоздал.

Ещё больше было миров, в которые не мог попасть никто из людей. Про них знали, но увидеть не могли. А если бы даже и смогли, то вряд ли что-нибудь поняли, потому как это есть Непостижимое.

Дух внимательно слушал, пытаясь представить себе всё это разнообразие. Подумать только! А ведь совсем недавно он и предположить не мог, что есть что-то кроме этой пустыни. Это было так удивительно, что вскоре он полностью был захвачен размеренным повествованием пришельца и не заметил, как тот практически опутал его тонкими, но прочными петлями.

Внезапно мир вокруг резко потемнел. Дух дёрнулся, но ощутил цепкие объятия пришельца. Внутри него вихрем стала зарождаться паника. Степан не стал дожидаться появления Хищников. Глядя прямо в центр яркой золотой полосы Духа, он спокойно сказал:

– А теперь, Санёк, пора домой.

Яркая вспышка осветила напоследок пустыню, и всё закончилось. Там, где только что сидели на песке Дух со Степаном, взвились вверх два небольших буранчика пыли и медленно осели, скрывая едва заметные следы. Ничто в этом мрачном мире больше не двигалось и не проявлялось, кроме нескольких стремительных теней, которые, впрочем, сразу же смылись из ставшего бесполезным уголка Вселенной. До следующего раза.

ГЛАВА 24.

*Пастух вернулся в свой дом в лесу,
Быка не видно, а сам человек не думает встать,
Солнце уже высоко, а тот всё отдыхает,
Его кнут и верёвка висят в пустом доме.*

Гоань Шиюань.

Сашка открыл глаза. С минуту он бездумно смотрел в потолок своей комнаты. В самом углу сидел маленький паучок. Сашке показалось, что тот грозит ему кулаком. Чушь какая. Сашка улыбнулся. В комнату лился широкой полосой солнечный свет, намекая на замечательный день. А какой сегодня день, кстати? Сашка призадумался. И тут его прошиб холодный пот. Что? Как? Почему он тут?

Он скатился с кровати и чуть не рухнул на пол. Ноги предательски дрожали. В памяти словно открылся широченный люк, и все события последних дней разом нахлынули на него. От ужаса Сашка нырнул обратно под одеяло и забурился головой под подушку.

– Этого не может быть! Это всё сон! Сон!! Сон!!!

От страха захотелось выть. Он зубами вцепился в потрёпанный матрас, судорожно сглатывая пересохшим горлом. Трясло его так минут десять. Потом немного попустило. Но вылезать из-под одеяла не хотелось. Почему-то казалось, что стоит только высунуться наружу, как увидишь психушку с её обитателями, такого же чокнутого японца или ещё хуже – чёрную и страшную пустыню. Все эти воспоминания вертелись сейчас перед ним, как сумасшедший калейдоскоп и казались более реальными, чем вот эта самая кровать и матрас.

Но вечно это продолжаться не могло. Он чуть приподнял одеяло. Ничего необычного. Просто его комната. Он сел на кровати. Солнце продолжало светить в окно. На кухне весело болтала по радио какая-то сопливая девица, а во дворе было слышно, как шоркает своей метёлкой бабка Матрёна. При этом она привычно покрикивала на бездомных кошек и собак, чтобы те не путались под ногами. Всё как всегда.

Он подошёл к окну. Вон его «копейка» стоит напротив. Вот бабка Таня и бабка Маня торчат с утра на своей скамейке и перетирают чьи-то косточки. А вон и Степан ковыляет по дорожке. Степан!!! Сашку словно кипятком обожгло. Он резко подхватился, кое-как напялил штаны и футболку, и выскочил на улицу прямо в стоптанных шлёпанцах.

– Степан! Стёпка, блин, погоди!

Он подбежал к насторожившемуся дурачку и, еле переводя дыхание, зачистил:

– Ты, это, скажи, что со мной было, а? Слышишь?

– Гы!

– Не дури! – чуть не взвизгнул Сашка, – Ты ведь всё понимаешь, только прикидываешься, правда? – с мольбой в голосе протянул он.

– Гы! Гы!

– Степа-а-ан!!! Это же я, Сашка! Ты что, а?!

Из глаз Сашки брызнули слёзы. Он смутился. Ничего себе! Вот тебе и прослезился, словно баба. Он попытался взять себя в руки и уже более спокойно сказал:

– Я не знаю, зачем тебе это нужно. Может, ты скрываешься от кого-то, может, косишь зачем-то, но я точно знаю, что ты был там со мной, в той пустыне. Признай хоть это!

Но в ответ придурковатый Стёпка только смотрел на Сашку слезящимися косыми глазками и глупо улыбался, непрерывно гыкая. Из носа его, как всегда, текло, а руки совершали немислимые дёрганные движения, словно у паралитика. Ни в одном глазу не было ни капли интеллекта. Сашка хотел, было, как следует тряхнуть дурачка, но за того вступилась дворничиха и пригрозила Сашке новой метлой.

Он не стал привычно огрызаться, чем немало удивил старушку, а торопливо поднялся к себе домой и поставил чайник. Не смотря на жаркий день, его ощутимо трясло, будто простуженного.

С нетерпением ожидая, когда закипит вода, он ходил из угла в угол по маленькой кухне и думал. Думал и думал о том, что всё это настолько странно, что просто не может оказаться обыкновенным сном. Ну, вот взять, хотя бы, его поход к психиатру. Ведь было же это! Конечно, было! Только он совсем не помнил, чем это закончилось. А как же дурка? Точно! Была ведь дурка. Значит, его таки повязали и определили на лечение.

Он прекрасно помнил парк на территории больницы. Мог даже с уверенностью вспомнить лица некоторых пациентов. Один из них так и стоял у него перед глазами. Тот, что с квадратной головой. Взгляд у него ещё был такой необычный. Светящийся.

Только была тут одна странность. Сашка помнил про психушку словно из какого-то фильма. Это как во сне, вроде бы ты являешься непосредственным участником событий, а вроде видишь всё со стороны. Ну да! Так и есть. Он там был, но не как Сашка, а как кто-то другой.

Сашка потряс головой. Тьфу ты, чушь какая! А этот амбал япошка? Как его, О-мани или О-нами? Не-ет... Это уж точно было во сне. Какая, нафиг, Япония? Он там никогда не был и вряд ли когда-нибудь будет. Чухня всё это.

Чайник призывно зашумел. Сашка заварил кружку крепкого кофе и выдул на раз. Немного подождал. Благословенное тепло разлилось по внутренностям, возвращая Сашку в мир живых.

О, точно! Он, ведь, был уже мёртвым. Там, в жуткой пустыне. И именно Стёпка, зараза, вытащил его оттуда. Почему зараза? Он же его спас? Да ну, нафиг! Какая, к чёрту, пустыня! Мёртвые не возвращаются. Да и Стёпка – полный даун. Ничего этого не было, вот и всё.

Сашка налил себе ещё кружку и стал пить, уже не торопясь. А какой сегодня день? Он подошёл к календарю. Хм, так сразу и не определишь. Он включил приёмник погромче.

Весёлая дикторша молотила без умолку о всякой чепухе, стараясь быть остроумной. Это плохо у неё получалось. Наконец, прозвучала во всей этой галиматье сегодняшняя дата.

Челюсть у Сашки отвисла – 10 августа! Ни хрена себе! Так это что же получается, он где-то кантовался целых две недели?! Но этого не может быть! Последний раз, когда он ездил на работу, было только 27 июля. Он это хорошо помнил, потому что за пару дней до того дядя Ваня купил себе новую машину. Куда ж делись эти две недели?

Сашка набрал номер мастерской. В трубке послышался чуть хриплый голос Михалыча:

– Алле, алле?

– Михалыч, здарова!

– Кто это говорит?

– Да я это, Сашка.

– Опа, Санёк! Не узнал – богатым будешь.

– Буду. Ты, Михалыч, вот что скажи: меня на работе давно не было?

– Так это... ты чё перепил, что ли, с вечера, и не помнишь ничего?

– Я не пью, ты же знаешь, – ответил Сашка напряжённо.

– Да ладно тебе, не кипятись. Вчера ты был до пяти, а потом укатил на своей «копейке», как обычно.

– Вчера?! Как вчера?

– Да так. Я ж говорю: как обычно. Ты чё, мозгом клина поймал?

– Да не, Михалыч, всё в норме. Это я прикалываюсь. Сегодня у нас чё?

– Да ни чё. Иван в город укатил за генератором для «Опеля». Скоро хозяин вернётся. Нужно поскорее сплавить это ведро. Васька к зубному пошёл. Так мы сегодня типа и не работаем. Ты ж сам вчера отпрашивался. Сказал, что дело у тебя какое-то срочное. Иван тебя и отпустил на сегодня. Я тут за дежурного остался. Ты чё, правда ни хрена не помнишь?

– Да говорю же я, прикалываюсь. Да ещё вчера так запарился, что вот торможу сегодня по чёрному. Ну, ладно, бывай!

– И ты не кашляй. Пока!

Сашка откинулся в кресле. Вот тебе и отпросился по срочному делу. Как могло случиться такое, что он не помнит ничего из этих двух недель? Михалыч утверждает, что всё было, как обычно. То есть он всё это время, как всегда, работал в своём автосервисе, но ничего об этом не помнит. А помнит, как раз, наоборот, о том, чего на самом деле быть не могло вовсе. Это уже не просто клин в башке. Это уже похуже будет.

Он стал перебирать в уме события до этого странного периода времени и не мог найти ничего необычного. Пару раз с ним случался тот странный утренний приступ онемения, но всё проходило нормально. Нормально? А, может, это и есть причина? Как там говорил этот здоровяк япошка: «Ты – это не ты, а какой-то там грёбанный колдун и т.п. и т.д.». Что если и впрямь его тушкой завладел некий гадский субъект и выдавал себя за Сашку Тарелкина, а сам творил по ночам свои тёмные делишки? Может, и замочил кого?

От подобных мыслей Сашку всего передёрнуло. Ведь и не проверишь никак. Того и гляди, сейчас менты заявятся и ненавязчиво так скажут:

– Вы, гражданин, такого-то и такого-то числа замочили столько-то человек, а спустя пару дней ещё вот столько. Что вы можете сказать на это, ась?

– Тьфу ты, блин, херня какая! Эдак точно с катушек слететь не долго.

Он отнёс кружку на кухню, сполоснул лицо холодной водой и вышел на балкон.

Лето постепенно сдавало свои права, хотя солнце продолжало жарить. Многие деревья расцвели жёлтыми листьями, намекая, что скоро осыплются, и тогда лету полный кердык. По двору нарезал небольшие круги дурачок Стёпка. Он что-то бормотал себе под нос, пуская слюни и периодически громко пуская газы. Это его явно забавляло.

Сашка, однако, уже не был так уверен, что Стёпка полный псих. Ведь и до этого странного случая он пару-тройку раз огорошивал его вполне вразумительными фразами. Сейчас Сашка не мог уже вспомнить, что тогда говорил Стёпка, но то, что это было на самом деле, не вызывало никаких сомнений.

Что-то ещё царапалось в Сашкином мозгу, не давая сосредоточиться. Что-то про психов. Он наморщил лоб. Ну, конечно! Дурка! Если он там был на самом деле, то сможет это легко проверить. Он точно знал, что раньше никогда в жизни не был на территории больницы. Даже в детстве они с пацанами обходили её за версту, вполне серьёзно полагая, что психи могут вырваться на свободу и поубивать всех, кто попадётся под руку. И уж тем более он никак не мог знать самих пациентов клиники. Если он кого-либо из них узнает, значит, точно был там, а все эти рассказы Михалыча про работу – полнейшая чушь.

Не долго думая и даже не представляя себе, как он объяснит своё появление, он решительно стал собираться в больничку. Побрился, переделся и взял на всякий случай паспорт. Машинка завелась с полоборота, радостно вибрируя всем кузовом. Сашка спокойно вырулил со двора и, глянув напоследок на пританцовывающего Стёпку, усмехнулся и порулил на другой конец города.

* * *

В больнице было время прогулки. Сашка не стал выдумывать ничего оригинального и просто попросил разрешения увидеться с дальним родственником, которого назвал Кубиком. Дядька на проходной совсем не удивился подобной просьбе, только предложил на всякий случай сдать режущие и колющие предметы, если таковые имеются. У Сашки ничего подобного не было, и тогда дядька попросил подождать немного.

Сашка присел на высокую табуретку, которая оказалась прикрученной к полу.

Минут через десять двустворчатые двери отворились, и показалась инвалидная коляска, которую толкал крепыш-санитар. На коляске сидел сгорбленный человечек с явно непропорциональной головой. Сказать, что она была у него квадратная, было бы неправильно. Скорее просто большая и угловатая. Взгляд потухших глаз не выражал ровным счётом ничего. На вид человечку могло быть и тридцать, и пятьдесят лет. Толком не разберёшь. Он тупо смотрел в одну точку, но вряд ли чего видел. Натуральный «овощ», как их называют в дурке.

Санитар подозрительно посмотрел на Сашку, не понимая, чего вдруг понадобилось непонятно откуда взявшемуся родственнику от этого дурика. Может, аферист какой? Да пофиг. Ему-то какое дело? Сказали: привези, он и привёз. Остальное его не касается.

Сашка с сомнением глядел на инвалида и не мог признать в нём того самого Кубика, которого он видел раньше. Значит, всё это только сон? И дурка, и пустыня, и О-нами с кровожадным принцем в придачу – всё это долгий и очень странный сон, так похожий на реальность? А, может, он всё ещё спит? Как теперь проверишь? Ущипнуть себя, что ли? Да только вряд ли это поможет. Он до сих пор чувствовал, как его грудь пронзили три вражеских стрелы. Это покруче любого щипка будет. Однако даже это не разбудило его.

Он совсем запутался. Человечек продолжал безразлично смотреть в пол. Сашка вздохнул тяжело и попросил увести больного.

– Нет, это не он.

– Других Кубиков у нас нет, – предупредил санитар.

– Хорошо, спасибо. Я, наверное, ошибся.

Санитар пожал плечами и покатил коляску обратно.

Сашка вышел на улицу. Лёгкий ветерок кружил опавшие листья. Со стороны парка доносились разномастные возгласы психов и окрики санитаров.

Необъяснимая тоска завладела Сашкой. Словно он лишился чего-то очень близкого и тайного. Это как в детстве, когда заканчивается праздник Нового Года и кажется, что с ним ушло что-то волшебное, принадлежавшее только тебе одному. Он уселся в машину и ещё долго так сидел, глядя на падающие на капот листья. Потом завёлся и покатил домой.

А в парке, тем временем, санитары искали исчезнувшего вдруг пациента. Самым странным было то, что больной являлся классическим «овощем» и самостоятельно передвигаться просто не мог. Другие пациенты только усиливали всеобщую нервозность. Санитар, что выкатывал больного на встречу с родственником клялся, что доставил того обратно в палату и пристегнул коляску к кровати. Коляска оказалась на месте, а больной исчез...

* * *

На чердаке больницы отворилось с лёгким скрипом маленькое окошко, и скрюченная рука быстро втянулась обратно внутрь. Отсюда была хорошо видна дорога. Тот, кто открыл окно, с улыбкой посмотрел вслед удаляющейся синей машинке и тихо произнёс:

*Ступая вперёд,
Ступая назад,
Ступая в середину,
Ступаешь за предел бытия,
Где ум свободен от всего,
Ты уже не испытываешь рождения и смерти.*

КОНЕЦ.

2004 г.